

Мария
Конопницкая

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

К *Мария* Конопницкая

СОЧИНЕНИЯ
В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

К *Мария* Конопницкая

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
ВТОРОЙ

ПАН БАЛЬЦЕР В БРАЗИЛИИ

*Перевод с польского
МУЗЫ ПАВЛОВОЙ*

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959*

483521/3
8

Примечания Э. ГЕССЕН

**Оформление художника
Г. КРАВЦОВА**

I

НА МОРЕ

1

Итак, когда, покинув берег мой,
На палубе я встал, расставив ноги,
Я понял, что с последнею слезой
Забудутся помехи и тревоги.
Корабль качался грузно над водой,
Встречая грудью пенные пороги,
И вздрагивал, натягивая трос.
Попутный ветер с шумом волны нес.

Эх, отче наш!.. Ведь я же не мякина,
Чтоб ветром сдуло! Ладно, плыть так плыть.
Во имя господи, отца и сына...
Бог должен сам католика хранить.
И тут я подбодрился как мужчина,
И, вспомнив вдруг свою былую прыть,
Надвинув шапку набок, стал курить я,
Пока не услышал сигнал отплыть.

О, этот свист, пронзительный такой,
Что волосы от страха шевелятся!
Сама земля прощается с тобой,
И тщетно хочешь с духом ты собраться...

Колени подкосились подо мной,
И очи стали влагой наполняться,—
Коль некому оплакивать тебя,
Ты прослезись, жалея сам себя.

А шлюпки уж от берега гурьбою
Шныряли к кораблю наперебой,
Кружились, суетились над водою,
Как чайки, увлеченные плотвой,
Вперед, назад; склонившись над кормою,
Следили мы за этой мелюзгой,
Вдруг пушка зарычала портовая,
Но звук упал, в волнах изнемогая.

То был сигнал, что якорь водворен
На место; море держит нас покорно.
Как мельничные крылья с двух сторон
Винты забили. Дым густой и черный,
Безоблачный пятная небосклон,
Клубился, как из чертового горна.
Казалось, наш корабль трещал по швам,
Волну перерезая пополам.

И вслед за ним, как пласт земли, что плугом
Отрезанный лежит на целине,
Шла полоса, и мчались волны цугом,
Сверкая и дробясь в живом огне,
И солнце село в воду полукругом,
Разбрасывая краски по волне.
Взлетала борозда за бороздою,
И лодочка тащилась за кормою.

Тут вдруг раздался крик со всех сторон,
И каждый стал находчивым и смелым.
Зевать нельзя — таков морской закон,
Не то поддашься волнам оголтелым:
Вот так медведь, цыгану подчинен,
Идет везде, куда б ни захотел он,
И человека — кто бы ни был он,
Здесь стережет один морской закон.

В то первое мгновенье был я жалок,
Как загнанный погоней русак,
Что в ужасе бежит, пугая галок,
От злобного рычания собак.
Я чуть не стал добычею русалок —
Так ветра свист и этот кавардак
Меня перепугали... Озираясь,
Я съежился, как у опушки заяц.

Но понемногу стихло все; бог весть,
Вода ль утихла, я ль привык — не знаю.
А что казалось мне, что каждый здесь
Кричал свое, друг друга понукая,
Так то неправда! Тут отдался весь
Подробному осмотру корабля я,
Я видел — здесь всех выше капитан,
Но выше капитана — океан.

Он старше всех владык и бургомистров,
И всяк пред ним навятяжку встает,
Когда сорвется, забушует в искрах,
Как будто пушка с фитилем; но вот,
Угомонясь, течет спокойный, чистый,
Не заслоняя ясный небосвод,
И на огромное расстояние
Вокруг расходится его сиянье.

Но это понимаешь ты потом,
А в первый миг стоишь ты ошарашен —
За ворот льет, ты свален с ног толчком,
И лоб кровоподтеками украшен,
Иль вдруг в цепях завяз ты каблуком —
Здесь каждый шаг так труден и так страшен!
Вокруг вода людей сбивает с ног
И океан бурлит, как кипяток.

Что ж странного, что тут я растерялся
И даже не заметил земляков?
Клубами дым над ними поднимался,
Они ж, как стадо посреди волков,

У труб столпились — так перепугался
Крестьянский люд. У дюжих мужиков
Дрожали губы. В их безумном взоре
Я видел страх, бессилие и горе.

И я на них глядел, ошеломлен,
На их сукманы старые в заплатах,
На затканый седую шерстью лен,
Тот, что прядут крестьянки в польских хатах,
Где вишни зацветают у окон
И где висит солома с крыш покатых,—
Все брошено для бурь в чужой стране...
И тяжкий холод стиснул сердце мне.

Так значит пробил час, пришла година
Последнего суда — народ решил,
Встряхнулся так, что отвалилась глина,
И вот фундамент тайный проступил.
Должна же быть у мужика причина,
Коль душу точно таинством снабдил
Последним и за морем ищет силы,
Как будто по ту сторону могилы.

Во мху болот не трудно гриб сорвать,
Но трудно вырвать дуб, чье корневище
Врастало год за годом в землю-мать,
В ее груди найдя себе жилище.
Топор смертельный должен ствол сломать —
Недаром он в лесу народном рыщет,
И, видно, нет уже ему преград,
Коль наши щепки за море летят!

Ремесленник — тому еще полгоря,
Свободный и бывалый человек,
Ему-то что! За море, так за море,
Нужда? — поправлю. Горе? — не навек.
Но мужику, что век с землею спорит,
К сохе, как к топорищу дровосек,
Прирос, тому беда — в часы разлуки
Земля за ним, стеная, тянет руки.

Вот потому с тоскою человек
Смотрел на этот берег нелюбимый,
На волны пенистые, точно снег,
Летающие под винт неудержимо.
Как птицы в перелете, что ночлег
Находят в небесах необозримых,
Так взора оторвать мы не могли
От этой исчезающей земли.

Уж зарево на западе погасло,
И волны смыли солнечный пожар.
Сияло море, гладкое, как масло,
И к небесам струился легкий пар,
И в синеве вдруг засияла ясно
Вечерняя звезда — небесный дар,
И бледный лик открылся нам, мерцая,
Наш трудный путь в ночи благословляя.

О, сколько сил таит тот луч живой,
Таинственный и полный сострадания!
Как будто головы твоей больной
Коснулось материнское дыханье.
Невольно взгляд заволокло слезой,
И, сдерживая стоны и рыдания,
Все начали молиться и взывать:
«Звезда морей! Спаси нас, божья мать!»

.

И песня зазвучала на просторе,
И сотни рук тянулись к вышине,
И как орган внизу гудело море,
А наверху, в небесной тишине,
Звезда блестела, та, что лечит горе
И что, скользнув по нашей целине,
Пришла молиться с нами о пощаде
И малышей по головам погладить.

Так ночь застигла нас. При свете звезд
На небеса взирали мы с мольбою,
Как аисты, что прочь летят от гнезд,
Гонимые неизвестною судьбою,—

Кто может знать, куда их вихрь понес?
Они плывут, накрытые зарею,
И крылья их, подвластные ветрам,
Скользящей тенью выются по волнам.

.

Вдруг воды почернели. Мрак ужасный
Повис над ними, словно черный плат.
Гроза? Нет, слава богу, страх напрасный!
То океан, своей свободе рад,
Бушует, нрав меняя ежечасно:
То ощупью крадется наугад,
То, налетев на наш корабль средь мрака,
Ворчит и скалит зубы, как собака.

А колокол уже оповещал,
Что нам пора на отдых. В самом деле,
Ночь близилась. Народ гурьбою встал,
Все поспешили к лестнице, хотели
Занять места скорее — трюм был мал,
Не всем там было место для постели,
А правильной сказать — для тюфяка.
Пришлось изрядно нам память бока.

И тут пошла такая перепалка,
Как на войне! Как грозный ледоход,
Толпа рванулась. Начиналась свалка.
Мы все ломились к лестнице — вперед.
Я видел — в трюме, на полу, вповалку
Располагался на ночлег народ,
И я полез, орудуя локтями,
И занял угол в этой душной яме.

Местечко не из лучших. У господ
Курятники просторней и светлее.
Тот над тобой, а этот сбоку жмет,
И ты — как в скорлупе: не двинуть шей,
Мужчины, дети, бабы, словно скот,
Храпят, кричат, сдвигаясь все теснее.
И так тебя бросает в пот и в дрожь,
Пока ты как убитый не заснешь.

Но и во сне ты не найдешь покоя.
Едва утихнет сонный разум твой,
Как снится, будто лошадь под тобою
И ты вот-вот слетишь с седла долой,
И, обессилен скачкою шальнойю,
Ты в ужасе кричишь спросонок: «Стой!»
Но, головой ударясь о ступени,
Ты падаешь к соседу на колени.

И снова в забытье ты погружен...
И вдруг ты слышишь, как над самым ухом
Орут: «Спасите!» Ты ошеломлен,
В висках стучит, и сердце бьется глухо,
И тщетно ты зовешь желанный сон,—
Твое чело в поту, и в горле сухо,
Ты от тревог и духоты ослаб,
Но спать тебе мешает громкий храп.

Лишь на рассвете снова я забылся
И крепко спал до самого утра.
И край родной так живо мне приснился!
Я кузницу увидел — как вчера.
С лугов гусиный гогот доносился,
Мужик поил кобылу из ведра.
И предо мной на наковальне снова
Лежала, словно радуга, подкова.

Эх, в эту ночь вы были вновь близки —
Село, изба и вспаханное поле...
И до утра стонали мужики,
Тоскуя по своей мужицкой доле,
Ворочались, вздыхая, старики,
И бабы тихо выли, как от боли.
Корабль качался с ветром заодно,
И море нас шатало, как вино.

И только дети спали беспробудно,
Как будто больше не проснуться им.
Как в люльке, их укачивало судно,
Баюкая движением своим.

Нам и во сне тщету мирскую трудно
Забыть, наш дух гордынею томим,
Но дети дремлют на груди Христовой,
Как говорит евангельское слово.

.

2

Но встал рассвет, и от ночной тоски
И следу не осталось. Вышли снова
На палубу с надеждой мужики
Вдохнуть прохладу неба голубого,
Перекрестясь, взяли за узелки
И хлебушка покушали ржаного.
Казалось, ветер им успел шепнуть:
«Эх, братцы... обойдется как-нибудь!»

Что в мире тешит больше упования?
Пусть сердце обносилось до заплат,
Все ждет оно судьбы, как обещанья.
И даже мрак кладбищенских оград
Лишь притаился, полон ожиданья.—
Так смерть сама вперяет мертвый взгляд
В простор небес, следя за облаками
Сухими, неподвижными зрачками.

Дивясь, народ осматривал ковчег,
Что нас по морю нес быстрее птицы,
Да тут не то что сотня человек,—
Тут целый хутор мог бы поместиться.
Дивится землероб и дровосек.
Так стройных мачт считая вереницу,
Стоит, задравши головы, народ,
И кто-то объяснения дает:

— У кораблей, как у людей, есть имя,
Вот этот «Крейц» зовут — что значит крест.
Сам папа пишет метрики им в Риме.
Под пушечные залпы, под оркестр

Крестят корабль. А он в огне и в дыме
Стоит вдали, и все гремит окрест.
Немало пьется тут вина и меду,
И первый ковш заздравный — льется в воду.

Как человек увенчан головой,
Так он увенчан мачтою, торчащей
Над палубой. Пройдешь весь шар земной,
Покуда дуб отыщешь подходящий,
Которого не точит червь лесной,
Не сушит лист омелы, скрытой в чаще,
И чтобы мох не покрывал ствола,
И чтоб кора грибом не обросла.

И прежде чем срубить, изволь измерить:
Сто футов в высоту он должен быть,
А ширина ствола по крайней мере
Обхвата в три. И уж затем — рубить.
Топор гудит, шарахаются звери,
Уж тут мужик показывает прыть!
И, как медведя, волоком, из чащи
Огромный ствол по волчьим тропам тащит.

Но долго вам рассказывать о том,
Какая происходит с ним работа,
Пока еще в его стволе живом
Хоть капля есть его живого пота.
Не столько раз мужик махнет серпом,
Не столько раз еврей, молясь в субботу,
Качнется, сколько мук узнает он,
Пока не встанет, к небу вознесен.

А вот бугшприт — тут нужен ствол сосновый.
Глянь, паруса трепещут, как платки,
Когда лоточники, чтоб сбыть обнови,
На ярмарку несут свои лотки.
На нем канаты сеткой бестолковой
Висят, ползут, свободны и легки,
А наверху корзина, возле сетки,
И юнга в ней свистит, как дрозд на ветке.

Как детвора на белку, наш народ
Дивится, рты разинув как ворота.
Все спорят: — Упадет! — Не упадет! —
Качнулся юнга. В страхе крикнул кто-то:
— Держись, парнишка! А не то сорвет! —
Молчит... А третий: — На таких высотах
Не слышит он,— вода стучит о борт...
А впрочем, этих бережет сам черт.

И точно! Я и сам его проделки
Видал не раз, и на моих глазах
Карабкался на мачту он, как белки
На ствол ольхи, на миг мелькнув в ветвях.
На дереве ни пятнышка, ни шелки,
Другой бы уж давно лежал в волнах,
А этот — хоть бы хны — достиг корзины!
Уж тут, конечно, не без чертовщины...

Но более всего дивила нас
Широкая, бескрайная пучина.
Стой хоть весь день, не отрывая глаз,
Не высмотришь ни деревца, ни тына,
Не встретится ни барка, ни баркас —
Лишь океана синяя равнина,
И хоть, как солнца, ты глаза вращай,
Напрасно все, не виден моря край.

Теперь смотри, как в этакой пустыне
Корабль себе прокладывает путь;
Одной зарей руководясь отныне,
Он знает, как идти и где свернуть.
Скорей мужик заблудится в Стердине,
Когда, успев для праздничка хлебнуть,
Бредет к себе домой, чем это судно
На скатерти равнины изумрудной.

И, вглядываясь в розовый простор,
И стар и млад воспряли духом снова.
И завязался тихий разговор,
Порхая здесь и там, от слова к слову.

Так постепенно разгорался спор
О том, что ждет вдали села родного...
И, как жужжанье говорливых пчел,
По палубе веселый шум пошел.

Какое разноцветное собрание!
Старухи, бабы, дети, мужики,
Ломжинцы, и мазуры, и плоцчане,
И с Нарева седые земляки.
Кто в рубище, кто в свитке, кто в кафтане,
Пестреют шапки, кофты, кушаки,
Горшечники, крестьяне, браконьеры —
У каждого особые манеры.

Глаза сверкают, сжат упрямо рот,
Пылают разруганные щеки!
Тот черен, как кора на пне, а тот
Бел, точно лен. Тот едет руки в боки,
Тот — с шапкой набекрень. Простой народ,
Трудолюбивый, жилистый, широкий,
Хоть на равнинах жил он испокон,
А горд как после исповеди он.

Иной в простом кафтане, весь в заплатах,
А погляди, как важно держит речь!
Как будто он и вправду из богатых,
Всех переспорит, лучше не перечь.
Он говорит, и клок волос лохматых
На потный лоб упрямо хочет лечь,
А он опять смахнет его рукою
И снова брякнет что-нибудь такое!

Но громче всех на палубе басил
Мужик Опач, любитель споров жарких,
Тот, что с землей покончил и служил
Под Наревом в артиллерийском парке.
Поверх кафтана он шинель носил
И, закрутив любимую сигарку,
Любил поговорить и прихвастнуть,
Могучую выпячивая грудь.

— Подумай, море,— невидаль какая! —
Сказал он, сплюнув струйкою слюну.—
За сороковку я от края к краю
Переплыву все море вам в длину! —
А бабы хором: — Дева пресвятая!
В длину?.. Через такую глубину?..—
А он: — Ну что заохали? Пустое! —
В Одессе я видал и не такое!

Сказал Секура:— Коли мы сюда
Добрались, дальше легче будет, братцы...—
А Бандыс усмехнулся, как всегда:
— Пусть «дальше» будет «ближе»
называться...—

Захотел народ:— Вот это — да! —
Сказал Опач:— Слышать, туда добраться
По суше можно, только вот пути
По суше не смогли еще найти...

Сказал Пшитула:— Экие тупицы! —
И покачал с презреньем головой.—
Неужто вы не знали, что границы
Любой земли окружены водой?
Иль думаете от врагов закрыться
Щеколдою довольно иль доской?
Лишь тот силен, кто овладел водою,—
Тот может справиться с любой бедою.

— Да что ты рассуждаешь с мужичьем! —
Сказал колесник Магер, сплюнув в воду.
Из Лукова он шел — там, что ни дом,
Все корчат шляхтичей; такую моду
И он завел, но ходит слух о том,
Что там так много важного народу,
Что, если не родится вдруг горох,—
Подстилки не хватает для сапог.

Тут мужики давай толкать друг друга,
Да фыркать, да подмигивать, пока
Бугай, веселый парень, родом с юга,
Вдруг не поддал соседу тумака:

— Вот так-то все соображают туго,
Пока бурмистр не обомнет бока;
Как в ратушу идти — так все болваны,
А как обратно — все умны, как паны!

Подумаешь, дурак! Какой пустяк!
Недаром есть в народе поговорка,
Что так же, как и умные, дурак
Небось не бросит в мусор хлеба корку,
А сбережет. И это верный знак,
Что разум есть. Но только умник зорко
Сумеет присмотреться и понять,
Какую он в мозгах имеет кладь...

Тут Магер закрутил свою сигарку,
Побагровел и стиснул кулаки.
Сказал Опач: — В артиллерийском парке
У нас вот тоже были дураки,
Что в повара пошли и на приварке
Разбухли, как бараньи курдюки,—
Тогда мы все фельдфебелю сознались,
Что умниками только притворялись.

Так наш фельдфебель, получив табак,
Пересчитал нас всех на полигоне,
И почему-то получилось так,
Что умными-то были только кони,
А солдатня — на дураке дурак.
Таков был рапорт (в каждом эскадроне
Порядок свой), и нас свели к врачам!
О том в газетах было — стыд и срам!

— Нам немец говорил,— сказала баба,
Но тут со всех сторон пошел галдеж:
— Чего там верить немцу! К черту шваба!
Все нехристи! И вся их вера — ложь! —
Кричит другая: — Немец точно жаба!
Мы прошлый год им продали за грош
Соломы воз — да проку было мало,
Тех денег через день как не бывало!

Вздохнул Щенсник-сапожник: — Эх, беда!
Куда мы едем от родимой хаты?
Уж дал бы бог — туда или сюда... —
Сказал Секура: — Говорят, богатый,
Завидный край, есть золото, руда
И всякий минерал замысловатый,
Да, говорят, там черные живут,
Зато туда католиков зовут...

Тут женская команда зашумела:
— Слышь, Зоська, там как сажа мужики!
— А Зоське что? У ней есть Стахо белый! —
Послышались девичьи голоса.
— Да тише вы! — А вам-то что за дело? —
— Эй, выдам! — Полно! Что за пустяки... —
Раздался смех девичий: — Эй, не балуй! —
И Зося, как малина стала алой.

А рядом спор, о чем — не разберешь:
— Слыхат, там горы лучше, чем низина?..
— В горах с сохой, пожалуй, пропадешь...
— Да что мне горы — мне нужна долина,
Полполя с лишком выпашу под рожь,
А бабе остальная половина —
Пусть сеет там ячмень, овес и лен,
И чтоб картофель цвел со всех сторон.

— Я слышал, там картофель не родится,
Зато пшеница выше, чем тростник...
— А почему б там не расти пшенице? —
На ихнем солнце все созреет вмиг.
А почва, говорят, у них лоснится,
Как глина. Тут один еврей-старик
Уж о цене расспрашивал хозяев
И подсчитал барыш от урожая.

— Два урожая за год можно снять!
Ведь, говорят, там климат больно знойный,
Сама земля потеет, так сказать,
Колосьями. Там будем жить спокойней.

А овцы-то какие там! Слыхатъ,
Котятся двойней, а не то и тройней!
Ягненок жирный — как у нас овца!
Богатый край... Да нет пути конца...

Вздохнул и смолк... Вот так мужик вздыхает
Там, где другой пустился б в разговор,
И есть в том вздохе жалоба глухая,
А может быть, и гордость, с давних пор
Сидящая в крестьянине, такая,
Что помогает повстречать в упор
Беду любую — голод, мрак и стужу,
И никогда не вырвется наружу.

А поодаль стояла у перил
Другая группа. Сгорбленные спины,
Натруженные руки с сеткой жил,
А лица — словно слеплены из глины.
Они молчали. Кое-кто курил.
И, вслушиваясь в грозный плеск пучины,
Вздохнув, качали люди головой,
Как будто вняв той жалобе живой.

С какой тоской крестьяне наблюдали,
Как убегал назад за валом вал...
Один сказал: — А вы про то слышали,
Что в гавани нас встретит кардинал?
— Что?.. Кардинал? — Ну да, с крестом! —
Едва ли! —

А первый снова: — Папа подписал
* Такой приказ, чтоб ксендзы там крестили
И хоронили... Там, брат, вера в силе...

Вздохнули. Помолчали. Кто-то вдруг
Раскинул руки: — Боже всемогущий!
Вот — Лазарь я... Дай хлеба мне из рук
Архангелов... прошу я, неимущий! —
Другие шикнули — не надо вслух...
Замолк. Сквозь слезы шепчет: — Хлеб
насущенный...—

Старуха стонет: — Господи, прости...
Уж только б кости, кости донести...

И вздрогнул я — ведь это ж униаты,
Мои единоверцы, земляки!
Я также родом из подлясской хаты...
Я подошел. И тут же мужики
Подвинулись. Они со мной, как с братом,
Разговорились, ведь навек близки
Бекеша кузнеца и их сукмана —
Их путь един и дружба без обмана.

И головы приблизились. И вот
На смуглых лицах краска проступает, —
Недаром век за веком наш народ,
Скрывая раны, кровью истекает...
Но берегись! Воды набравши в рот,
Молчи! Пускай язык твой не болтает...
Короткий разговор — слова, как цеп:
— Откуда? — С Буга. — Что там ищешь? —
Хлеб.

Река! О, знала б ты, какая сила,
Какая мощь кипит в твоих волнах,
Какие клятвы дно твоё сокрыло, —
Ты б поднялась столбом и в облаках
Пророком Иорданским возгласила:
Настало время! Отряхните прах,
Восстаньте все из мрака преисподней —
Грядет, грядет последний суд господний!

Да что ж, пока «аминь» нельзя сказать —
Кому здесь воля, а кому неволя.
Земля не лист бумаги, и печать
Она не держит. Хоть святые, что ли,
Мне помогли бы сжатый сноп собрать.
Господь, храни меня в земной юдоли!
Пока мой молот не ударит так,
Что груды искр посыплются во мрак.

Раздался грохот. Смолкли разговоры.
 Внезапный ветер воду взволновал,
 И, путая следы, помчал в просторы,
 И ринулся на нас за валом вал,
 До палубы воды взлетали горы,
 Как будто ливень сверху поливал.
 Уже вода тебя теснила, била,
 То в жар тебя бросало, то знобило.

Да что там толковать: земля — земля,
 А море — это море. И причуды
 У каждого свои. А ты, моля
 Святых и небо, сам себя покуда
 Спасай. Уж пассажиры корабля
 Лежат вповалку и шипят, как груды
 Сырых поленьев, брошенная в печь,
 И некому их тут предостеречь.

На корабле, как на войне, — кто сгинет,
 Тот сгинет, кто не сгинет — будет цел.
 Ты, зубы стиснув, жди, пока все минет.
 Мужик-то что! Такой его удел.
 Но бабы, поручив себя пучине,
 Стонали так, что, если ты хотел
 Забыться хоть на час в переполохе,
 Тебе мешали оханья и вздохи.

К тому же в трюме, где лежало в ряд
 До тысячи людей, спеша укрыться,
 Зловонный воздух ты вдыхал как яд
 И мог последних сил своих лишиться.
 Не так в июльский день, когда палят
 Лучи, в камнях гнездо гадюк роится,
 Как там роилась эта груды тел...
 Уж кто-то даже вешаться хотел.

А кое-кто решил топить в водке,
 Хоть и была там водка дорога.

А как поймают — разговор короткий,
Сейчас под помпу и, без батога,
Так высекут, что крик застрянет в глотке.
На этот счет охрана там строга.
А кто удрать решит, за тем охранник
Помчится, как борзая в конопляник.

Казалась пища горькой. А воды
Захочешь, так с трудом достанешь пресной.
Грязь, сутолока, брань на все лады...
Но лень уже и трюм покинуть тесный.
Так, сгрудившись, как в шалаше жида
На праздник, над пучиной безызвестной
Сидели мы, скрывая в горле ком,
Прикрывшись муки черным лоскутком.

Куда девалась смелость, бодрость духа,
С которой начинали мы наш путь!
Подл человек — душа его от брюха
Недалеко. То спорит кто-нибудь,
То слышишь: кто-то дал кому-то в ухо,
Такая злоба наполняла грудь,
Хоть каждый сам был виноват без спору,
Но точно зверь на всех рычал в ту пору.

А тут еще одна беда стряслась:
Картежная игра. Сначала где-то
По уголкам, несмело началась,
Но, так как не было на то запрета,
Втянулись люди. Пагубная страсть
Их одолела. Ночи до рассвета
Сидели, сбившись, как плотва в садке,
Лишь брань слышна да шелест карт в руке.

Азарт все рос. Он новизною манит —
Мужик, вкусив впервые этот яд,
Как пустится, так бога не вспомнит,
Пока в нем страсти не перекипят.
Потом как наземь грохнется — не встанет,
Тут пусть ему хоть тысячи сулят —

Не подойдет. Угас болезни пламень.
Пар вышел из котла. Остался — камень.

И сколько поджигателей нашлось!
Они народ ярили, как лучину.
Один угас, скорей — другой. Авось
Не даст иссякнуть страшному почину.
Есть в кошельке гроши? Так на кон брось!
Так эта страсть, сжигая сердцевину,
Манила легковёрный наш народ,
Как манит пчел в цветке укрытый мед.

А пуще всех — Опач. Без разговора,
Дымя сигаркой, с картами в руке,
Заглядывал в глаза — искал партнера,
А как найдет — сейчас же в уголке
Платок расстелют и — пошло! Уж взора
Не оторвать от карты на платке.
Чуть где мелькнет — и все уже забыто,
И только слышится: «Дана!» да «Бита!»

И подружился с ним один цыган,
Он смахивал на мелкого ворюгу.
Уж, видно, плыл не раз за океан.
И стали все проигрывать по кругу,
Чуть сел играть — уж вывернут карман.
Тут стали мужики шептать друг другу:
Иль знает он какое колдовство?
Или башка такая у него?

Пшитула проигрался весь, до нитки:
А денег было много, я слыхал,
Он продал землю и, собрав пожитки,
Сюда приплыл по Бугу — капитал
Был в ладанке зашит. Он как от пытки
Завыл и головою замотал —
Мы думали, выходит дух из тела:
Язык колом, лицо все посинело...

Хотел топиться. Мы с большим трудом
В тот вечер успокоили беднягу.

Пшитула долго горевал. Потом
Притих и стал преследовать бродягу,
Все так и ходит по пятам хвостом,
Чуть тот за карты — от него ни шагу,
Все на руки глядит, не сводит глаз,
Следит за каждым жестом... Только раз,

Когда вот так сидел он,— видит: чудо!
Бродяга карты прячет в рукаве
И, если надо, достает оттуда,
По ходу дела, карту или две.
Вскочил Пшитула. Выругался худо,
Аж посинел. Да как по голове
Того шарахнет! Да как оземь грохнет!
— Ах, пес паршивый! Так пускай он сдохнет!

Да так ему коленом грудь прижал,
Что тот не мог пошевелить руками...
— Ах ты, палач! Ах, висельник! Шакал!
Ты, видно, был на свет рожден с клыками! —
Уж тот, как перед смертью, заикал,
Так он его отделал кулаками,
Едва хрипит, а изо рта слюна...
— Пусти... тебя попутал сатана...

Гляжу — беда. Уж вижу по глазищам,
Мужик совсем рехнулся. Мы к нему.
— Прочь! Отойдите! Я остался нищим!
Так и платить мне надо самому!..—
А нож припрятан был за голенищем.
Зарезал бы! И только потому,
Что на коленях он стоял,— тулупом
Был нож закрыт — не стал бродяга трупом.

Уж тот едва дышал.— Да что за грех! —
Решили мужики,— прикончи змея.
Дыры не будет в небе.— Грохнул смех.
Но, точно голубь над толпою рея,
Расправив крылья белые, как снег,
Тут голова седая Городея

Сквозь эту бурю вынырнула вдруг,
И как по знаку дрогнул тесный круг.

От старости глаза его слезились.
Он плохо видел. Палкою стуча,
Он подошел. И люди расступились.
Пшитула не заметил сгоряча,
Но жилистые руки опустились:
Старик схватил Пшитулу и сплеча
Тряхнул его, да так, что у Пшитулы
От этой встряски застучали скулы.

Мужик остолбенел. А Городей
Все тряс его за ворот:— Ты в уме ли?
Ты что же, брат? Иль ты и сам злодей?
Его убить решил на самом деле?
Побойся бога, постыдись людей.
А ну, вставай, душа покуда в теле,
Иль задушу до смерти, негодяй!
А ты, мошенник, талеры отдай!

Пшитула с дедом были с Буга оба.
Их выгнала нужда. Когда старик
Схватил его, в нем вдруг остыла злоба,
Он выругался, сплюнул и притих,
Но, как медведь, встающий из сугроба,
Отряхивался, фыркал наш мужик
И, голову нагнув, стоял меж нами,
Как будто шапку он искал глазами.

Без памяти лежал избитый враг,
Пока его ногой не тронул кто-то.
Он за живот схватился и обмяк,
Кровь изо рта текла, и капли пота
Покрыли лоб. И вдруг — как мышьяк —
Шмыгнул и скрылся — чистая работа! —
Оставив карты вместе с кошельком.
И Городей, поцокав языком,

Сказал: — Ой, люди, худо будет с нами,
Коль так мы начали. Добру не быть!
Нам быть на дне — не плыть под парусами.
Стихию не умеете вы чтить!
Она сгребет вас, скроет под волнами,
Потребует, чтоб стал вас бог судить,
На вас она обрушится бедою —
Вас море захлестнет своей водою!

Ты что же, думаешь, коль землю кинул,
Где бог навек тебя укоренил,
Так можешь зло творить? Уж рот разинул?
Уж и закон и совесть позабыл?
Ты хочешь, чтоб господь тебя отринул?
Не бойсь! Стихия знает, кем ты был
И кем ты стал! И небеса святые
Тебя спасти не смогут от стихии!

Я был в Вонгрове, видел там в костеле,
Как царствует над нами в небе бог:
Он восседает на святом престоле,
А воздух тихо стелется у ног,
Огонь одежды обнял — и не боле,
Покорно море, тих его поток,
А бог, увенчан вихревой короной,
Над ним простерся. А земля у лона.

Планеты, звезды, всё вокруг отца
Небесного — таким явился свету,
Таким же и пребудет до конца.
Стихия вечна, и конца ей нету,
Не потеряют волею творца
Вихрь — дуновенья, пламя — искр и цвета,
Не сгинет капля из пучин морских,
Как и песчинка из глубин земных.

Недаром же огнем повелевает
С копьём в руках архангел Михаил,
А конь его дракона попирает...
А воздухом — Илья... Так бог решил.

Креститель — тот водою управляет.
Земля — Христова. Он по ней ходил,
Ее касался ножками от века,
Когда родился в плоти человека.

Так берегись! Ведь это — океан,
Не лес какой, а божия стихия,
И правит ей Креститель Иоанн.
Он над тобой! Ты в дали глянь морские,
Когда заходит солнце сквозь туман,
Вглядишься получше в тучи кровавые,
И различишь сквозь эту синеву
Его усекновенную главу...

Ну что глаза таращите? Устали? —
Вдруг закричал он, речь свою прервав.—
Ведь это срам, чтоб мужики стояли,
Вот эдак кверху головы задрав!
Канаты бы свернули! Всё бы дали
Рукам работу! Живо! — Был он прав.
Пошел. Мы вслед за ним, толпясь в проходе...
Так дух умел он укрепить в народе.

Да ненадолго. Все мы как один
Его словам внимали. У иного
Мозг словно очищался, как камин,
Когда золу сметут. Но вскоре снова
Мужик брал карты, бросив карантин.
Так этот яд, как хворь, трепал любого.
Глядишь — лицо белее полотна,
Грудь впала и ссутулилась спина.

.

А время шло. Шли ночи, дни, недели...
И каждый день похож был на другой.
Все чаще дети от жары болели
И погибали. Нестерпимый зной
Сжигал их как огонь. Они синели
И тихо под смертельною косой
Склоняли головы, едва живые,
Увядавшие, как маки полевые.

Но тут не церемонились ни с кем.
Еще в глазах слезинки не остыли,
А уж матрос веревку нес в руке
И, торопя несчастного к могиле,
Холодный труп привязывал к доске.
А там — едва молитву сотворили,—
И вниз... Теперь ищи его Христос,
Коль в ангельские списки не занес!

Так хоронили, без молитв, без гроба,
И бабы выли ночи напролет...
Легко ли бросить плод своей утробы
В морскую глубь!.. Иная упадет
Да схватит доску: оттащи, попробуй,
Топчи ее — рукой не шевельнет...
И потому команда наша вскоре
Детей тайком бросать решила в море.

И море стало пенистей и злей,
Как будто пищу страшную почуя.
Как жадный волк, оно неслось за ней
И грозно шерсть таращило седую.
И стаи рыб сквозь прозелень зыбей
Мелькали, по волнам его кочуя.
То вдруг сверкало что-то, как пила —
Глядишь — акула спину подняла.

Когда ж немного волны унимались,
Набегавшись и наигравшись всласть,
Огромные тела их колыхались,
Под солнцем ослепительным светясь...
Иль стаяй за добычею гонялись,
Разинув омерзительную пасть,
Как наших головастика орава,
Гребя хвостом налево и направо.

Но как хитры! Приманку не берут,
Плывут вдали, хотя и чуют сало,
Из пасти слюни жадные текут...
А на борту матросы ждут сигнала...

И вот пальба! Винтовки дружно бьют...
И на мгновение волны кровью алой
Окрашены. Но вот ушли опять...
И снова в синем море тишь да гладь.

Слыхал рассказ я, как рыбак с лимана
Поймал акулу и, стянув аркан,
К ней лодку привязал средь океана
И лег вздремнуть — он был изрядно пьян.
И что же? Та акула, как ни странно,
Тащила лодку через океан,
Как на канатах тащим мы галеры...
Но у меня, сказать по правде, веры

К таким рассказам нет — ведь зверь силен!
С таким в открытом море без опаски
Не ляжешь спать — тотчас угробит он.
Но хоть рассказчик врал, сгущая краски,
Народ сбегался, скукой утомлен,
И с интересом слушал эти сказки —
Так надоело видеть пред собой
Простор однообразно голубой.

Однажды утром до меня донесся
Какой-то шум. Потом раздался крик,
Смотрю — бегут, ругаясь, два матроса
И с ними шкипер. Я нагнал их вмиг,
Но не успел еще задать вопроса,
Как, пораженный, прикусил язык —
С крюков сорвало два бочонка с салом,
И на глазах акула их сожрала.

Матросы тут давай ее тащить...
На бойне так не рвутся с ревом телки,
Как та акула! Но акулью прыть
Угомонил сам мичман из двустолки.
Зверь плюхнулся, но не успел уплыть.
Тут начались советы, споры, толки,
Но наконец втащили — кончен спор,
И сразу же схватились за топор.

Зверь стал кидаться, биться плавниками
О палубу, забрызгал илом пол,
К нему бегут с веревками, с ножами,
Он всех сбивает, — кто б ни подошел!
Расправился моментом с мужиками...
Ужасный зверь! А как силен и зол!
И если б мне про это рассказали,
То, право, я поверил бы едва ли.

Ну что ж! Вкусили моря новички.
Все правильно. Топор пустили в дело.
Вспороли брюхо, вынули кишки,
И вот в глазах у зверя потемнело,
Он вздрогнул вдруг и закатил зрачки.
Затих... И тут на тушу налетела,
Как вороны на падаль, матросня,
Ножами кровожадными звеня.

Уж поваренок в шапочке крахмальной,
Как на коне, сидит на нем верхом,
Пришпоривает пяткой театрально
И бьет его по шее каблуком.
А зверь как прыгнет! Вмиг седок нахальный
Слетел долой и улизнул ползком...
Притихли все... А зверь еще взметнулся,
Забился, захрапел и растянулся.

И, право, было тут на что глядеть,
Когда, уставясь в небо мутным взглядом,
Лежал он, как поваленный медведь,
Клыки — как колья, густо, ряд за рядом
Блестят, и каждый крепок, точно медь.
Беда тому, кто с этим хитрым гадом
Столкнется — не поможет тут и нож,
Живьем в акулье брюхо попадешь.

Дивятся бабы, головой качают,
Подходят и разглядывают всласть.
— Гляди-ка! Что за рыбина такая?
Вот это зубья! Тьфу, какая страсть!

Вот наших деток-то кому бросают!
Сироток наших... в этакую пасть! —
И снова слышны стоны и угрозы,
И кто-то молча вытирает слезы.

Но вдруг упала тень и над кормой
Раздался щебет. Вижу — чайки мчатся,
Как облако над бездной голубой,
И крылья их под солнцем серебрятся;
Они ж летят, пищат наперебой.
И — странно — вдруг мне начало казаться,
Что это тучка, посланная нам,
Где клочья снега выются по краям.

Но Городей, на палку опираясь,
К полуслепым глазам ладонь поднес
И медленно прошамкал, улыбаясь:
— То нашим деткам стражу шлет Христос!
Дракон на дне поникнет, пресмыкаясь...
Омытые росой чистых слез,
Летят их души, скрывшись в эти перья,
Чтоб скинуть их у райского преддверья.

И матери глядели вверх, туда,
Откуда доносилось щебетанье,
Туда, где туч насупленных гряда
Неслась, будя минувшее страданье.
Хотел Опач поспорить, как всегда,
Со стариком, но сохранил молчанье.
Ведь женщинам небесные дела
Нужнее, чем для дерева смола.

.

И только Ганна, отойдя в сторонку,
Стояла безучастна и бледна.
Уж третий день, как у ее ребенка
Опухли ноги. Третью ночь без сна
Она над ним сидела и пеленкой
Сгоняла мух. Но никому она
Об этом не сказала ни полслова, —
Решили все, что Ганна нездорова.

На море устремив безумный взор,
Она стояла, прижимая сына.
Ее томил соседок громкий спор,
Казалось ей — кипящая пучина
Готова поглотить земной простор...
И вдруг, как ветром сдутая мякина,
Она свалилась... Подбежал Щенсяк:
— Ты что? Больна? — Она в ответ:—
Пустьяк...

Она была в расцвете, молодая,
Красивая, но в духоте такой
Бедняжка ослабела, увядая,
Как будто высушена вся тоской,
Так ветер гнет травинку, налетая...
Был труден ей далекий путь морской —
И мужику такие передраги
Невмоготу, не то что ей, бедняге!

Стоит, бывало, смотрит на закат,
Прижав к себе дитя. Так в чаще серна,
Оберегая маленьких ягнят,
Следит за псами, след разнюхав верный.
И слышит Ганна — сзади говорят:
— Что мальчик ваш затих? Больной,
наверно...

Спросите-ка совета докторов...—
И Ганна вздрогнула: — Нет!.. Он здоров.

И тотчас же над сыном наклонилась
И отошла. Но белое как мел
Ее лицо — я видел — вдруг покрылось
Румянцем алым. А корабль шумел:
Команда, кончив вахту, веселилась
Ввиду того, что капитан велел
Сегодня выдать табаку и водки,
Чтоб матросня прополоскала глотки.

Пир грянул. Так, когда дают проход
Воде, открыв плотину, как по знаку,

Все зашумело вдруг. Морской народ
Охоч до водки. И сейчас же — в драку.
Никто с такою жадностью не пьет.
А как завидят девку, так — в атаку,
Как хворост на огне — тотчас горят.
А уж бранятся так, сам черт не рад.

Откуда-то свирель уже достали,
Принес еврейчик скрипочку свою,
И музыка пошла! А как плясали!
Всё судно сотрясали, как ладью.
По временам из круга так визжали,
Как будто там зарезали свинью.
Надвинул шапку: чтоб вам пусто было!
Вдруг слышу крик... И все в груди застыло.

Да это ж Зоська! Крестница! Вскочил...
Что с нею? Только б в воду не упала!
Бегу в толпу... Гляжу: матрос схватил
Девчонку, тянет... от вина, как шалый...
Тут на него кулак я опустил...
Так искры из-под молота, пожалуй,
Не вылетят, как из-под кулака
Летели... Слышу — хрустнула башка...

Как волк подстреленный, он, обессилив,
Упал в крови. Сбежалась матросня.
Орут, хватают руки, облепили,
Как воробьи забор, трясут меня...
Уж я б им показал! Да так стеснили,—
Не размахнуться.— Стасек! — крикнул я,—
Сюда.— Сбежались наши.— Бей их,
братцы!—
Нас хлебом не корми, а дай подраться.

Их живописец мог бы написать —
Так стали морщить лбы, водить бровями,
Сначала боком пробовали встрять,
Дорогу проложить себе локтями,
Но задние тут стали напирать,

Уж кто-то поднял там над головами
Кулак, башкой бодаясь, как козел,—
Как вдруг ударил гром и дождь пошел.

Так из-за кости ссорятся собаки,
Пока на них помои из ведра
Не выльет девка. Не дошло до драки.
Лишь Стах грозил оставить без ребра
Матроса. Буря близилась. Во мраке
Лились с небес потоки серебра,
И гасли, и, как олово остынув,
Терялись в голубых морских глубинах.

.

Так сталевар шлак выпускает в пруд
И воды вверх с шипением взлетают.
Так волны закипели. Уж бегут,
Одна через другую, наступают
На палубу и с бою все берут.
Так за бараном овцы поспевают,
Все вместе в узкий ринувшись проход,
Пока пастух их палкой не вернет.

В миг не осталось лишнего народа.
У пьяных отрезвела голова.
Здесь морякам известна непогода,
Живут под страхом, как у щук плотва.
Вдруг рея треснула — как с небосвода
Удар грозы, не рухнула едва...
И рулевой всем телом навалился
На руль... Корабль, качнувшись, накренился.

Уж небосвод темней и ниже стал
И тучами тяжелыми покрылся,
И ветер то и дело в клочья рвал
Покров, которым день загородился.
Схватясь за мачту, я стоял. Вдруг вал
Такой хлестнул, что чуть я не скатился,
Вот так мужик сбивает цепом с ног.
Но вот, сверкнув, исчез воды поток.

Тут вихри как помчатся по простору,
Как зарычат, как затрубят трубой,
Как бросятся, воды вздымая гору,
Друг к другу, хохоча наперебой...
Такой и конь, привязанный к забору,
Не выкопает ямы под собой,
Как эти вихри, воду вздыбив комом
Копытом огненным, подбитым громом.

Не так шумит под бурей темный бор,
Когда деревья все ветрам открыты,
Не так чернеет вспаханный простор
И курится не так цветеньем жито,
Как море в бурю: волн все громче хор,
Валы друг друга бьют, теснят сердито,
Ревут, как разъяренные быки,
И падают, ломаясь на куски.

Тут божьих пушек грянули раскаты
(Их Михаил Архангел заряжал),
Мрак все одел. Лишь отблеск красноватый
Его одежд сквозь тучи проникал.
Вот огненные лопнули гранаты,
Свистят, как змеи, вертят сотни жал,
Летят, усыпав море черепами,
Дождь льет, как будто воду бьют цепами.

Я знаю бури — я волчонком рос
В лесных сторожках,— помню ураганы
В Кампиносе, слышал, как ветер нес
Гул пуши Беловежской за Пружаны,
Где скрыт стволами буков и берез,
Потоком загнан, заживляя раны,
Таится зубр, успев туда зайти,
Куда и сам господь не знал пути.

Там бой, так бой! Как ветер в сосны двинет,
Воздушных гончих спустит со смычка,
Тур морду взверх поднимет, пасть разинет
И заревет... Но, как ни велика

Боязнь, тебя надежда не покинет.
Здесь страх другой, и мнится: смерть близка.
И ужас пробирает тут особый,
Его рассудком побороть не пробуй.

Мужик-то что, полгоря мужику,
Хоть в нем души колеблются основы.
Бывает трус иному смельчаку
Даст сто очков. Бывает, у иного
Душа дрожит, а сам он начеку.
Но бабы — те не прекращали рева,
Уж капитан им палкой пригрозил
И этим стоны их остановил.

И только стихли бабы причитанья,
Поплыл корабль ровней. Итак, заметь:
Уж коль берешься плавать в океане,
Все должен взвесить и уразуметь,
Не легкая, брат, штука, тут заране
Со смертью не торгуйся — дай ей медь
Иль золото, коль начал погружаться.
А выплывешь — тогда начнешь считаться.

До ночи молний синие глаза
Нас гнали. Гром не уставал сердиться.
Но раздалась тумана полоса,
Пробились мы сквозь ветра щель. Так птица,
Почувствовав, что движется гроза,
Пронзая воздух, успевает скрыться.
Все ж молния догнала нас в тот день,
От мачты щепку отломив в сажень.

Вихрь точно ждал того, — его порывы
Вдруг стали тише. Стихла и вода,
Сложив свои взлохмаченные гривы.
Гром удирал, как гончая, когда
Упустит зверя след, — сквозь мрак

дождливый

Залаял, смолк, исчезнув без следа,
Опять залаял и, с последним стоном
Вдруг сгинул в небе, тьмою омраченном.

.

Спустилась ночь, без звезд и без луны.
Так между черным небом и водою
Мы плыли среди душной тишины.
Мне не спалось. Я слышал, что с зарею
Мы справа остров увидеть должны.
Нас было много, связанных бедою,
Но как-то мы друг друга в эти дни
Дичились. Было не до болтовни.

У каждого была своя забота,
Он, как полынь, жевал ее молчком.
Дневная бодрость гаснет отчего-то,
Едва приходит ночь. Лежишь ничком,
Горящих глаз не охладит дремота,
Как озеро, их скроет мгла платком.
Ты их во тьму вперяешь, как в могилу,
Свою тоску скрывая через силу.

4

Из той толпы, что принял наш ковчег,
Лишь горсточка людей друг к другу жалась,
Как будто их теперь уже навек
Нужда одной веревкою связала.
Не должен в одиночку человек
С судьбой бороться — в этом проку мало,
Ведь даже птица гибнет, коль она,
Не дай господь, останется одна.

Вот так и мы держались друг за друга,
Расписывались все одним крестом.
Тот с Вислы был, а тот с низовьев Буга,
Тот пахнул сеном, этот табаком,
А тот землей, чуть тронutoю плугом,
И каждый здесь считался земляком:
И не за то, что был соседом прежде,—
За то, что общей предан был надежде.

Останьчук Луць, Солода, и Лука,
Плыл Бандыс наш, крепыш и работяга,

И Петр Загайный, тонкий, как доска,
Чье все богатство — рваная сермяга,
И Вавжон, чья железная рука,
Всегда свербит, кому подраться благо,
Бугай, да Кос... Да кто их всех сочтет?
Плыл как вода встревоженный народ.

То тот, то этот, молча дым пуская,
Вздыхали вдруг в смятенье и тоске.
Вокруг был шум, сгустилась тьма глухая,
Корабль скрипел, как дроги на песке...
Тогда-то понял я, что бог, играя,
Как мячик, держит шар земной в руке,
Нас подводя то к жизни, то к могиле. —
Так думал я... А мужики курили.

Лишь Магер приставал ко всем. Видать,
Шляхетская душа покрепче сбита.
Он языком не уставал трепать,
Кричал: — И чем у вас башка набита!
Мозги промокли, что ли? Так вздыхать!
Иль мы клялись земле? Вот дикари-то!
Как только за порог — ведь вот народ! —
Уж он, собачий сын, чуть не ревет!

А что ты там оставил? Злотых сотни?
Какую роскошь бросил? Что молчишь?
Ты что там плавал в масле? Жил
вельготней?

Тьфу, бес! Уж если с бабой не сидишь,
Как с курицей петух, у подворотни,
Да не кудахчешь — все пропало! Шиш! —
Тут Вавжон: — Баб оставь. Пусть тесто
месяц.

А что тоска, — за это не повесят.

Тут Бандыс вставил: — Человек простой
Идет на край земли не от разврата.
А что же делать, коль горшок пустой
И нет земли! Который год у брата

Батрачу... Вот пошел уже шестой...—
Бугай вздохнул: — Все жребий наш
проклятый!

Не бросил бы я хаты никогда,
Да голод-то загонит хоть куда!

Тут Магер дым пустил: — А я так сроду
За юбку не держался,— вот в чем соль.
Я шляхтич. Нашу знаете породу —
Свободно мы живем. Не то что голь —
От печки к миске и за печку с ходу.
У нас, брат, шляхта. Различать изволь! —
Бугай сказал: — Известно — шляхта. Бары.
Шляхетское Залесье — там где Зджары.

— Да что мне Зджары! Я на них плевал! —
Воскликнул Магер.— Чтоб они пропали!
Все Зджарские ворюги! Ты бы знал,
Какую землю нынче оттягали!
А сколько денег стоил трибунал,
Да землемеры — с ними потеряли
Две сотни с лишним. Да еще к тому
Троих из нас отправили в тюрьму!

— Тюрьма — плевать! — заговорил
Шалава.—

А денег жалы! — Ха! — Магер вытер пот.—
Кабы не Зджары! Кабы наше право,
Я б не был здесь. Какой мне здесь почет?
Какие здесь удобства? Вот забава!
Что мне весь день за шиворот течет?
Да разве мы бы бросили застянок
С женой! Она ведь тоже из шляхтянок...

Тут Луць: — У Лахишинских не таков
Закон. Мещане мы. Землей богаты.
Мы не считаем шишек, синяков,
Но своего не отдадим. Когда-то
Здесь жили деды, испокон веков,
Язычники. Нам эти Озиаты,
Поурочища — отдала казна,
От короля бумага нам дана.

— Вот шельмы! — Магер сморщился. —
Вельможи! —

А Луць: — Все буквы, подпись короля, —
Всё золотом. И стоит подороже,
Чем нынешние эти штемпеля.
Повытерлись, конечно, ну так что же?
Уж ей четыре века. Там земля
Разделена — что́ нам идет, мещанам,
А что́ князьям Огинским, нашим панам.

Вскочил тут Магер: — Сукины сыны!
Вот нам бы так! Уж мы бы показали!
Да Зджарские бы, как в пруду выюны,
Вертелись бы! А мы бы их, каналовй,
В мешок, на палочки! И без блесны!
Везет же людям! На законе стали! —
Но не переводя холодных глаз,
Луць продолжал бесстрастный свой рассказ:

— Со шляхтою мы издавна тягались
Насчет земли. Судил нас трибунал.
Да все же мы покосов не лишились,
В громаду шел немалый капитал.
Но вот князья Огинские скончались.
Взял новый пан за горло нас. Восстал
Народ, терпенья больше не хватило.
Нас ограждала давность, пана — сила.

А как бумагу в суд несли в тот год,
Так всё, бывало, ночью выходили,
Да на Муханец шли, туда, в обход,
На Тысяницы, это крюк в две мили,
Болотом шли — а там вода как лед
Да по колено. Так вот колесили,
А шли-то всей громадой каждый раз,
Боялись, чтоб не выследили нас...

Тут Магер не стерпел: — А чтоб их кату! —
И пальцами прищелкнул. — Хороша
Смекалка! Так-то нашему бы брату!
Наш адвокат — вот бесова душа —

Бумаги крал! — А Луць: — Нет, адвокату
Мы в руки не давали ни шиша,
Ни денег не давали, ни бумаги.
Мы выступали сами! — Вот бродяги!

Расхохотался Магер. — Вот народ! —
А Луць: — Чужой язык легко устанет,
А дело правое само берет,
Само подаст свой голос, не обманет.
Мы Хведка выбрали — пусть суд идет,
А он пускай один пред нами встанет.
В суде никто не держится толпой.
Он не продаст — старик глухой, слепой.

Нас глоткой не возьмешь. Иной облает,
А мы молчим. Стоим и ни гугу.
Тот рубит, точно рощу вырубает,
И думает, что нас согнул в дугу,
А мы молчим. Так пуще он пугает,
До хрипоты. Тут молча мы врагу
Бумагу подаем: мол, сами знаем,
За нас закон, мириться не желаем.

Так начали нас штрафами душить,
Так выжали, аж до седьмого пота.
Уж тут не то, чтобы добра нажить,
Чуть что — повестку клеят на ворота.
Уж люди кашу бросили варить,
Ни колоса тебе, ни обмолота!
Пришлось тюрьмы отведать. Эти в Пинск
Попали, а другие, значит, в Минск.

Но не сломили нас. Тут моду взяли
Мутить умы, чтоб вспухла голова.
Но мы еще от дедов наших знали,
Что разума на белом свете два:
Один шляхетский — требовать, чтоб дали,
Кричать да заявлять свои права,
И наш простецкий, — плюнут — оботрешься,
Молчи, но не мирись — всего добьешься.

Так и добились! — Смолк. Продул чубук,
Поправил пояс, поводил плечами,
Зевнул, аж скулы хрустнули, и вдруг
Свернулся, точно еж между корнями.
А Магер охал, бегая вокруг:
«Ха! Если бы не Зджары с их судами!»
Так тихие над миром шли часы
До розовой рассвета полосы.

.
Тут, как пригорка лысина из жита,
Вдруг появился в море островок.
Но хоть зарей была уже разбита
Ночная мгла и день был недалек,
В молочной мгле, которую покрыта
Была земля, я разглядеть не мог
Далекий берег — зёмли в океане
Всегда бывают в дымке и тумане.

Канарский остров,— слышу, говорят,—
А иначе — Викентия святого.
Но, ус кусая, старый Прокурат,
Что Бонапарта видывал живого,
Побагровел: — Вот вздор! Он звался, брат,
Святой Еленой! Имени иного
И слышать не хочу — его патрон
Не Сан-Винсент, а Сан-Наполеон.

Здесь Бонапарта прятали когда-то
Изменники. Здесь был он заключен.
Но гвардия его любила свято —
Был полк на кораблях перевезен,
Хоть англичанин бодрствовал, проклятый,
В него такую муть Наполеон
Пустил, что скрылся в лодке средь тумана...
Лишь с моря неся рокот барабана.

Чу... Слышишь? Что? Ты думал море? Нет!
Фанфары там трубят под облаками.
Гляди туда — ты думал, солнца свет?
Знамена с серебристыми орлами...

Послушай... Думал, гром? Сигнал побед!
Там Бонапарт проходит пред полками...
Солдаты к ружьям! Vive Napoleon!
Где гвардия? Мой верный легион?..

Затих. Себе под нос бормочет что-то,
И вот на грудь упала голова,
Где крест висит железный — знак почета,
И складки от пустого рукава...
И слышно только плеск воды, дремотой
Объятой, в нем теряются слова,
Звучащие и гаснувшие снова
В тиши простора нежно-золотого.

Вдруг мы вскочили: выстрел долетел,
За ним гремит второй! И третий вскоре!..
Шум, крик. Спустили лодки. Мичман сел,
За ним матросы. Охая и споря,
Глядим на запад — воздух заалел,
Уж осветило зарево полморья...
Горел корабль! Знать, молнии удар
Его зажег: все охватил пожар.

Чудесно было зрелище вначале.
Но, приближаясь, разглядели мы,
Как, обезумев, люди там сновали
Средь бела дня, как средь полночной тьмы,
Толкались, друг на друга налетали,
Как видно, страх им помрачил умы:
Тот прыгал в море, но не в лодку — мимо,
А тот бросался прямо в гущу дыма.

И многим смерть грозила там огнем,—
Не находилось на нее управы:
Уйти от смерти трудно, коль вдвоем
Огонь с водой следят за переправой.
Я видел: над каким-то мужиком
Упала мачта огненной лавой,
И не успел я вымолвить «Творец!»,
Как бедному пришел в огне конец.

И хоть на все смотрел издалека я,
Мороз, казалось, в кости мне проник:
Нас больше ужасает смерть немая,
Чем самый громкий, самый страшный крик.
Казалось, в тишине, не умолкая,
Звучал нечеловеческий язык —
Последний зов... слова чуть долетали,
И дыбом волосы твои вставали.

Так колокол в Городле на стене
Звонит по утонувшим в волнах Буга,
Ударит раз в вечерней тишине,
И сотни стонов полетят вдоль луга...
Умолкнет все. И снова в вышине
Ударит... И летит от Устилуга
К Дубенке самой тот печальный звук
Над Бугом, над рекою слез и мук,

Что Иорданом радости не стала...
А лодки возвращались. К нам везли
Они гостей испуганных. Немало
Здесь было итальянцев. Те пошли
Тотчас канючить, кланчить, что попало,
В самом несчастье свой барыш нашли.
Тьфу, бесы! Как на ярмарке цыгане!
Такой в аду припрячет грош в кармане.

Но были и поляки. Видно, нет
В скитальцах наших недостатка ныне.
Их точно ветер гонит в белый свет,
Плывут в морях, блуждают на чужбине,
Как листья в роще, птичьим стаям вслед,
Такого раньше не было в помине.
Видать, такая выдалась звезда —
Бежать, бежать неведомо куда.

Полны недавних ужасов и муки,
Едва почуяв почву под ногой,
Упали люди и воздели руки,
Все черные от дыма... Тут такой

Раздался плач! Рыданий этих звуки
Поныне слышу. Вижу пред собой
Ягнят, вручивших богу со смиреньем
Руно, уже отмеченное тленьем.

Все мачты рухнули. И лишь одна,
Высокая, горела, как громница,
Над кораблем, чья гибель решена.
Но черный дым переставал клубиться,
Огонь стихал. Почти что сожжена
Была свеча, уж начала клониться
И вдруг, со страшным выстрелом, сквозь
дым
Рассыпалась потоком золотым.

.

Тут кто-то в бок толкает. Магер! Пьяный?
Весь красный, взгляд безумный. Морщит
нос —
Смеется, что ли... — Ха! Христовы раны!
Подумай-ка, кого к нам черт принес!
На лодке прибыл нынче... гость незваный!
Здесь Зджарский... Зджарский с сыном!
Старый пес...

Откуда их нелегкая достала?
Мне только этой пары не хватало!

Сдавлив мне кисть, шипел он, как змея,
Когда ее ногой отбросишь в травы.
Гляжу — невдалеке от нас плашмя
Лежит какой-то шляхтич сухощавый,
Бьет с силой кулаками в грудь себя...
И с ним подросток, паренек курчавый,
В кафтане. Допотопный плащ отца
Был с капюшоном, скрывшим пол-лица.

Он прятался, и были нам открыты
Одни усы да ястребиный нос.
Сверкнул лицом, морщинами изрытым,
Оно светилось от обильных слез.

Схватил за ворот сына и сердито
Толкнул к земле: — Молись, молокосос!
Сейчас же бога за свое спасенье
Благовари! — И снова на колени.

Тут Магер запыхтел: — Ах, фармазон!
Глядите на него! — Но тут громада
Сдавила нас, теснясь со всех сторон,
Со щебетом, как воробьи ограду,
Обсели лавки. Был народ смущен
Событиями, собирали раду.
Но мало что сквозь шум я разобрал,
Один Опач там громче всех орал.

Бурлило, как в котле: — Корабль за нами
Прислала королева! Нас там ждет!
А тут набили бочку огурцами!
Не выдержит! Гляди, ко дну пойдет!
Поплатимся своими головами!
— Что голова? Тут все, брат, пропадет! —
Орал Опач. — В Одессе я, бывало,
Таких судов на дне видал немало!

Как охнут бабы: — Господи, внемли! —
А тот: — Уж я-то вижу, плохо дело!
Уж сухари и воду запасли,
Кто поважней — бояре — будут целы,
Посадят в лодки. Ну, а вы, кули,
Пойдете — фью! В подводные пределы! —
А бабы в крик: — Святители! — А Рох:
— Да тише вы! К чему переполох?

Тут криком не возьмешь. Тут палки в руки,
И скопом — к ним! Так треснуть, —
наповал... —

Бугай прервал: — А как манили, суки!
И будто бы сам папа хлопотал...
Вот вам забота! Вот башибузуки!.. —
А Бандыс: — И врагу б не пожалел
Такой заботы... — Рох хотел добавить,
Но уж не мог ни слова больше вставить.

Все разом говорят. Все громче спор...
А Рох опять: — Конечно, груз не малый...
А может, взять веревку да топор
И в воду на доске? А что ж... пожалуй...—
На то Опач: — Да что ты мелешь вздор!
Так в речке можно. С морем ты не балуй!
Нельзя! — Да почему? Ты не пророчь...
— Да что мне воду в ступе тут толочь!

Нельзя и все! Ведь это не телега! —
Вздыхают бабы: — Берег-то когда?
— Черт знает! После каждого ночлега
Иначе ставят руль! — А те: — Беда!
А для чего? — Чтоб как лиса по снегу
Крутить хвостом, чтоб не найти следа,
Да, брат ты мой, все это мне понятно —
Чтоб не нашли дороги мы обратно!

Еще печаль свалилась, как гора.
И бабы в плач: — Ох, дева пресвятая!
Погубят нас! Утопят шкипера!
Безвременно утопят... Страсть какая! —
Тут Рох: — Да что мудрить, как доктора!
Пусть старший все нам скажет, не
скрывая! —

Стянул кушак и двинулся вперед
Решительно. За ним и весь народ.

.

А ветер гнал нас в сторону пожара.
Уж доносился жар его огня,
А с ним и запах трупного угара.
Едва хватило силы у меня
Смотреть на горе молодых и старых,
На страх детей... Молчание храня,
Стоял я; но в груди, от боли скрытой,
Гудел какой-то колокол разбитый.

И так внутри меня не день, не два
Звучал он глухо похоронным звоном...
Охотно бы — и это не слова —
Остался я на острове зеленом...

Но лишь мелькнула сочная трава,
Да попугай криком удивленным
Нас долго провожали... Был приказ
Не выпускать на этот берег нас.

Как будто бы,— громада так шепталась,—
Какая-то болезнь на корабле
И якобы начальство побоялось
Комиссии, нас ждавшей на земле.
Но вслух не смели — за любую малость
Теперь сажали в карцер. В том числе
Сел Рох за бунт, а с ним Бугай попался,
Три дня постились. А Опач смеялся.

Однако что-то было там не так:
Мы против ветра шли... Закаты были
Кровавые, явился в небе знак,
Как нож кривой... И люди приуныли.
Бывало, рулевой, беря табак,
Прищулив глаз, глядел, как тучи плыли,
При этом набок так башку клонил,
Что мимо носа руку проносил.

И если бы не вечная тревога,
Что шла из туч, закрывших небеса
И нарисованных рукою бога,
Могли бы мы увидеть чудеса —
Такие там у горного порога
Шли битвы... и заката полоса
Перед полками точно кровь лежала...
И я б поклялся, что земля дрожала...

Мы были этим очень смущены.
Тут стали люди объяснять миражи,—
Мол, войско в небе, это знак войны,
Ее пикеты первые и стражи;
Что скоро люди услышать должны,
Как упадет она с небесных кряжей,
Гром труб смешав со ржаньем лошадей...
Но возражал на это Городей.

Бывало, головой седой кивает,
Как аист: — Нет, войне не вышел срок.
А с этим войском так еще бывает:
Когда жалеет кровь народов бог,
То сам баталью в небе затевает,
Бой ангелов. И длится он, жесток,
Чтоб успокоить землю хоть немного,
Что просит правосудия у бога.

Итак, не ужасов и не войны
Должны мы ждать от этого виденья,
А для того и вооружены
Те рыцари, и для того сраженья,
Чтобы леса стояли зелены,
Чтоб нивы зрели людям в утешенье,
Давали бы обиженному хлеб,
Чтоб духом он и телом вновь окреп.

Настанет срок, господь пошлет в дорогу
Угодника: — Послужишь для меня?
— Да, господи! — ответит ангел богу.
— Тогда ступай, святой обет храня.—
Тот сложит крылья, меч возьмет в подмогу,
Да краковскую шапку, да коня
И — полетел! За мной! Иисус-Мария!
На все свой срок и промыслы святые.

Рукою помахал и отошел.
Но жар у нас в крови еще остался,
Такой, как, например, когда ты зол
За то, что ты с убийцей не сквитался
За кровь родных. Еще кипел котел,
Но тихо: тот вздохнул, тот заругался,—
Без драки трудно людям обойтись.
Так, хмурясь, по углам мы разошлись.

.
Едва заря на небе занялась,
Вбежал к нам шкипер: — Все за мною!
Живо!

Устроим обыск вам! — Тут поднялась
Тотчас же суматоха... — Что за диво!
Обыскивать? Неужто? Эка страсть! —
Таятся девки, шепчутся пугливо,
Снуют старухи, бабы, старики,
Угрюмые толпятся мужики.

Как овцы, жмутся бабы с узелками,
Бессвязные молитвы бормоча.
Вдруг матросня с морскими фонарями
Как жадная влетела саранча.
— Здесь труп! Давайте труп, не то мы сами
Его найдем! — и, словно псы урча,
Они сновали, нюхали и рылись,
А бабы причитали и крестились.

Лишь Ганна безучастная одна,
Закрыв глаза, в своем углу лежала, —
Четвертый день была она больна.
Напрасно ей соседка предлагала,
Что спрыснет с уголька, — в ответ она
Лишь выше надвигала одеяло
И кутала ребенка своего,
К себе не подпуская никого.

И в этот день, матросам не вникая,
Она лежала тихо, как во сне,
Лишь изредка ресницы подымая.
По временам, прижав лицо к стене,
Бедняжка пела, к сыну приникая:
— Усни, сынок... Усни, прижмись ко мне... —
И вдруг метнула косы над топчаном,
На сыщиков уставясь взором пьяным.

Бледна как смерть, и только рот в огне...
И те приблизились, как будто чуя
Добычу... Закричала: — Ксендза мне!
Сегодня исповедаться хочу я... —
И вновь легла, поверотась к стене.
Сказал матрос: — Там кто, не разберу я? —

Щенсник пробормотал: — Моя жена.
— Помешанная? — Нет... она больна...

— Красивая... Да жаль, худа... Ну что же,
Ты можешь сам поднять жену свою,
Чужие руки тут пускать негоже...—
Щенсник шагнул. А Ганна вдруг: — Убью!
Попробуй, тронь меня...— Великий боже!
Ох, Ганна! Я тебя не узнаю...—
А Ганна дико смотрит, умолая:
— Послушайся... не тронь меня... больна я...

И руки вскинув, как пред алтарем
Сложила их... И слезы льются градом.
Бледна, худа, с кроваво-красным ртом,
С вздымающейся грудью, с диким взглядом,
Прекрасная в безумии своем —
Такой ее запомнил я... А рядом
Смущенный и расстроенный Щенсник,
Рассерженный вмешательством зевак.

Он никогда не ссорился с женою,
Но в этот раз, стыдась, должно быть, нас,
Он закричал: — Вставай! Не то с тобою
Не так поговорю... Вставай сейчас! —
И выхватил ребенка... С диким воем
В него вцепилась Ганна... Этот час
Я не забуду... А толпа кричала:
— Так это Яськин труп она скрывала!

— Не знал! Не знал я! — бормотал
Щенсник,
Но Ганна не слыхала,— в тусклом взоре
Я видел лишь безумие и мрак.
И замертво, вся почернев от горя,
Она упала навзничь на тюфяк.
Ревела матросня: — Воровка! Море
Хотела обокрасть! Да все равно,
Сегодня твой щенок пойдет на дно!

Тащи ее! Пусть смотрит, в наказанье! —
И потащили... Как была — босой,
В одном платке... Но видел я — сознание
Вернулось к ней. Ни криком, ни слезой
Не выдала, несчастная, страданья
И лишь, тряхнув распушенной косой,
Сказала: — Все стерплю.— Орут матросы:
— Коль побежит, держи ее за косы!

Связали трупик, застучал топор,
Доска готова — ровно два аршина.
Но, странно, Ганны воспаленный взор
Приворожила темная пучина,
И вдруг на мужа глянула в упор:
— Пусти меня... Платком накрою сына...—
Щенсяк пустил — не мог он отказать,
А Ганна — за борт, поминай как звать!

И это все случилось так неожиданно,
Что даже ахнуть не успели мы.
Мелькнуло за кормою платье Ганны,
Как белый свет среди крошечной тьмы,
И тут же скрылось в пропасти туманной....
Щенсяк рванулся к ней, но у кормы
Его схватили... Этого рыданья
Я вспомнить не могу без содроганья...

И что ты скажешь? Встречный ветер спал!
И судно точно по стеклу скользило.
Господь свернуть и спрятать приказал
На небесах кровавые светила.
Жаль, что с собою в море я не взял
«Жозефов сонник», — сочиненье было
Написано в Египте уж давно,
Но издано-то в Лукове оно.

Там всяческие звезды и планеты,
Что могут нам помочь иль навредить,
Все знаки и чудесные приметы,
Но надо их умело объяснить.

Еще есть сонник, есть и в том советы,
«Египетским» он тоже хочет слыть,
Тот «Фараон» зовется или «Новый»,
В конце, как приложение, две коровы.

Но это вздор — тот сонник целиком
Составлен был жидком из Дрогичина,—
Он перед торой клялся босиком,
Когда дошло там дело до раввина,
Что имя, мол, свое писал на нем,
Из книг кагальных,— «Новый», что невинно
Страдает, а коров нарисовал
Тех, что на дойку он арендовал.

Что жирная, как раньше, мол, бывали,
Когда хватало шляхтичам земли,
А тощая — как те, что отощали,
Когда на шляхту сервитут ввели;
Что фараону сон истолковали,
Когда однажды с ярмарки везли
Его; что сбылся сон под Дрогичином —
И так еврей оправдан был раввином.

5

Шли дни. А солнце все сильнее пекло
Чубы крестьян и головы матросов.
На мачтах, как янтарное стекло,
Текла смола. Уж больше влажных тросов
Не видно было; волны тяжело
Катились под охрипшие колеса,
И раскаленный добела поток
Бурлил и клокотал, как кипяток.

Недаром, говорят, под этим зноем
Земля, как тыква, выпятив живот,
Лежит не шевелясь, вниз головою.
По-моему, в том есть прямой расчет,—
Жара над ней проходит полосой,
А по краям сжимает вечный лед,

И вся она, как плод на грядке зрелый,
В середке желтый, по макушкам белый.

То место мы экватором зовем:
Мир разделен здесь на две половины;
Когда у нас все спит спокойным сном,
Там, на другой, заря кропит долины,
И батраков сзывает эконо́м,
И слышно пенье птиц и рев скотины;
И только тут мужик заснуть прилег,
У нас зарей румянится восток.

И потому, чтоб не было ошибок,
Здесь звездный обруч приказал господь -
Прибить вверх — за то ему спасибо,
А так как дух в сто раз сильнее, чем плоть,
То ангелы, иль там еще кто-либо,
С размаху умудрились расколоть
Немало звезд. Господь же этим шлаком
Велел усыпать Млечный Путь над мраком.

Хоть кое-кто поныне убежден,
Что там, где делит шар земной экватор,
И должен издан быть такой закон,
Чтоб человеку человек стал братом,
Не так, что этот горд, а тот согбен,
Чтоб богачи не плавали в дукатах,
Чтоб хлеб имел бедняк, и свой кафтан,
Чтоб не было ни нищих, ни дворян.

Не плохо бы! Но знать хочу теперь я,
Как мастер сладит тут с учеником?
Не станет ли при этом подмастерье
Вести себя у горна знатоком?
Я принят в цех, я заслужил доверье,
И этого не слижешь языком!
И брат мой — ксендзом в краковском
костеле...
Пан Бальцерский... Нет, так я не позволю.

Разбойник! Чтоб ты ею подавился!
А вот меня за море сам Христос
Доставил, чтоб к тебе теперь явился
И отомстил... Еще не лил ты слез,
Еще не знал ты горюшка, грабитель!
Ох, да поможет мне Христос-спаситель!

Но Магер чуть дышал — он посинел
И весь затрясся точно в лихорадке:
— Да я те покажу... да как ты смел...
Подлец!.. Я покажу тебе порядки!..
В суде узнаешь... если будешь цел...—
Тут Магер задохнулся, как в припадке: —
Я — лжец? Так ты фальшиво присягал!
— Кто? Я — фальшиво? — Зджарский
закричал.

Уж Магера рука его хватала,
Когда раздался шум. Глядим: идет
Процессия. Шли женщины сначала,
За ними следом остальной народ.
Сдержался Зджарский, хоть рука дрожала
И палец все был вытянут вперед,—
Закутавшись, он отошел в сторонку.
Мы поняли — несли крестить ребенка.

Нес Городей его. За старцем вслед
Несли купель два мальчика босые,
А сбоку Зоська, точно маков цвет,
В косе сверкают ленточки цветные,
Тут Стах, а там, как полевой букет,
Шли дети, а за ними остальные,
По палубе, с открытой головой
Шли, не спеша, торжественной толпой.

Без ксендза мы отправились в дорогу,
Который бы из вечной тьмы времен
Ребеночка к костельному порогу
Привел, как божий требует закон.

Так голубь белый наш, угодный богу,
Его крестил, и крестных выбрал он,—
То были Стах и Зоська молодая,
Румяная, как вишня налитая.

Дивятся посторонние, глядят
Из-за голов, не отрывая взора,
Толпа растет, шумит, глаза блестят,
Доносятся обрывки разговора,
Указывают пальцы на наряд,
На девичьи платки, на их узоры,
Кто на кораллы яркие глядит,
Кто на корсаж, что нитками расшит.

Ведь каждый, кто участвовал в обряде
И гордо перед зрителями шел,
Сюда явился в праздничном наряде:
Тот перышко павлинье приколол,
Там ленточка сверкала в темной пряди,
Там вышивка украсила подол!
Была нужна народу эта малость —
Нужда извечно ею прикрывалась.

Вокруг, как частокол, стоял народ,
Все на мазуров и курпян глядели,
На девушек, пропущенных вперед,
Дивились льнам подлясским и кудели.
Кто побогаче, деньги достает —
Ребенку окрещенному в купели,
Французы, греки, люди разных стран,
Тут даже португалец лез в карман.

Вот Городей в рубахе домотканой
Ребенка поднял в воздух голубой,
Где солнца круг горел как шар багряный,
И так сказал:— Здесь начал путь земной
Сей человек. Так пусть он, богом данный,
Не забывает дом пловучий свой,
«Крест» — так зовется судно, на котором
Родился он. Пусть будет Кристофором.

А ты его, Христос, рукой своей
Перекрести! У бессловесной пташки
В гнезде подстилка лучше и теплей,
Чем в коробе у этого бедняжки,
Несомого по прихоти морей! —
Тут женский плач раздался, ропот тяжкий —
Откликнулись мужские голоса.
Старик молчал, глядел на небеса.

И Симеона тихо со слезами
Проговорила: — Станешь ты крестом
На том пути, что нашими костями
Помечен будет... Там, в краю чужом,
Вихрь разметет нас и судьба над нами
Не смиляется, помните о том.
Не скоро прекратятся эти муки,
Зарю увидят только наши внуки.

Тут от седин ее, все озаря,
Сияние и блеск пошли такие,
Как в тот момент, когда из алтаря
Плебан выносит к нам дары святые.
А море, синим пламенем горя,
Гремит свои хоралы грозовые.
И в них, как в сотворенья первый час,
Все тот же стон: «...Господь, помилуй нас!»

Тот день был сыт и весел. Пост кончался —
Кто пост вблизи экватора блюдет?
Вола зарежут, — он один остался, —
Глядишь, и беднякам перепадет.
Народ по свежей пище стосковался,
Уже людей с картошки чуть не рвет.
Вол был не стар. Он весь дрожал —
казалось,
Он чуял, что несчастье приближалось.

С мычаньем озирался он вокруг,
Как будто что-то все искал глазами...

Но что? Быть может, позабытый плуг,
С которым брел когда-то он полями,
Или украшенный цветами луг,
Задернутый тумана облаками,
И где, от стада своего отстав,
Стоит корова средь высоких трав.

Ведь всем известно — есть свои печали
И у скотины, и своя тоска.
Вот пахари волов пахать погнажи,
А те идут, глядят на облака.
А вы меж стада сонного бывали,
Слыхали вздох коровы иль быка?
В немом лице уже души основа
Сотворена: есть стон, нет только слова.

И вспомнил я луга в сиянье рос,
Где бродят дрофы, где ковром махровым
Лежат поля, и нивы, и покос,
Где стонут журавли под синим кровом...
Тут как ударит обухом матрос
Вола по голове... Со страшным ревом
Весь окровавленный нагнулся вол
И — на колени! Я глаза отвел.

Немых страдальцев нам жалеть опасно,
Нельзя, чтоб эта боль была близка,
Ведь говорят в народе не напрасно:
У твердых сердцем — легкая рука.
Когда б их человек жалел всечасно,
Он высох бы от горя, как треска.
Убив вола, не долго толковали —
Содрали шкуру и четвертовали.

Тут как на ярмарке пошел галдеж,
Тот режет, этот держит, третий судит.
Тому разрезать ребра невтерпеж,
Тот потроха дымящиеся студит.
Матрос с платком на бедрах, глядя нож,

Стоит в сторонке,— он уже не будет
Им действовать — им вол живой убит,
Презрительно на челядь он глядит.

Ему рубить и резать не случалось.
Вот подошел и в голову вола
Прицелился,— а голова, казалось,
Все двигала ресницами, жила,
Над скулами щетина напрягалась...
Ударил в лоб... Кровь струйкой потекла
А он смотрел, не изменяя позы:
Из мертвых глаз вола катились слезы.

Итак, на корабле остаток дня
Прошел в веселье: челядь разгулялась.
Над новичками шутки матросня
Выкидывала. Кой-кого, случалось,
Тащили под насос. Пошла возня,
Летят бутылки, ложки — все смешалось;
Кто фраер — пусть считает синяки!
Так празднуют экватор моряки.

.

Ночь кончилась. Жемчужно-голубое
Вставало утро. Расточалась мгла.
И вот уже светило золотое
Раскрыло голубые зеркала.
Уж кое-где плескались над водою
Дельфинов серебристые тела,
А это верный знак, что в этих водах
Нас ждет благоприятная погода.

Зверь этот круглый, как веретено,
С подвижными большими плавниками,
Нырять неуклюже и смешно.
То два фонтана выплеснет ноздрями,
То скроется надолго, как на дно,
То вынырнет, подпрыгнув над волнами,
И вдрут — играет рядом с кораблем,
Обшивку задевая плавником.

Я помню тот рассвет... Над океаном,
Покрытым паром бледно-голубым,
Вдруг поднялись стеклянные фонтаны
И, разбросав воды жемчужный дым,
Упали полукругом, как султаны,
Окрашенные солнцем золотым,
Как будто бы в туманной синей дали
Сто разноцветных радуг засверкали.

Виденья эти были тем милей,
Что с каждым днем мы к цели приближались.
Уж океан стал тише и светлей,
Уже все чаще птицы опускались
На паруса, и кольца волн круглей,
Спокойнее и легче нам казались,
И вскоре мы почувствовать могли
Дыханье трав, деревьев и земли.

Мы волновались. Целыми часами
На палубе стояли мы толпой
И втягивали жадными ноздрями
Прохладный воздух. Так пчелиный рой,
Разбуженный веселыми ручьями,
На ульях сидя раннею весной,
Обрадовавшись солнца изобилью,
Снует, жужжит и расправляет крылья.

И в первый раз заметил я тогда,
Как все за это время изменились,
Как после непосильного труда,
Дрожали руки и глаза ввалились,
Как будто здесь мы прожили года,
Запала грудь, сермяги обносились,
И, словно пережив татарский гнет,
Наверх из трюма выползал народ.

Но жалоб не было. Народ отходит,
Сердца надеждой дышат. Рот открыт,
Зрачки горят... Уж всяк себе находит
Товарища. А наш корабль летит,

Все приближаясь к землям, что восходят
Там, в тишине... И вот уж крик гремит:
— Земля! Земля! Нет, это не ошибка!
И тут-то, видим, появилась скрипка.

Скрипач ведет смычком вперед, назад,
И вторит пес, в каюте подвывая,
И по усам саперским Прокурат
Рукой проводит, лихо напевая:
— Гей, дана, дана!..— И, счастливый взгляд
От темной полосы не отрывая,
Подкинул шапку Стах... Скрипач еврей
Тогда немало выклянул грошей.

Один Щенсяк несчастный в стороне
Стоял как столб, уставившись на море:
Он тосковал по сыну и жене,
И столько муки было в тусклом взоре.
Казалось, он старался в глубине
Увидеть их... Глядит, а слезы горя
Бегут из глаз, трясется голова...
— Ох, Ганка... если б ты была жива!

6

А берег уж вздымался перед нами
Крутой, скалистый, как бы говоря,
Что он не церемонится с гостями.
Стояли горы, точно лагеря,
Спускаясь в море острыми мысами.
Здесь корабли бросали якоря,
От шторма прячась. Но все мимо, мимо,
Лавируя меж отмелями, шли мы.

И наконец увидели вдали
Две каменные глыбы, как ворота
Желанной и неведомой земли.
На них лежала солнца позолота,

Сквозь них входили в гавань корабли
Под рокот волн и гром водоворота.
Сам океан, как страж, у тех ворот
Бразилии богатства стережет.

И корабли торопятся пробраться
Меж них до сумерек, не то — беда,
Приходится рассвета дожидаться,
И тянутся минуты, как года,
И волны, словно стражники, толпятся,
Грозятся уничтожить без следа,
Блестят их алебарды под луною,
Закрыв проход серебряной стеною.

А «Крейц» наш, как невеста в хоровод,
Принарядился. Занятые делом,
Снуют мальчишки, всякий чистит, трет,
Наш капитан в своем мундире белом,
Как вождь в броне, на штурм корабль ведет.
Канаты раздвигая гибким телом,
Уже на мачты лезет матросня.
Опач глядит, презрение храня:

— А, тоже мне корабли! И челядь — банда.
Хотя б десяток пушек для нужды!
В порту одесском каждая шаланда
Палит, аж караул кричат жида!
У нас, бывало, знала вся команда,
Где божий порох — как пальнем с воды!..—
Тут в бок ему кулак наш шкипер сунул,
Хотел тот продолжать, но только сплюнул.

Но подан знак, и каждый взор напруг,
И вот уж развевается, играя,
Над стройной мачтою бразильский флаг:
По зелени полоска золотая,
А посредине мореходный знак —
Лазурный шар. И ветер, налетая,
Его полощет... В этот светлый час
Приветливо тот флаг глядел на нас.

И так, под свист паров и под плесканье
Широких волн, мы медленно вошли
В желанный порт, где в солнечном сиянье
Блестели, колыхаясь, корабли
И доносилось жаркое дыханье
Невиданной тропической земли.
И флаги, что пестрели перед нами,
Казались нам заморскими цветами.

Здесь корабли стояли как дома,
Бросая тень на стиснутую воду,
Вверху светло, внизу слепая тьма,
Как ласточки, мелькают пароходы.
Глядишь — застряла лодочки корма
В проходе, а другую, как колоду,
Отбросили с дороги — шум и крик...
Был порт, как город, тесен и велик.

Ну что ж... Теперь исполнится желанье
Заморские увидеть чудеса.
Когда усталый путник из скитанья
Вернется под родные небеса,
Он вспомнит этот отблеск и мельканье,
Далекие услышит голоса
И в зимний вечер, пасмурный и длинный,
Увидит их, как нити паутины.

Едва я так подумал,— боже мой! —
Раскаянье душою овладело...
И вспомнил я далекий край родной,
И все в груди моей похолодело;
Почуял я наш ветер полевой —
Его дыханье сердце мне задело...
Я вздрогнул и взглянул на земляков,
Стараясь вникнуть в смысл их громких слов.

Петр Бандыс спорил, не скрывая гнева:
— Послушай, кум! Нельзя же в дураках
Остаться перед ихней королевой!
Ведь это стыд! — Но возразил Лука:

— Да что вы, позабыли, верно, где вы?
Ну кто ж за это взыщет с мужика?
Мы божье слово скажем по привычке,—
Небось понятно будет католичке.

Вдруг Рох: — Да что там! Я устал в пути,
Башка болит...— А Бандыс: — Ну, решайте...
Ведь всем-то не позволят подойти,
Небось Величество! Да выбирайте
Такого, чтоб не начал там плести
Чего попало! Ладно, посылайте
К ней Магера! — А Чоп на это им:
— От шляхты — склока. Шляхту не хотим!

Наш Чоп, слыхать, манахом был когда-то,
Он до сих пор себе тонзуру брил
По праздникам, за то в окрестных хатах
«Кутейником» был прозван. Так и жил
Со старой кличкой. Но ума — палата!
И слова просто так не говорил,
Все складно так, да гладко, без помехи,
Под пару подбирая, как орехи.

Сказал Лука: — Пусть выйдет Городей!
Он здесь, как наш отец, всех старше втрое...—
А молодежь: — Стыдились бы людей!
Ему пора на паперти с сумою...—
Чоп заорал: — Тогда идите к ней
И говорите сами...— Тут с Лукою
Они сцепились, снова крик пошел:
Не нужен или нужен нам посол.

И тут же разделились голоса.
Как вдруг старушка, древняя, седая,
Сквозь слезы, что сверкали, как роса,
Пергаментные щеки заливая,
Взглянула в голубые небеса
И, высохшие руки простирая,
Себя крестом широким осеня,
Промолвила: — Пошлите к ней меня!

Ей поклонюсь, как зорьке долгожданной:
— О королева! — я скажу ей так,—
Мы шли к тебе, питаясь этой манной
Горючих слез... Мы ринулись во мрак...
Оставив хату... с лавкой деревянной...
Там ласточки под крышей... наш очаг...
На прятках лен непряденный в чулане...
Такое бог послал нам испытанье!

Мы ехали без хлеба и без сна...
От зноя детки померли в дороге...
Накрыла их холодная волна...
От голода ослабили наши ноги...
Нужда нас гонит... по миру она
Пустила нас... Так разгони тревоги!
Нас, сырых и бездомных, приюти
И снова нам надежду возврати!

Замолкла... И поникла головою.
И слезы покатались по щекам...
И мы стояли молча, и, не скрою,
В тот миг я чуть не разревелся сам...
Но что это? Плеск весел над водою,
Мы оглянулись — видим: прямо к нам,
Лавируя меж барж и пароходов,
Как свора псов, несется сотня лодок.

А с корабля уж цепи поползли,
Коробит воду якорь стопудовый,
И тотчас волны кольцами пошли,
А якорь то цепляется, то снова
Сползает вниз... Так лемех в глубь земли
Врезается, вздымая пласт лиловый.
А цепь ползет, мотается волна,
Вдруг слышим: — Хальт! — кричат:—
Дошел до дна!

И синий пар закрыл с кормы до носа
Всю палубу — то был последний вздох.
Корабль застыл. Вокруг снуют матросы,
И начинается переполох:

На палубу бросают сходни, тросы,
Кричат, бранятся — чуть я не оглох!
Едва схватил пожитки — ты уж в лодке,
Промок с воротника и до подметки.

Громада наша первая плыла,
Почтительно косясь на кардинала
И эту королеву, что пришла
С огромной свитой... А заря сверкала,
Смотрелась в голубые зеркала,
И вся земля в лучах ее играла.
Нам чудилось шуршание знамен,
И рокот труб, и колокольный звон.

Земля! Земля! О край обетованный!
Мы бросились из лодок наугад,
Кто плакал, кто смеялся, словно пьяный,
От радости...

Вдруг слышим крик: «Назад!»
Угрюмо затрещали барабаны,
И мы вокруг увидели солдат.
Завыли бабы, дети... Перед нами
Сверкнуло войско грозными штыками.

II

В ЭМИГРАНТСКОМ ДОМЕ

1

Ой, глупый же народ, и я с ним тоже,—
По свету долю вздумали искать!
И вот выходит — из кулька в рогожу...
Тот, кто решил отечество менять,
Продаст дешевле, купит подороже,—
Где бог судил, там надо умирать,
И хоть Адама выгнал он из рая,
Он дал нам рай в полях родного края.

Не дрогнет только тот, в ком крепок дух.
Такой не захлебнется под волнами —
Нырнет и выплывет, и снова сух,
Да редко так бывает с бедняками,
Средь них из сотни не найдется двух,
Слыхавших про латынь... Судите сами,
Как трудно жить, коль выбор небольшой:
Погибнуть иль померяться с судьбой.

Вот я и не поддался! Слава богу
И Троице, которая всегда
Была со мной, гоня мою тревогу,
И, словно путеводная звезда,

Мне освещала темную дорогу.
Так трех волхвов вела она, когда
Шли в Вифлеем смиренные скитальцы,—
Один из них заступник мой — мой Бальцер.

Так и теперь води меня, звезда!
Чтоб пережил я это испытанье,
Чтоб снова совершил я без труда
В моем воображенье путь скитанья,
Пока веленьем божьего суда
Меня, как утлый челн, без состраданья
Не выбросит последнею волной
На вечный брег, пустынный и немой.

Продли мой век, чтоб я запомнил свято,
Как страдал наш измученный народ,
Как бросил он свои стога и хаты
И как пошел искать на море брод.
Так в марте рой над грушей сучковатой
Жужжит и кружит, принимая лед
За белые цветы... Но ветки голы,
И гибнут вмиг обманутые пчелы.
.

Был день крещенья, верно в этот час
У нас звонил костел, народ сзывая,
Когда к бараку, где согнала нас
Воинственная стража портовая,
Приблизился обоз, ужасный лязг
И громкое бряцанье издавая,—
То шел ослов крикливый караван,
А сзади негр дубасил в барабан.

Ослы плелись гуськом, неторопливо,
И липла пыль к израненным ногам,
И лыко, заплетенное в их гривы,
Качалось и шуршало по бокам.
Они смотрели дико и пугливо.
И, накрепко привязаны к ремням,
Качались мерно на боках ослиных
Огромные плетеные корзины.

И, заключая странный караван,
Шел старый негр полунагой и черный,
Как сажа. Он держал в зубах варган
И дул в него без отдыха упорно,
К тому же ударяя в барабан.
Ослы ревели, но плелись покорно,
И это все слилось в единый звук —
Ослиный рев и барабанный стук.

Уж тут у наших баб пошла потеха!
Кричат, хохочут, дразнят так и сяк,—
У женщин ведь для плача и для смеха
Один мешок. Но вдруг вошел в барак
Наш старший: — Живо в путь! — И вот
для спеха

Пожитки мы связали кое-как,
И каждый, верно, думал — слава богу!
Скорее бы, скорее бы в дорогу!

Тут не пришлось ни торопить, ни ждать —
В одну минуту было все готово.
Скорей бы край желанный увидеть!
И небеса, что хмурились сурово
С утра, теперь очистились опять,
И странный мир, сияя, как обнова,
Открылся нам. С надеждою народ
Глядел на просветленный небосвод.

Так вот он, город Сàнтос! Мы впервые
Увидели его — он встал вдали,
Как акварель, и краски золотые
Его рисунок стройный облекли,
И небеса нависли голубые
Со всех сторон... Но нас не повели,
Велели ждать... И молча мы глядели
На эти башни, стройные, как ели.

Он с милю был в окружности, так нам
Казалось,— разглядеть его мешало
Сиянье солнца,— книзу, по холмам
Шли улицы, и зелень обвивала

Заборы и дома. К его ногам
Взволнованное море подбегало
И, разъярясь пред каменной стеной,
Плевалось в окна бешеной слюной.

И был тот мир так свеж, что нам казалось,
Что он сегодня ночью сотворен,—
На нем сиянье глянца отражалось,
Что на него отбросил небосклон.
И столько перед нами открывалось
Чудес, что взор, виденьем поражен,
Скользил все дальше... Так весной над лугом
Летит скворец, свивая круг за кругом.

Так молча мы стояли в отдаленье,
Как вдруг туман развеялся седой,
И нам открылось чудное виденье —
Далекий порт в оправе золотой.
И мы смотрели, напрягая зренье,
Забыв про голод и палящий зной,
Что с каждым часом становился злее
И обжигал нам головы и шеи.

Но наконец по манию руки
Нас начали грузить (ведь там без стражи
Не ступишь шагу). Торбы и мешки
Летят в корзины. Сверху на поклаже
Прилаживают бабы узелки
И сами забираются туда же.
Смотрю — Опач в корзину нагло влез
И выйти отказался наотрез.

Не захотел с ним старший препираться,
Махнул рукой, и тронулись мы в путь.
Опач же стал стонать и притворяться,
Чтоб этим оправдаться как-нибудь.
Я сплюнул и решил не обращаться
К нему, но злоба мне душила грудь,
Когда я видел бабу, что шагала
Под зноем из-за этого нахала.

Но подал негр ослам своим сигнал,
И под раскаты барабанных трелей
Наш караван залязгал, затрещал.
Ослы, варган услышав, заревели,
Корзины стукнулись, поднялся гвалт,
Заныли дети, торбы полетели...
Вдруг стражник, сосчитав нас, как ослов,
Кричит: — Постойте! Нету двух голов!

И мы переглянулись, как когда-то
Смущенные ученики Христа —
Который же? И брат взглянул на брата,
И каждый испугался неспроста,
Боясь взглянуть в себя... Лишь супостата
Душа была спокойна и пуста,
Один Иуда не потупил взгляда,
Сжав свой кошель, где спрятана награда.

Я огляделся и узнал тотчас,
Кого здесь не хватало — в самом деле,
Ни Магера, ни Зджарского средь нас
Не видел я. Последнюю неделю
Они уединялись и не раз
Ночами над бумагами сидели
И ссорились... И вот сбежали в суд,
Вообразив, что правду там найдут.

И слышу смех: — Ушли от нас дворяне!
Без шляхты нам придется путь держать! —
Толмач шумит, бранится: — Кто же станет
За них платить? — Да поздно горевать!
И в тот же миг услышал я рыдания,
То плакал мальчик... Что случилось? —

глядь,

А это пана Зджарского мальчонка
Стоит и плачет, отойдя в сторонку.

Вот так ягненок, потерявший мать,
Ей голос подает среди дороги.
Мальчишка бедный начал весь дрожать,
Гляжу — весь синий, тощий, босоногий...

Эх, думаю, чего же пропадать
Живой душе! Уж больно он убогий...
— Как звать-то? — Ясек... — Ну, так не реви,
Держись, да, чур, полу не оторви...

И так тотчас друг к дружке мы пристали,
Как иногда прививка пристаёт
К бесплодной груше — правду толковали,
Что жалости душа как хлеба ждёт.
И как бы сердце мы ни зарывали
В золу и пепел, сердце шевельнёт
Любой пустяк, и снова под золою
Оно росой залито живою.

.

Обоз качнулся и поплыл вперед.
Так лодка, оттолкнувшись от причала,
Колышется, скользя по хляби вод.
И сколько ярких красок заиграло
На солнце! Там платок как мак цветет,
А тут камзол, там пряжка засверкала,
Как золотая, там, глядишь, ведро
На солнышке блестит, как серебро.

Но вот над разноцветным караваном
Спустилась ослепительная мгла,
Земля покрылась солнечным туманом,
И небо накалилось добела.
В костеле так у нас, под гром органа,
Вставал туман из каждого угла,
Сверкал алтарь, заваленный цветами,
И дым вздымался синими столбами...

И я смотрел на этот мир огня,
Где все слилось — холмы, долины, горы
В мерцании сияющего дня.
Вдруг вижу — впереди, над косогором,
Встал Городей и тут же, осень.
Себя крестом, запел... И стройным хором
Молитву мы допели до конца:
— ...Блажен, кто просит помощи творца!

Как пламя над соломенною крышей,
Та песня над толпою разлилась.
Она росла все громче и все выше,
И, в сладостной надежде укрепясь,
Воспряли все сердца — казалось, дышит
Свободней грудь... Такая мощь и власть
Была в той песне, что прошла тревога
И не страшила нас судьбы дорога.

Запело эхо. И народ молчал,
Прислушиваясь к музыке природы.
Казалось, звук сперва коснулся скал
И, отраженный неба круглым сводом,
Влетел в овраг и грянул, как хорал.
Но вдруг, пройдя басов подземным ходом,
Вздыхнул и смолк... И, взявшись за мешки,
В молчанье зашагали мужики.

2

Дорога наша в гору шла, все круче
Меж скалами кружа, как ручеек.
Куда ни глянешь — всюду камни тучей
Висят, ползут, срываясь из-под ног.
Огромные, нависшие над кручей,
Они несутся в бездну как поток,
Туда, где, словно змеи меж камнями,
Бегут ключи, сверкая под лучами.

И наш народ, приехавший с низин,
Не мог такому чуду надивиться...
У нас мужик стоит торчком один,
На шапку возвышаясь над пшеницей,
И вся земля вокруг лежит, как блин,—
А здесь она, не ведая границы,
Встав дыбом, убегает в небеса...
Иди пойми такие чудеса!

Тут я хотел бы перышком злаченым
По мере сил запечатлеть навек

И мощь стволов, наваленных по склонам,
И краски скал, и дикий их разбег,
И водопад, мятущийся со стоном,—
Но я простой и темный человек,
И глупой голове моей, признаться,
В диковинах таких не разобраться.

Все громче шум, все веселей смешки...
Эх, по другому в поле говорится!
Как не бывало скуки и тоски.
Быть взаперти крестьянам не годится!
Так, спасшись от потопа, мужики
В поту над башней начали трудиться,
И вдруг господь ту башню оземь — хрясь!
— На что она, такая, вам сдалась?

Есть слух, что камни, землю закрывая,
И по сей день на месте том лежат,
Но говорят, что там земля кривая
И оттого на ней не строят хат.
Слышать, участки кто-то там скупает
Жидам на села. Будто бы хотят
Из них составить новое дворянство
И заселить огромное пространство.

Да ведь дворянство давностью сильно,
Не делается шляхтич по заказу.
Немало бурь перенесло оно,
Веками проверялось и не сразу —
От праотцев наследникам дано,
Чтоб правнуки внимали их наказу,
И кто попало, тут не подойдет:
Не выдержал — и погубил весь род!

Его передают, как встарь, в Карпатах,
Горящую лозу из дома в дом
Передавал народ от брата к брату;
Когда ж старик не мог бежать бегом,
Он поджигал ей собственную хату,
Чтоб дальним селам дать сигнал огнем,

Чтоб видели за лесом отблеск света,
Чтоб только не прервалась эштафета!

Обычай тот подляским, нам, знаком!
Хоть там мелкопоместные дворяне
Один надел имеют вчетвером
И пашню их, как говорят крестьяне,
Собака может всю накрыть хвостом,
Но ты войди к ним в дом, коль есть желанье,—
Почуешь вмиг, что дух совсем не тот,
Что шляхта здесь, не кто-нибудь, живет.
.

Меж тем народ, на бога уповая,
Идет вперед. Куда? Не знает сам.
Уже течет беседа круговая,
И слышны смех и споры здесь и там,
Идут девчата, песни распевая,
А детвора, прижавшись к узелкам,
То плачет, то бессмысленно смеется,
И, слыша их, теплее сердце бьется.

И Городей шагает впереди,
Осматривая путь замысловатый.
Чуть вышел ты вперед — того гляди,
Одернут старики: — Постой, куда ты?
Не лезь вперед, за старшими следи,—
Толпе всегда необходим вожатый,
Нельзя же так тащиться наугад,
Как говорится, на цыганский лад.

Я следовал за толмачом, стараясь
Не отставать. Его покорный мул
То рысью шел, от группы отделяясь,
То снова шагом. Словно есаул,
Сидел толмач, тихонько ухмыляясь,
И вслушивался в слов нестройный гул.
Я обо всем хотел его подробно
Порасспросить, да было неудобно.

Но мы разговорились кое-как.
А был он парень дельный, хоть и странный.
Курил сигары; дым пускал не так,
Как все, а кольцами. Тут из кармана
Я трубочку достал и свой табак,
Отличный, я купил его у пана
Чиновника, что штрафами страшал
И настрого курить нам запрещал.

И словно сердце облили мне медом,
Как только потянул я мой чубук,
Который получил перед отходом
В знак памяти из матушкиных рук,
А с ним кисетик с бисерным разводом.
Так шли мы рядом, и, забыв испуг,
Брел мальчуган, по сторонам зевая
И от меня на шаг не отставая.

— Бразилия,— сказал попутчик мой,—
Страна морская только от восхода.
А с запада речная. Путь сухой
Загородила здесь сама природа —
Она разделена большой рекой,
Легащей прямо с гор,— на ней нет брода
И нет мостов. Да, Амазонка, брат,
Не то, что Висла — бьет как водопад.

А так как здесь земля у них горбата,
То и в приморской части есть вода
На много миль — ее зовут Лаплата.
Здесь хлеб не пашут, но зато стада
Разводят здесь,— травой она богата.
А ближе к океану — вон туда —
Течет река, по имени Святого
Францишка, полноводна и сурова.

Здесь много гор — я потерял им счет,—
Их тут народ «сырами» называет.
Они торчат горбом среди болот,
И кажется, что солнце выжимает

Трясину, как творог, — из мутных вод
Макушка за макушкой выползают
И, вытопив на солнце яркий жир,
Стоят лоснясь, как твердый круглый сыр.

И здесь, среди степей и бездорожья,
Взгляни вокруг — везде они лежат,
Но это только первые подножья,
За ними есть громадней во сто крат,
Все выше, все огромное, — похоже,
Что сам господь поставил их подряд,
Весь этот сыр распределив по полкам,
Как кладовщик, с понятием и толком.

Неприхотлив Бразилии народ,
И у него особые законы —
Свободно и привольно он живет,
Вполне доволен жизнью немудреной.
Тот черный, тот коричневый, а тот
С отливом смуглым кожи — кварталы,
Мулаты и метисы, — знаешь сам,
Их, как коней, здесь делят по мастям.

Бразилия разделена на «штаты».
Во многих немцы издавна живут,
Пасут стада на пастбищах богатых,
В другие штаты вас теперь пошлют.
Законы здесь просты — без адвокатов
Затрешин надают — нехитрый суд,
За все вины кулачная расправа,
И это здесь единственное право.

Как видишь, здесь добра хоть отбавляй —
Леса, низины, горные породы...
Ведь эту землю лишь поковыряй
Да брось зерно — не станут медлить всходы,
И глядь — блестит под солнцем урожай.
Богатый край, но дикая природа,
Готовя изобилие даров,
Ждет звона кос, серпов и топоров.

.

Так мы болтали, медленно шагая.
Вдруг слышу страшный крик... Гляжу —
с горы

Навстречу нам идет, изнемогая,
Толпа полуослепших от жары
Детей и баб, крича и причитая,
Как будто их ведут в тартарары.
Как видно долго, не считая мили,
Шли люди; ноги их кровоточили.

И тут меня прошиб холодный пот...
Так это ж наши! Наши! Правый боже!
Могу ли не признать я свой народ?
По лицам, по заплатанной одеже
Я их узнал... Я побежал вперед...
О господи! На что они похожи!
И, как по мановению руки,
Они вскричали: — Стойте! Земляки!

— Иисус-Мария! Вы ли это? Вы ли?
Какой сюда загнал вас сатана?
Иль громы вас небесные побили?
Ведь это сущий ад, а не страна!
Да что ж вы, стосковались по могиле?
Назад! Назад! Как червяки до дна
Грызите землю, ройте, пробивайте,
Но только убегайте, убегайте!

Кричат и плачут. Как тяжелый град
Летят слова и громкие рыдания.
Так мартовский внезапный снегопад
Стучит по ставням... Бедные созданья!
В поту, в крови от головы до пят,
Как призраки бормочут заклинанья...
Хотел погонщик дальше гнать ослов,
Да побоялся наших кулаков.

Негр дал сигнал. Обоз остановился.
Но наш толмач и глазом не моргнул
И, видимо, не очень торопился
Расспрашивать. Его вспотевший мул,

Сгоняя мух, крутил хвостом и злился...
Тут не стерпел я и вперед шагнул.
Кричу: — Во имя господи и спаса!
Откуда, сестры? — Из Минас-Жераса!

— А это что за дьявол? Не слыхал.
— Уезд такой...— кричали хором бабы.
— А кто же вас в такую глушь загнал? —
А те в ответ: — Да кто же, как не швабы!
Один Иуда рыжий все смущал,
Пока не вывез дочиста все Грабы!
— Так вы из Грабов? — С Буды! Шли на
сбор,
Да вот с начальством нынче вышел спор...

— Беда!..— И бабы вновь заголосили: —
Подохнем без могилы, без креста!
За нами ям — считай на каждой миле...
Всему виною наша простота —
Пожаловаться мы сперва решили,
Да кто же прав, когда мошна пуста?
— А мужики? — А мужиков-то, милый,
На руднике породой задавило...

— О господи!..— вскричали мы с тоской
И замолчали в горе и смятенье...
И стон проплыл как туча над толпой
И, унесенный ветра дуновеньем,
Погас вдали, за каменной скалой...
Так колокола тяжкое гуденье
Плывет в просторы утренней земли,
Пока не затеряется вдали.

Мы спрашивать их стали: где? как было?
Тьфу! У гусей найдешь воды скорей,
Чем толку здесь. Толпа заговорила,
И каждая нам о беде своей
И о своих делах сказать спешила.
Вдруг в шуме беспорядочных речей
Раздался крик... Была в нем боль такая,
Что сердце стыло: «Дева пресвятая!»

Так беззащитный птенчик иногда
От коршуна пытается отбиться,
И мать спешит, почуяв где беда,
И начинает над гнездом кружиться,
Опасность отгоняя от гнезда.
Вот так на дикий крик несчастной птицы
Был этот материнский крик похож,
Звучали в нем отчаянье и дрожь.

Взглянул, и все поплыло пред глазами...
Одну я видел, ту, с чьих синих губ
Сорвался крик,— с раскрытыми руками
Она стояла бледная, как труп.
Платок в пыли валялся под ногами;
Наряд ее был прост, хотя не груб,
Как будто не холопский и не панский,
А вроде бы шляхетский иль мещанский.

Стоит и вся дрожит, как в тишине
Дрожащая осина, озирая
Простор, теряя взор в голубизне,
Как будто перед нею ночь глухая.
Вдруг закричала: — Стасек! — как во сне,
И смолкла, слух и зрение напрягая,
И снова: — Стасек! — Этот страшный крик
Морозным ветром в кости мне проник.

Тут стало тихо, как в господнем храме
При выносе даров. Припав щекой
К земле, с остекленевшими глазами,
Она шептала: — Слышит!.. Под землей...
Он слышит там... он отвечает маме!..
Он жив еще! Он дышит... Стасек мой! —
И как зайдет: — Боже! Помоги ты!
Спасайте! Сын мой!.. Заживо зарытый!..

Упала. И как ветер в небесах,
Летающими играя облаками,
Мешает их, так все в моих глазах
Смешалось... С плотно сжатыми устами

Стоял я так; стучала кровь в висках.
Несчастная! Тяжелыми шагами
Я отошел. А в горле крик застрял.
Я мысленно природу проклинал.

8

И, словно ночи путь освобождая,
Вдруг горы расступились и ушли,
Волнообразно почву опуская.
Вокруг овраги темные легли,
Деревья зашумели, выбегая
Навстречу к нам, и пастбища вдали
Раскинулись полоской светло-серой,
И переводчик закричал: — Пинхэро!

И трижды выстрелил... И в тот же миг
Из темноты залаяла собака,
Ей отвечал ослов протяжный крик,
И вскоре все густым покрылось мраком;
Казалось, наш обоз зашел в тупик,
Все растерялись, дети стали плакать,
Поднялся шум... Так, в сумраке ночном,
Встревоженная птица бьет крылом.

Но громче всех орал Опач: — Канальи!
С такой артелью! К черту на рога!
Как гусаку в мешке бока намяли...
Стой, слезть хочу я... Затекла нога...
Эй, как вас там?.. Чтоб черти вас побрали!
Стой, сукин сын! Мне шкура дорога...
На сухожилье я натер болячку...
К чертям! Устал я ехать враскорячку!

Но крик его покрыл всеобщий гул,
Копыт и ног гремющая капелла.
Как вдруг вдали багровый свет блеснул
И зарево во мраке заалело,
Огонь завесу ночи разомкнул
И просека пред нами забелела,

Откуда рвался пламень, а над ним,
Снопам искр окутан, вился дым.

И как на транспаранте, в отдаленье
Открылись стены здания — оно
Явилось из огня, как наважденье,
Как привиденья черное пятно...
Казалось, вот еще одно мгновенье,
И все исчезнет, тьмой поглощено.
Но вдруг с колонн мышей летучих стая
Сорвалась, писком рошу оглашая.

Приглядываюсь... Что за чертовня!
Не сатана ли подшутил над нами?
Как в пекле черти скачут у огня,
Котел бодая длинными рогами
(Так ад рисуют)... Тут пошла возня,
Все сбились в кучу, прячась за ослами,
Раздался детский крик и бабий плач,
И с головой в мешок залез Опач.

С невольным страхом приближались мы
К угрюмым стенам... Все вокруг молчало,
Как будто после мора иль чумы.
И только эхо где-то отвечало
Шагам и голосам... И вдруг из тьмы,
Откуда-то, собака заворчала,
Светильника забрезжил огонек
И заскрипел заржавленный замок.

И вот открылась дверь, и перед нами
Предстал старик со свечкою в руках.
Он был в большой изодранной панаме,
В тулупе наизнанку и в лаптях.
Как видно, он, разбуженный гостями,
Спросонья одевался второпях.
Лицо сурово, нос, горбатый, длинный,
Был закруглен, как коготь ястребиный.

«Кой черт?» — подумал я. А тот: — Сюда!
К ногам! Эй вы... Молчите, сучьи дети...—

Я крикнул: — Господи! Куда-куда
Людей по свету не заносит ветер! —
А тот: — А, ветер, ветер!.. Ерунда!.. —
И сплюнул вбок... В дрожащем тусклом свете
Он словно призрак головою тряс: —
Ой, дурачье! Куда загнали вас!

Толмач к нему: — Где партия? — Услали.
— Куда услали? — В пушу... — Весь народ?
Когда? — Сегодня утром отправляли,
Душ, верно, сто... — Но было же пятьсот!
— Ну что же... Эти не хлебнут печали...
Теперь у них с землей покончен счет... —
Толмач молчал. Казалось, он сконфужен.
— Ну, коли так, готовь для новых ужин...

Уперся мулу пятками в бока,
Взмахнул кнутом и, крикнув: — С богом,
братцы! —

Исчез во тьме. Глядим на старика,
А он кричит: — Пора располагаться!
Дам сала вам да проса полмешка...
Живее! Тут не время удивляться!
Ну, что раскрыли рты? — И засопел... —
Здесь в оба, брат, гляди, покуда цел!

Едва мы разместились как попало,
А уж котел забулькал, зашумел...
И вот народ, почуяв запах сала,
Прибодрился и повеселел.
А между тем похлебка закипала,
Костер высокий весело горел,
Лишь бабы что-то жалостное пели,
Кладя детей на мшистые постели.

Хоть предлагал старик пройти под кров,
Но нам идти отсюда не хотелось.
Приятный пар вздымался от котлов
И ноздри щекотал. Тотчас расселась
Усталая громада у костров,
А молодежь смеялась и вертелась,

И этот смех и шутки — видит бог —
Нас от привычных отвлекли тревог.

Вдруг сторож, что стоял со мною рядом,
Легонько подтолкнул меня плечом:
— Кой черт тебя попутал с этим адом?
Пусть разразит того небесный гром,
Кто вас сюда привез, я б с этим гадом
Расправился... Отсюда нипочем
Не выветесь,— здесь тысячи гостили,
Да нынче все покоятся в могиле.

И не успел я охнуть, как старик
Куда-то скрылся. Вскоре над кострами
Увидел я его суровый лик,—
Он проходил тяжелыми шагами,
И две собаки, высунув язык,
Плелись за ним... А он бродил меж нами
И возвещал: — Молитесь... видит бог —
Вступили вы на гробовой порог...

И наконец упала ночь глухая,
Придавлен черным небом, мир заглох;
Лишь, от костра к костру перелетая
Как робкий ветер, доносился вздох.
Трещат сухие ветви, догорая,
И тлеет под золою волглый мох —
И снова тихо... Только ветер дальний,
Шурша листвою, разносит стон печальный...

.

4

О гимн заре! Но он совсем не тот,
Что в Ченстохове музыкой желанной
Гремит в тот час, когда заря встает
В венке из звезд, сияньем, словно манной,
Осыпав просветленный небосвод.
Нет, он звучал, как страшная осанна,
Как зычный звук архангельской трубы,
Как клич: «Покиньте, мертвые, гробы!»

Бивак наш ожил. Вспомнил я — когда-то
Картину видел я: на ней река,
И в той реке купаются солдаты;
Но грянул барабан издалека,
И все смешалось, паникой объято:
Здесь голова, тут плечи, там рука,
Тот шлем схватил, тот поднял меч тяжелый,
Тот на коне несется полуголый.

И столько правды в этом, словно ты
Все это слышишь — крики, и дыханье,
И лязг мечей, и гомон суеты,
И лошадей воинственное ржанье.
Вот также на исходе темноты
Вскочили мы и ждали восклицанья
Самой судьбы: «Эй, стража! Снова в бой
Готовься, путник, позабыв покой!»

А чудный мир уже раскрыл ворота
В зеленый лес. И вот они стоят,
На них лучей играет позолота,
Взгляни — за ними радуги горят,
Сверкают изумрудные болота,
Цветов благоухает аромат,
И тучи птиц, взлетев средь изобилья,
В лучах зари уже купают крылья.

Казалось, все вокруг полно чудес,
Как сон, что снится в полночь, на Купалу,
В лучах переливался свод небес,
Казавшийся то золотым, то алым.
Народ спешил войти в чудесный лес,
Как будто куча денег там лежала,
Все ринулись... И даже Городей,
Шепча молитвы, зашагал быстрей.

Скорей туда... Деревья-исполины
Чуть шевелили сонною листвою.
Как свод шатра, их пышные вершины
Закрыли неба купол голубой.

Но вот донесся клекот журавлиный,
И свист, и треск над самой головой,
И снова тихо... Только зверь ревуший
По временам бежит из пуши в пушу.

Но мне хотелось осмотреть наш дом.
Столетними дубами окруженный,
Он, как дворец, стоял вдали. На нем
Кой-где облезла краска и колонны
Потрескались... Я обошел кругом
И встал перед фасадом, пораженный.
Вдруг сторож: — Дом хорош, да крыс полно...
Дон Педро жил... Но съехал он давно.

Богато жил, кутил и веселился,
Охотился с друзьями иногда,
Но где-то здесь подземный ключ таился
И сквозь фундамент протекла вода.
Дон Педро занемог и распростился
С дворцом... С тех пор не ездят господа,
Не льется мед, не пьют крюшон студеной...
И сам дон Педро нынче без короны!

Теперь же это эмигрантский дом,
Так издавна его у нас прозвали.
Придешь — получишь место за столом,
Тюфяк... А утром — поминай, как звали!
Здесь люди мрут, как мухи, день за днем...
Зато — дворец! В одном парадном зале
Вместится душ не менее трехсот,
Покуда смерть всех в яму не сведет.

Да вот увидишь сам; как говорится,
Не сглазить бы,— тут поплевал старик,—
Живот опухнет, печень загноится,
Глядь — и капут... типун мне на язык...
Курю здесь можжевельником... случится,
И плесень поскоблю,— уж я привык...
Да все впустую — плесень точит стены...
Зато — дворец! Колонны! Ламбрекены!

Старик побагровел: — На черта нам
Такая честь! Не важные особы!
А вот сижу да ямы рою вам,
Без отдыха от гроба и до гроба.
Что, сударь мой?.. А впрочем, знаю сам,
Зачем сижу... С дон Педро здесь мы оба
Должны сидеть...— И тут какой-то вздор
Понес старик, потупив мутный взор.

Был странен он. Бывало, рассуждает
О том о сем и здраво и умно,
Но вдруг его рассудок угасает,
Он говорит нескладно и темно,
Сбивается и сам не понимает,
Что он плетет; лицо его черно,
В глазах такая злоба и досада,
Как будто он хранит ворота ада...

.

А время шло. Напрасно ждал народ,—
Правительство забыло про наделы.
Как воз среди оттаявших болот,
Застряли мы... Крестьянство загудело,
Заволновалось, и, как черный плод,
Желанье бунта в душах тайно зрело.
Так в теплой бочке пиво или мед,
Перебродив, ободья с силой рвет.

А больше всех мазуры. Их гурьбою
Водил Шалава. Острый на язык,
Мужик шутить не позволял с собою
И все, что думал, резал напрямик.
С ним Земба Вавжон со своей роднею,
Дудковы, Ленги; к ним примкнули вмиг
Влодарчики, Ян Козьбял, Чвиронь, Жмура —
Ни одного отставшего мазура.

Всё молодежь. Не по нутру парням
Монашеская жизнь. Ждать надоело.
Пошли они шептаться по углам,
Уж, видно, что-то в головы засело —

Я сразу понял, чем запахло там.
Ходили всюду скопом. то и дело
В кругу совет держали молодцы
И ржали, точно в поле жеребцы.

Бывало, вечерами, тесным кругом,
Рассевшись на земле вокруг костра,
Вздыхают: «Уж пора б идти за плугом...
Волов по пашне поводить пора...
Пройти с косою острой росным лугом...
Сидим как совы... Экая дыра!
А там земля так пахнет, так блистает,
Что к ней душа навстречу вылетает!

И что в бараке время нам терять?..
А тут еще готовят нам задержки...
Комиссия участки измерять
Должна — а где она? Не любят спешки!
Шмели! Умеют медом поиграть...
Какие-то гостиницы, ночлежки...
Все это для господ, весь этот рай,
А я — мужик, мне землю подавай!

За тем как рыба бросился я в воду,
За тем полсвета я исколесил
И хату продал, все, что нажил сроду,
Все промотал и по ветру пустил.
А мне они — ночлежку! Взяли моду!
Народ аж душу до крови убил...
Века пройдут, не заживет, пожалуй...
А мне тут двор готовят постоянный!»

Петр Бандыс застонал... И дрогнул ряд,
Там стон раздался, там звучит проклятье...
Но Мацек Татар встал и поднял взгляд,—
Он редко говорил, зато уж кстати:
— Глупец бежит и все глядит назад,
Осталось много ли. А умный, братя,
Глядит вперед. Полсвета б мужичок
Прошел, коль вслед несли бы шей горшок.

Кто с полпути меняет направление,
Тот не работник. Дважды тратит тот,
Кто плачет о потере. За терпенье
Лопатою нам время воздает.
А кто срывает до поры растение,
Тому уж не придется кушать плод.
Посеешь много, и пожнешь не мало.
Не вовремя мешает даже сало.

Коль ждать, так ждать. А что же человек
И делает-то здесь, на этом свете?
Ждет с малых лет, ждет долго, весь свой век,
Не зная, может смерть придет в расцвете,
Однако ждет, — снег вáлит, тает снег,
А он все ждет, года, десятилетия,
Что — день, что — сутки волею творца?
Что — жизнь? — Лишь ожидание конца!

Он говорил и палкой бил полено,
Скатившееся с треском из огня,
Пытаясь погасить. И постепенно
Свои цветы теряла головня.
Он вбил ее в золу, и там, мгновенно
Вокруг угарный дым распространя,
Она потухла. Тут меж мужиками
Он молча сел и всех обвел глазами.

Молчали все. Шалава вскинул плечи:
— Толкуешь как по книжке, речь умна,
Да мне-то толк какой от этой речи,
Коль от нее ни сена, ни зерна?
Мозги у нас, брат, тоже не овечьи.
А для крестьянства книга есть одна —
Земля! И всё! Я знаю свое поле,
Ну, а раввин хорош в еврейской школе!

— Раввин? — вскричал Лука. — Я над
раввином
Смеюсь как над молочником-жидом!
Ему я продал репу, все чин чином,
Вот мерю я. А он: «Не тем ведром!..»

Ах так? Пускай лежит! А помню, глина
Лежала на гумне. Что ж, подождем.
Идет зима. Ко мне еврей за репой...
Пошли к раввину...— Что за вздор нелепый!—

Прервал Гнат Юзеф,— не о том здесь спор.
Мужик — не сила, сила — вся громада!
Должны мы согласиться! — Вишь, бобер!
Ты что, здесь, войт? Нам умников не надо! —
Вмешался Чвиронь.— До каких же пор
Сидеть на месте? Что мне за отрада
Советчики? Все это болтовня!
Ты за себя решай, не за меня!

— Так! Правильно! — Мазуры загудели. —
Пора нам в город! И чего мы ждем? —
И стали дуть в усы.— А что без цели
Сидеть? Уж надоел ночлежный дом!
Пусть нам запишут землю, как хотели!
Дорогой шли, дорогой и пойдем!
Пусть ждет, кто хочет. Мы уже богаты!
Деревню начинают строить с хаты!

— И с бабы! — прыснул кто-то. Те в ответ:
— И с бабы! Этот овощ в огороде
Найдется! Не посеешь,— нужды нет,—
И так у тына вырастет к погоде! —
Тут встал Бугай: — К чертям!
За ветром вслед —
Да что же вы мякина или вроде? —
И, воздуха набравши полный рот,
Он дунул, как в мякину, в обмолот.

Тут так мотнул Шалава головую,
Что шапка съехала.— Нет, мудрено
Сказать, кого повыметет метлою
Отсюда! Кто мякина, кто зерно!
Бросайте жребий! — Тут за ним стеною
Мазуры встали — все, мол, заодно.
Но крикнул им Бугай, мужик бывалый,
Буравя воздух пальцем: — Подпевалы!

Тут закипело. Закричал народ;
Ругаются, шумят, теснятся роем...
Вот так шумят под ветром в обмолот
Колосья ржи, когда молотят трое:
Бьют двое равномерно, третий бьет,
Когда взлетают цепи, с перебоем.
Лишь ужин, извлеченный из котла,
Развеял ссору — мигом злость прошла.

.

Тут Бандыс вынул водочку с любовью
(Ее зовут там «кашей»). И следа
От злости не осталось.— На здоровье!
— За ваше!— Пейте с богом! Без вреда! —
Тут негр-погонщик, слыша те присловья,
Распряг ослов и, точно пес, когда
Скулит он, увидав кота-бродягу,
На дудке запищал, смотря на флягу.

Взял скрипку Бартек, прозванный Музы́ка,
Провел смычком, как будто пес завыл...
Вот щепку поднял, подстрогал — гляди-ка!
Под струны вместо душики подложил
И начал... Все от мала до велика
Умолкли, всех напев заворожил.
В нем все слилось: веселье и томленье,
И боль, и к боли дикое презренье!

Бывало, из корчмы вот так в луга
Мотив врывался — где-то та минута! —
Летел на пашни и на берега,
В сады, когда цветет у девок рута...
Но брякнула подковка сапога,
И вот уже, усы наежив люто,
Расталкивая пред собой народ,
Затрата Рох под музыку плывет.

Вот шапкою потряс — все по порядку —
Запел оберек,— взялся за бока
И, козухом махнув, пошел вприсядку.
И тут уж к шапке тянется рука,

Второй идет, со лба откинув прядку,
И третий вертит шапкой у виска.
Рох впереди. Уж то-то круг хороший!
А бабы, точно свахи, бьют в ладоши.

И ахнуть не успели — уж идет
Оберек; замелькали плечи, руки...
И было даже странно, что народ,
Который перенес такие муки,
Так садит, будто он уже не тот,
И все забыл, услышав эти звуки,
Тот девку крутит, этот дробью бьет
И кружится, да так, что градом пот.

Затрата мастер был, плясал отменно.
То вдруг ногой пойдет писать круги,
То припадает на одно колено,
То искры вышибет из-под ноги
И снова, ускоряя постепенно,
Ногой ударит так, что сапоги,
Подковками в песок впиваясь резко,
Почти дымятся от такого блеска.

Негр перестал играть и белых глаз
Не отводил от славного танцора.
Ослы и те уставились на нас.
А Рох все пуще! Уж летит из хора
Восторга крик. Казалось, ты на час
Перелетел в родимые просторы,
Увидел снова рощи, и луга,
И землю ту, что сердцу дорога...

Но палкой стукнул Городей: — Доколе
Вы будете паясничать? Шуты!
Уймись же! На ярмарке вы, что ли?
В корчме тебе играют? Или ты
От радости? Уж если ты в костеле
Не можешь вознести молитв святых
В воскресный день, святую взять облатку,
Так надо тут отплясывать вприсядку?

Шуты вы! Вам не жизнь на новый лад
Настраивать,— сорок гонять в сарае!
Тьфу!— Мужики притихли. Все стоят
Смущенные, тот пот со лба стирает,
Тот шапку поправляет, пряча взгляд,
Тот исподлобья на других взирает...
Но Рох раскинул руки и — молчок,
И вдруг кружиться начал, как волчок.

Так все быстрее мелькал он перед нами,
Как будто бы туманной мглой покрыт...
Взлетали полы свитки, каблуками
Песок был пробуравлен и изрыт.
И вдруг как крикнет, как сверкнет глазами:
«Ху-ха!» — и точно вкопанный стоит,
Молчит и только дышит, дышит тяжело,
Подбросив шапку с розовою пряжкой.
.

Тогда Шалава молча встал, в костер
Толкнул ногой потухшее полено
И, на огонь уставив хмурый взор,
Задумался...

Смягчилась постепенно
Жара. Уж вечер тени распростер,
И наступил прохлады час блаженный,
Зари дыханье остудило зной,
Сняв с нас покров испарины дневной.

И, глядя на огонь, Шалава хмурый
Откашлялся и брови с силой свел:
— Ну, вы себе пляшите тут фигуры,
А я,— он на своих взглянул,— пошел! —
За ним тотчас же бросились мазуры.
Тут сразу закипело, как котел.
— Стах! — крикнула Марыхна, как от боли.—
Одну?.. С ребенком! Да ты нехристь, что ли?

Мужей хватают бабы за тулуп,
За шею, за ногу, кричат вдогонку,

Таскает Баська Козьбяла за чуб,
Марыхна уполовником бьет Бонка:
— Бросать жену! Да что ж ты вовсе глуп? —
Марыхна Чвиرونю сует ребенка.—
А это чье? — Притихли мужики,
Как мыши, что забились под мешки.

Однако Стах хоть двинулся с толпою,
Поглядывал на Зоську. А она,
Борясь с рыданьем, сдавлена тоскою,
Стояла точно яблоня, бледна,
Ресницы опустив, прикрыв рукою
Глаза... И тут, белее полотна,
Ударил шапкой Стах о землю с силой:
— Нет, не могу! — И он рванулся к милой,

Привлек к себе и долго целовал
Глаза и брови, нежно прижимая
К груди, льняные волосы ласкал: —
Ну полно, полно... хватит... Никуда я
Не ухожу! — Мой сокол! — и как шквал
Вдруг слезы градом хлынули, сверкая,
Из синих глаз... И просветлело вдруг
Ее лицо, что исказил испуг.

Так рать Шалавы быстро поредела.
Лишь парни — вольный холостой народ —
Идти решились. Площадь опустела.
На запад шел Шалава, все вперед,
Туда, где леса полоса темнела,
Как будто не заботясь, кто идет
За ним, он шел сажеными шагами
И словом не обмолвясь с мужиками.

.

Шла полночь. Месяц зрел, весь мир ночной
Своим сияньем светлым озаряя.
Вдруг слышу шум... Должно быть, зверь
лесной...

«Лось»,— думаю, а сам ружье хватаю
И жду... И вдруг из леса предо мной
Валит такая куча... Мать честная!
Неужто дикари? Ну, дайте срок!
Ружье к плечу и палец — на курок...

А тут бегут уж кто с ружьем, кто с палкой.
— Поближе подпустить! — я закричал,—
Да головы храните, если жалко! —
А куча ближе... Тут я дал сигнал —
Вверх выстрелил. А в куче перепалка!
И слышим: «Братцы!..» Земба! — я узнал.
Бежит, орет, шатается как спьяна,
А на спине повисла обезьяна.

А вслед кора древесная летит,
Комочки, камни... Станные создания
За мужиками гонятся. Вовпит,
Плюется, воеет войско обезьянье,
Бегут мазуры, позабыв про стыд!
Писк, треск! Все это людям в наказание
За их вторжение в лес, и потому
Там не дают пощады никому.

Умчались. Лишь одна осталась пленной,
Та, что вцепилась в мужика. А тот,
В крови, в поту, орет как оглашенный,
Но вдвое громче пленница орет.
Вот так на лошади, как страж бессменный,
Весь день по пашне ездит взад-вперед
Ворона, клюв огромный разевая
И карканьем окрестность оглашая.

И как помочь? Пытаемся стянуть,
Но только глубже входят в кожу когти.
Мужик не может шею повернуть.
— Нельзя!— вопит.— Башку мне оторвете!—
Тут Кубова жена: — Эй, кто-нибудь,

Подайте серп! — кричит. — В узле найдете! —
Вот серп несут. Подняв над головой,
Она им крестит воздух пред собой.

— Иди! — кричит. — Не бойся, не на плаху!
Встань у плетня, а голову назад. —
Идет несчастный весь в поту от страху,
Встает к плетню. А баба, как солдат,
Как резанет колтун серпом с размаху,
Вся в золоте, в руке лучи блестя...
Упал колтун. Мы сразу — к обезьяне!
И тут она повисла на аркане.

И долго эта женщина в лучах,
С серпом в руках, стояла предо мною,
И лунный свет сиял на волосах,
Играл с ее повязкою льняною.
Вот так Юдифь рисуют — всю в огнях,
Когда над королевской головою
Заносит меч, как было решено,
Как будто с богом ночи заодно.

Мазуры разговоров избегали
Об их скитаньях средь звериных троп.
Забившись по углам, они молчали
В смущенье. Тот, лицом к стене, как сноп
Лежал, тот спал, зарывшись в одеяле,
Три дня почти людей трепал озноб.
Из лесу возвратилась вся орава,
Не возвратился лишь один Шалава.

И долго этот случай тешил нас,
И смех кипел, как брызги водяные,
И не с одной души в тяжелый час
Смывал печаль и тяготы дневные.
Мы с обезьянки не сводили глаз,
Нас забавляли выходки смешные
И мордочка ее. С тех пор она
Была на редкость с Зембою дружна.

.

Народ устал. Бездействия трясина
 Грозила засосать его до дна.
 Ведь человек податлив, точно глина,
 Где силу взять? А сила нам нужна,
 Затем чтоб не прогнила сердцевина,
 Чтоб пережить лихие времена.
 Настигло нас двойной беды начало —
 И время шло, и бодрость угасала.

Одних бесило это, и за тех
 Я не боялся. Но зато другие
 Привыкли жить спокойно, без помех
 И легкий хлеб спокойно есть впервые.
 Народ прогнил, как сломанный орех,
 Упавший в пруд,— забылись дни лихие,
 И я клянусь, что голод и война
 Не так страшны, как эта муть страшна.

Лишь женщины (уж мне давно бы надо
 О них сказать хотя бы в двух словах)
 На небо молча устремляли взгляды
 И, забежав вперед в своих мечтах,
 Заботились о хатах, что громада
 Построит здесь, о вспаханных полях,
 И, укрепясь в надежде с новой силой,
 Крестьясь, шептали: — Господи помилуй...

Хоть там — и это бабам не в укор —
 Немало было дразг и разговоров.
 Известно — бабам трудно жить без ссор,
 Не то чтобы тому виной их норов,
 А просто время коротает спор.
 Так ласточки, примчавшись из просторов,
 Пред тем как свить гнездо, пищат, снуют...
 Ну что же? Пусть. Они хозяйки тут.

И раздавались все сильней, все чаще
Стеклянные девичьи голоса,
И, отраженные стеною чащи,
Звучали песни, полные тоски.
Уж как судьба ни была нас, пропащих,
А все ж стираешь слезы со щеки,
Заслыша эти песни, где незримо
Мы сберегли кусок земли родимой.

То, жадные до сказок, прибегут,
Старуху окружают, как маки в поле,
То вдруг икону к дереву прибьют,
Венком украсив, как бывало в Воле,
То запоят,— а парни тут как тут...
То выломают жерди в частоколе...
И здесь, в краю далеком и чужом,
Все это нам напоминало дом.

И так мне это душу волновало,
Что я, в мои преклонные года,
Почувствовал, как сердце застучало,
Сон стал тревожный... Новая беда!
Я трубке клялся в верности, бывало,
А тут решил: туда или сюда —
Женюсь... И любовался я часами
Еленки Жук прекрасными глазами.

Не зря была курпянкою она,
А лучших жен — в природе не бывало.
Как мартовский цветок, чиста, стройна,
Блестит пушок над кожей темно-алой,
А если взгляд потупит, смущена,
Да улыбнется — ну, пиши пропало!
Так ягода, прикрытая травой,
Дарит тебе свой аромат живой.

Сначала я крепился. Я ж из рода
Ремесленников, крепких, как тесак.
Я словно по лбу бил себя колодой:
— Коль смолоду не взял жены, дурак,

Так что ж мудришь? Иль захотелось меду
Курпянского? Не попади впросак!
А то, как мишка влезешь в улей лапой,
А тут тебя и свалят тихой сапой.

Но чары там иль прочие дела,
А только вдруг Еленка осмелела,
Со мною шутит, липнет, как смола,
Цветы приносит с поля то и дело.
Эх, думаю, знать, кровь свое взяла,
Коль тянется, как к дереву омела...
И словно хочет вымолвить: «Ну что ж
Меня, коль нравлюсь, в жены не берешь?»

И, чтобы все тут было чин по чину,
Отцу Еленки поклонился я:
Мол, так и так, не скрою я причину,
Зачем пришел... Нужна мне дочь твоя!
Тут важную скроил пан Войцек мину,
А девушка, улыбки не тая,
Зарделась вся и шепчет: — Дай согласие...
Пан Бальцер мил мне... С ним найду я
счастье...

Ресницы скрыли блеск счастливых глаз,
Как солнце тучка прикрывает в мае.
Всплеснула мать руками: — Вот так раз!
А сваты где же? Дева пресвятая!
Где шафера? Где флейта, контрабас?
О господи! И где квашня такая,
Чтоб замесить мне тесто на пирог?
И где достанешь руты на венок?

Молчит Еленка. Губы плотно сжаты.
А Жук: — Поттише, мать... не причитай.
Не в Мышинце живешь... Понять должна ты,
Что это не родной — заморский край...
Оно, конечно, лучше, кабы сваты...
Да где их взять? И молодые, чай,
Хотят и флейт, и калачей, и соли...
Да что ж попишешь, раз не в нашей воле...

Смахнул слезу, вздохнул, достал табак,
Понюхал ароматную шепотку,
Обдернул свитку, подтянул кушак
И рукавом провел по подбородку.
— Ну, что ж... проси у матери, коль так,
Не век нам жить... Ты защитишь сиротку...—
И тут Еленка — в ноги, вся в слезах,
И, как коралл, румянец на щеках.

«Ох, золотко мое... Да я слугою
Тебе до смерти буду,— думал я.—
Куда бы нас ни занесло судьбою,
В какие бы ни кинуло края,
Дорогу лепестками пред тобою
Усыплю я, голубка ты моя...»
Но голос в горле застревал от дрожи,
Я только крикнул: — Помоги мне боже!

И в тот же день с невестою моей
Мы кольцами навеки обменялись.
Те кольца освятил нам Городей
Молитвою. И с этих пор казались
Длиннее дни. Мы ждали, чтоб скорей
Нашелся ксендз и мы бы обвенчались.
И хоть от счастья был я словно пьян,
Но ждал, чтоб грянул свадебный орган.

Немало мне в войне с самим собою
Помог тот самый мальчик-сирота,
Что приютил я. Он же был со мною
И нежен и заботлив неспроста,—
Быть может, детской чуткою душою
Он чувствовал, как эта маята
Измучила меня. И оказалось,
Что может силы дать такая малость.

.

Лишь изредка заглядывал в наш дом
Наш сторож — он нас баловал не слишком.
С утра на башне объявлял подъем
(Как кошка он карабкался по вышкам)

И снова пропадал. То вдруг кнутом
Грозил рабочим неграм и мальчишкам
И все переряжался — странный вкус —
То как испанец он, то как француз.

Когда ж однажды, нарядясь цыганом,
Он к нам пришел, я подошел к нему:
— Хочу спросить вас... кажется мне
странным
Ваш маскарад... в нем смысла не пойму...—
А он в ответ: — Ты по чужим карманам
Не шарь, кузнец... И к сердцу моему
Не лезь...— И тут же прошептал мне хмуро:—
Мне надоела собственная шкура...

Противно мне... Ведь родом я поляк,
А должен жить в такой вонючей свалке!
Затем ношу французский я башмак,
Что честный польский мне топтать здесь
жалко,

И свитку нашу жалко... Как-никак
Ведь польская ее соткала прялка...
Здесь всяких наций в землю полегло...
Вот я и подбираю барахло.

Ряжусь во что придется... А одежду,
Что взял с собой из Польши, берегу.
Пусть в польской свитке в гроб меня
положат...

Да только, чур,— об этом ни гу-гу...
Я каждый день трясу ее и все же
Избавиться от пыли не могу...
Поистрепалось все уже порядком...—
Старик вздохнул.— Сечется ткань по
складкам...

Уж я слежу — то вешаю на крюк,—
Пусть отвисится, больно уж измята...
А то опять кладу на дно в сундук...
Да жаль, лаванды нет, для аромата...
А как почую, что пришел каюк.

Оденусь весь... Вот шапку, жаль, когда-то
Прогрызли мыши... Впрочем, там, на суд,
Без шапок нас, должно быть, поведут...

Умолк. И словно бабочки ночные,
Его слова опутали меня...
Я в дом вошел. А там гудит стихия —
Галдеж и пьянство среди бела дня.
Те лезут в драку, пьяные, другие
Стирают слезы, жизнь свою кляня,
А трети чуть не валятся от смеха...
Такая начинается потеха.

— Эх, жизнь так жизнь! — нахохлясь как
петух,
Басил Опач.— А воля, брат, так воля! —
Он, как пивная бочка, здесь разбух
От дарового сала и фасоли.
Обжора этот ел всегда за двух,
Нередко и остатки нашей доли
Сгребал,— бывало, все как есть сожрет,
Такой имел вместительный живот.

— Да, крепкая башка, кто эту, брат,
Бразилию придумал! Уважаю!
Никто меня не бьет коленкой в зад,
Хочу — лежу, хочу — бью вшей, как знаю.
Три раза на день кормят и поят,
А я себе курю да отдыхаю.
Барак? А черт с ним! Чем он плох, барак?
Так вынимай на водку, брат, трояк!

Тут спьяна раззудились мужики,
Бросают деньги, вывернув карманы.
Распотрошили быстро кошельки.
Крик, драка, брань, кто трезвый тут, кто
пьяный —
Не разберешь,— на скулах синяки,
Орут, друг друга лупят, бьют стаканы...
Так дорого нам праздность обошлась
И тех, кто послабей, втянула в грязь.

И хоть бы знак какой! Хоть извещение,
Что кончилась проклятая пора,
Что отправляют нас на поселенье,
Что снова звук пилы и топора
Обрадует наш дух, убитый ленью.
Но ничего! Сегодня, как вчера.
Мы к сторожу. Мол, что же будет с нами?
А тот вздохнет да разведет руками.

Секура охал: — Что ж я за осел!
Какая темень очи мне задела,
Что, пахарь, я в такую даль забрел,
Оставив гнить соху мою без дела...
Все бросил я: деревню, плуг, костел...
Изда моя — как ласточка сидела
Под крышей... Эх!.. А тут что? Маята!
Пороги обивай, как сирота...

Так привяжите камень мне на шею,
Да и — на дно! Господь меня простит...
Живой не свижусь с родиной моею,
Так, может, море мертвого домчит...
Пусть черти здесь в горах пшеницу сеют!
Хочу я в поле... в рожь... камнями сыт!
Меня зовет моя земля родная...
Спасите! Боже! Дева пресвятая!

И, зарыдав, о стенку головой
Ударился... Я думал, что расколет!
Но тут раздался сзади пьяный вой:
— Залить беду! Вино спасет от боли!..
Довольно. Мне ли грех невольный твой
Судить, народ, коль путь твой кровью полит,
Коль изнемог ты средь чужой страны?..
Могу ль винить? Я сам не без вины...
.

Как раз тогда приехали к нам швабы,
Как мы, переселенцы, но нужды
По ним не видно было. Взять хотя бы
Мужчин — тучны, надуты и горды.

Ни наши мужики, ни наши бабы
Не подружались — вышли нелады.
Друг друга обходили за две мили,—
Ведь нас крестом, а их водой крестили.

Тут лютеране, кальвинисты тут,
Поплевывают, трубку набивают
Да по три раза на день кофей пьют,
И с нами, видно, знаться не желают.
Скажи: «Хвала творцу», а этот плут
«Вовеки» — ни за что не отвечает!
Бормочет что-то под нос, не понять,
И взгляда избегает, точно тать.

И только отдохнули наши гости,
Уж видим — все забрались в уголки.
Тот тянет дратву, тот шлифует кости,
Тот шьет, а тот тачает башмаки;
А эти укрепляют на помосте
Беседку,— застучали молотки,
В лесу засустились дровосеки,
Как будто поселились здесь навеки.

Не видно в них ни грусти, ни тоски,
Что наших мужиков томит и гложет,—
Строгают, пилят, штопают портки,
А кончат дело, всё на место сложат
И выбегают наперегонки,
Иль, как скворцы, поют одно и то же,
Иль из ружья стреляют молча в цель,
Потом едят фасоль и — бух в постель!

А с нами так и сяк. Не то чтоб ссоры,
А просто держатся особняком.
И часто мы, недружелюбным взором
Им глядя вслед, грозили кулаком:
— Уж, верно, все предатели и воры...
А мужика считают дураком!
Смотри-ка, друг за дружку все горою...
Опасно с этой рыжей немчурой.

А между тем болота жгла жара,
Дышала топь своим гнилым дурманом,
И каждый день с земли ползли с утра
Тяжелые и влажные туманы.
Все злей огонь небесного костра
Нас обжигал, как пламень окаянный,
И этот зной так яростно палил,
Что вытерпеть едва хватало сил.

Так смерть вошла в наш дом. Ее дыхание
Почуял ужаснувшийся народ.
И каждый содрогался в ожиданье
Своей судьбы... Один, холодный пот
С чела стирая, о своем страданье
Рассказывал, другой среди болот
Блуждал с безумным, воспаленным взором,
С самим собою занят разговором...

Так в этой мертвой, страшной духоте
Возник кошмар... И застонали люди.
Те бредят, эти шепчутся, а те,
Забыв про пищу, молятся о чуде.
Так день за днем в слезах и маяте
Своей судьбы мы ждали — будь что будет!
И кожа плотно кости облекла,
Темнее, чем янтарная смола.

И медленно, без спешки и без гнева,
Курносая пометила людей.
Никто не видел этой королевы,
Но слышал шелест савана на ней.
Она ждала, когда взойдут посевы,
Следя, как жнец за нивою своей...
А по ночам в тяжелом лунном мраке
До света были жалобно собаки.

И замахнулась! Но не жита клок,
Не сноп колосьев уложила жница!
Скосила белый от росы цветок,
Который солнца ждал, чтоб распуститься...

Моя Еленка! Кто б подумать мог!
Я думал, мой рассудок помутится,
Когда явился сторож наш к больной,
Пощупал ребра и махнул рукой.

Таким огнем лицо ее пылало,
Что сторож свечку для нее зажег
И нам сказал: — До вечера, пожалуй,
Не доживет... пришел ей нынче срок...—
Тут кто-то охнул, баба застонала,
Отец упал — он выдержать не мог...
Я бросил шапку оземь что есть силы...
Казалось, из меня тянули жилы...

Спасать? Но как? Хоть бейся головой...
Она же руки на груди скрестила
И села вдруг... И вот огонь живой
Блеснул в глазах: — Жара меня сгубила...
По жилам ветер ходит громовой...
Бороться с ним не нахожу я силы...—
Вдруг вздрогнула и очи подняла: —
Ко всенощной звонят колокола!..

Умолкла. Лишь потухшими глазами
Глядит на нас, спокойна и бледна,
И, как стена, вдруг между ней и нами
Смертельная повисла тишина...
И вот на лбу, меж черными бровями,
Легла морщинка, словно вдруг она
Задумалась о чем-то... Так навеки
Закрыла смерть девические веки.

.

Кого же ты преследуешь, господь?
Тот пар, что расточится над простором,
Как облако? Чью топчешь кровь, чью плоть?
Травинку губишь смертоносным взором?
Листок опавший хочешь побороть?
Кто ж нас спасет, коль грозным приговором
Ты сам, отец, нас губишь в трудный час?
И как нам жить, коль ты не слышишь нас?..

.

Я не дал закопать ее в канавы,
Что рыли землекопы средь болот,
Готовя место нам,— и были правы,—
Как мак под бурей, падал наш народ...
Я вырыл ей могилу средь дубравы,
Где все вокруг сверкает и цветет.
И там ее с молитвою зарыл я...
Так крепко эту девушку любил я!

На третий день вернулся я назад,
Весь высохший, не проронив ни слова,
Как будто крик мой был зубами сжат...
Весь почернел, как кожа у Иова,
Как зверь подбитый рыскал я... Мой взгляд
Свернуть с дороги заставлял любого,
Так был я страшен... Почему, бог весть,
Все думали, что в драку буду лезть.

.
Мор нас косил и складывал в загоны,
И молодых, и старых, и детей.
Но, собственною болью оглушенный,
Не мог я разделить тоски людей,
Не проклинал расправы беззаконной —
Боль человека делает черствей;
Когда же к этой боли он привыкнет,
Тогда хоть режь ножом его — не крикнет.

И Прокурат болезнь не превозмог,
Заснул как в детстве, тихо, без мучений.
Пока такого смерть повалит с ног,
Пока на грудь наступит, сновидений
Приятных принесет ему поток,
Нашептывает, манит в мир забвений
И подтолкнет легонько в тишину,
Как мать, готовя детище ко сну.

Чего не делал в жизни — умирая,
Стал песни петь солдатские. На нем
Какой-то свет уже лежал, мерцая,
Твердели жилы в теле чуть живом,

А все еще маршировал, махая
Своим пустым потертым рукавом,
И даже в те последние минуты
Спешил своим вождям отдать салюты.

Привстал, сидит, тенями окружен,
Откинул пряди, что на лоб слетели:
«Сам император!.. Вив, Наполеон!
Зовет меня...— и вот вскочил с постели,—
Раз... два...» — И снова марширует он,
С улыбкою спешит к заветной цели
И падает бледнея на порог,
Назначенный оканчивая срок.

И так лежал, притихший и могучий,
Пред нами распластавшись на песке.
Шетинился, как елка, ус колючий,
У пулевого шрама на щеке.
Вдруг солнца луч, скользнув с небесной
кручи,
Остановил свой свет на старике,
Грудь мертвую сияньем обливая,
Как крест вождя, награда боевая.

.

Но смерть была не с каждым так добра.
Иных же как палач она сначала
Перед последним взмахом топора
Публично обесчестить успевала
Рукою грязной. Страшная пора!
Не птицею на волю вылетала
Душа, покинув бранный свой покров...
Как бревна, там бросали мертвых в ров.

Как скот, косимый язвой моровою,
Валились люди в эти времена.
И утешала войско гробовое
Старушка с Буга древняя одна.

Стереть ли пот, иль тело неживое
Обмыть, сложить ли руки — все она,
То воздух перекрестит от соблазна,
Неуязвима в духоте заразной.

И так как старой не коснулся мор,
Болезни ядовитое дыханье,
Ее святой прозвали с этих пор.
Как месяц по ночам мерцал в тумане
Ее нехитрый головной убор
Из белоснежной деревенской ткани,
Когда детей качала на руках
Иль принимала исповедь в грехах.

Кончины были разные. Тот рвался,
Как будто в лоб ударила картечь,
Другой неторопливо опускался,
А третий, перед тем как мертвым лечь,
Дух с руганью выплевывал и клялся,
Четвертый, человеческую речь
Утратив, лишь мычал, как звери, дико,
Охрипнув от стенания и крика.

Вот так Секура рухнул, точно дуб
Подрубленный. Желчь залила все тело,
Глаза и щеки, лишь полоска губ
Средь этой желтизны одна синела.
И к вечеру уж был он точно труп,
Распаду подчинившийся всецело,
Так изменился, что родная мать
И та бы не могла его узнать.

Но так как был могучего сложенья,
Со смертью, как с разбойником, в борьбу
Вступил мужик, — уж слух терял и зренье,
Уже одной ногой стоял в гробу,
Лежал, как мертвый, тихо, без движенья,
С испариной смертельной на лбу —
И вдруг открыл глаза, и понемногу
Встал на ноги, и ожил, слава богу.

Но так как волк вгрызается в телка,
Так смерть впилась в него и так осталась,
Полжизни отняла у мужика,—
Из горла голос вырвала, казалось.
Лишился наш Секура языка,
Душа к устам прильнула, заметалась,
И слова звук сорваться с губ не мог,
Как воробей, попавшийся в силоч.

И так от тех, которых не сломила
Болезнь, хоть смерть пыталась их прижать
(Три дня боролся Бандыс с этой силой
И все-таки не дал себя сожрать),
Попахивало словно бы могилой.
Они на лицах темную печать
Носили, точно Петр святой (тот самый,
Что в Лукове), когда он встал из ямы.

Такой с трудом произносил слова,
Как будто спицы в языке прошибло,
Сидел в углу, надувшись, как сова.
Так буря нас могильная настигла,
И мы под ней пригнулись, как трава,
Как будто смерть в монахи нас постригла.
Уж лучше ссоры — так казалось мне,
Чем жизнь в такой ужасной тишине.

Так мельник колесо свое разводит
На шестерни, как эта тишина
Живую массу. Рыба так уходит
В пучину, шумом волн заглушена.
В громаде жизнь под спудом хмелем бродит,
И голос криком подает она,
К передовым отсталых поторопит,
Всех в плавке огневой своей растопит.

Итак, когда с угрюмых стен на нас
Дышала смерть, ничем не уязвима,
Удрали швабы в горы — в добрый час! —
И жгли костры, чтобы завесой дыма

Огородить себя. Так, взяв запас
Воды и пищи, жили нелюдимо,
Лишь изредка за пищей их посол
Спускался к нам, и снова в горы шел.

И, видя все, сказал Пшитула: — Братцы!
А может быть, и нам уйти туда?
Сжечь тряпки после мертвых и убратся,—
Хоть в шалашах там будем — не беда!
Смотрите, нынче швабы как храблятся,—
Там мора нет! — Но старшие тогда
На мужика прикрикнули и строго:
— Что быть должно, то будет. Всё от бога!

— Да как с косою смерти воевать?
Как травка, прятаться за косогором?
А смерть придет да за волосы — хватя!
Хоть от нее загородись забором,
Хоть крепостью. Судьбы не миноваты!
Кто рекрут — рекрут, будет взят набором.
Пусть будет смерть, коль так уж суждено.
Что будет, то и будет! Все равно!

Но хоть душа, неся несчастий горы,
И затвердела, как сухой ремень,
Мне снились наши тихие просторы,
Могилы близ подляских деревень
И белые березы, от которых
На мертвые холмы ложится тень,
Которые, склоняясь над костями,
Росой их осыпают, как слезами.

И собственные похороны мне
Привиделись в те дни — как наважденье...
Вот колокол ударил в вышине,
Колышется хоругвь, а в отдаленье
Мне кланяется жито. В тишине
Наш ксендз меня кропит во отпущенье
Грехов... И органист, расправив грудь,
Готов «Salve Regina» затянуть...

Летят родных молитвы. Певчих много.
Мне роют дом меж пнями и травой.
А я в гробу лежу себе так строго,
Усы наежив, важно, как живой.
Иду в отцовской вере, волей бога!
А как поставят крест над головой,
Так буду спать, пока труба не грянет
И страшный суд господний не настанет.

.

И странно! Столько падало вокруг
Людей в расцвете жизни, полных силы,
А Городей' остался — старый бук,
Давно стоящий на краю могилы.
В то время как редел наш тесный круг
И вел со смертью торг, наш старец хилый
Держался твердо, палкою стучал
И на народ расслабленный ворчал:

— Вы бабы! Или нет иной заслуги,
Как умирать? Вон день-то, как дукат!
Работу бог роздал — а где же слуги? —
Тут Луць Останчук: — Я и сам бы рад!
Я б лучше лапти сел плести у струги,
Не по своей охоте лезем в ад...—
Тут, точно еж, Пинчук наш притаился
И на тот свет тихонько удалился.

И так мне было жалко мужика!
Уж у него похолодели ноги...
Мы отнесли к сараю Пинчука
И положили там, на полдороге
К могиле братской, пусть лежит пока,
И заступ положили на пороге —
В те времена в нас было мало сил,
Отдельных мы не рыли уж могил.

Вдруг утром вижу — не во сне ли? Боже!..—
Передо мною в саване Пинчук
Идет к подстилке... сел там на рогоже,
Достал табак и вот набил чубук

И чмокнул... У меня мороз по коже...
Тут закричал я, поборов испуг:
— О тень! Зачем из гроба ты восстала? —
И слышу: — Не найдется ли кресала?

И чмокает да на пол все плюет,
Как будто бы огнива ожидая...
А тут уже сбегается народ,
Глядят... Одна бабенка молодая
Как пальцем ткнет его, как заорет:
— Да он живой! — Тут, гостя осаждая,
Давай о смерти спрашивать кто смел,
А он одно: — С ней сладить не сумел!

· · · · ·
Так день за днем народ валился с ног.
Мы потеряли больше половины.
Кто знал им счет? Пожалуй, только бог
Пересчитал те мертвые дружины.
Мы рыли ямы, и сырой песок
Их поглощал... Но оседала глина,
И вновь земля, добычей не сыта,
Тянула к нам голодные уста.

Так многие ушли в тот час суровый,—
Ушел наш Марцин, крепкая башка,
Музыка Бартек — среди нас другого
Такого не было весельчака,
Ушел Солода, Вуйчик, Кацпер Сова,
Всех гробовая спрятала доска,
Веселых, грустных, слабых, сильных духом...
Да будет им земля чужая пухом!

Те, кто остался, жались все тесней,—
Вот так плоты, плывущие по Висле,
Скрепляет сплавщик, видя, что над ней
Сурово тучи низкие нависли.
Народ стянул покой дремотных дней,
Свои потери страшные исчисля,
И, как в прассе натянутый ремень,
Окреп и ждал, что тьму прогонит день.

Но смерть и детям не дала пощады,
Кидаясь к ним, как жадный мотылек,
Что, привлеченный яблони нарядом,
Кладет червей в раскрывшийся цветок.
Так каждый день за нашею оградой
С утра вздымался новый бугорок...
Рыдая к небу матери взывали,
Но не внимало небо их печали.

И сколько этой нежной синевы
Потухших глаз и белизны лилейной
Сожрал песок и засосали рвы!
Смерть грызла их, как птиц, и пир шутейный,
Казалось, забавлял ее — увы!
И рай для ясных душ благоговейно
Раскрыл врата — от их льняных кудрей
Сияли зори ярче и светлей.

Однажды на могилках выли бабы
И видят — по дороге, в двух шагах,
Посвистывая в нос, гуляют швабы
С дымящимися трубками в зубах.
Компания, пожалуй, и прошла бы,
Но в этот миг одна из наших баб
Как закричит: — Бей нехристей проклятых!
Чего жалеть их, жирных да пузатых!

И началось... Как осы налетев,
Вцепились бабы... немцы удирают,
А бабы по пятам, осатанев,
Рычат, визжат и криком разжигают
В себе к врагам презрение и гнев.
И вдруг одна на немца налетает,
Срывает шапку и давай топтать:
— Учись, проклятый, мертвых уважать!

Вот тут-то в немцах кровь и закипела!
Орут: — Хергот! — и, видя свой позор,
Как по команде принялись за дело,—
По кольям растащили весь забор —

Уж тут бы бабам здорово влетело,
Но сторож наш, что медлил до сих пор,
Спустил собак — бегут они по лугу,
А он им вслед: — Ату его, ворюгу!

И кинулись, как бесы, злые псы,
С глухим ворчанием вцепились в сало...
Рвут куртки, ляжки, руки и усы,
Кидаются, кусают, все им мало...
Тут бабы, как цыплята от лисы,
Рассыпались в момент — как не бывало!
И враг бежит, — он получил сполна...
На этом бабья кончилась война.

.

Один Опач ходил, забот не зная,
Ел за троих и пил как жеребец.
А умер кто — крестился, долг стирая
(Он каждому был должен), и — конец.
А так как наш надсмотрщик, помогая
Больным, устал, то вызвался хитрец
Заведовать котлом, и так старался,
Что каждый негр ремня его боялся.

Вот жизнь пошла! Разжился, стал богат
На таком доходе небывалом.
Гордится, уж сам черт ему не брат!
Уж чуб и сапоги намазал салом,
Уж, точно дыня, стал мужик пузат,
Пыхтит, а пьет. И все жадюге мало,
Все тащит потихоньку как сурок,
И все-то вору в пору, все-то в прок.

А жалобу услышит — разозлится
И сплюнет: — Эх ты, глупая башка!
Не хочешь ли веревку, удавиться?
Ведь знаешь: конопля — для дурака,
Недаром так в народе говорится.
Всю землю не вскопаешь — велика.
Всех дел не переделаешь. Вот то-то!
Жаль, что не видел нашего ты флота!..

.

А в это время с моря потянул
Далекий ветер, легкий, как дыханье,
Раздвинул сонный воздух и встряхнул,
Как перьев лебединых колыханье,
И вдруг — помчался в небо, там свернул,
И прямо к солнцу ринулся, в сиянье,
Как бриг под парусами, напрямик,
Пока не дунул солнцу в светлый лик

И солнце почернело. Ветер прянул,
Скрутил траву и свил ее трубой.
И заиграла музыка. Гром грянул.
Загрохотало в бездне голубой.
Казалось, мир обрушится... Вождь глянул
На копьеносцев — громы рвались в бой.
Уж край небес багровый, весь дымится,
Гул, топот, треск, на войско войско мчится.

Бой закипел! Сорвавшись с горных круч,
Два вихря встретились. И затрещало.
Вкатили пушку на окопы туч,
Блеснул фитиль, и небо запылало,
Прорезал тьму молниеносный луч.
Гром зарычал пальбой: «И слово стало...»
Фитиль проткнула буря в вышине.
Земля во тьме завывала. Мир в огне.

Рванулся полк, направив арбалеты,
Уж с буерака мчит на буерак.
Все ближе туча. Уж трубят валеты,
В литавры вихри бьют, летят во мрак.
Ударили в окоп, блестят стилеты.
Уж умолкают пушки... Дрогнул враг.
И высоко над облачным оврагом
Уж взгромодилась туча с белым флагом.

Когда умолкло все и я взглянул
На небеса — уж отплывали роты,
И конницы гремел победный гул,
И небо было в блеске позолоты.

Вдали еще виднелся караул,
Еще бродил, еще искал работы,
Но небо обняла голубизна,
И то был знак, что кончена война.

Земля вздохнула, свежестью объята,
Встряхнулся лес. Почаще дрожь прошла.
И донеслись лесные ароматы,
И заплясали мошки без числа,
Как столбик искр, летит их полк крылатый,
В озерные глядится зеркала...
И столько свиста, щебета и пенья,
Как в утро первое от сотворенья.

6

Вперед! Вперед! Скорее! Слава богу,
Дождались мы желанного конца!
Не аист ли клекочет у порога,
Надеждой наполняя нам сердца?
Нам снова улыбается дорога,
И, слава вездесущего творца,
Мы оживились, как весною пчелы,
Летающие в проснувшиеся доли.

Вперед! Вперед! Скорей поставим крест
На этой отвратительной пустыне.
Забудем мрак и ужас этих мест,
Пред нами путь иной открылся ныне —
И мы глядим с надеждою окрест,—
И вот над головою в небе синем
Зажглась звезда, чтоб странников вести
В безвестный край по новому пути.

Как журавли пред дальним перелетом,
На солнечной поляне клекоча,
Воздушные выстраивают роты,
Так мы, дождавшись первого луча,
Сходились обсудить свои заботы,
Шумели и кричали сгоряча,

Так, что дрожали стены в нашем зале,
И наобум судьбу свою решали.

Из Рио от комиссии пришла
Бумага нам, чтоб штаты выбирали.
Расселись мужики вокруг стола
И целый день в большом парадном зале
Шли споры — где для тихого угла
Нам выбрать место. Если бы мы знали,
Куда дорога новая ведет!
Но путь вслепую выбирал народ.

Как будто в этом зале перед нами
Закрытые стояли сундуки:
В одном петля, в другом мешок с деньгами,—
Попробуй выбрать тут! И мужики
Метались и дрожащими руками
Тянулись к ним, но, увидав замки,
Отдергивали руки... Сколько пота
Такая людям стоила работа!

Толкуем, спорим... Нам еще вчера
Толмач подробно рассказал про штаты.
Все объяснил — где поле, где гора,
Где реки есть, где пастбища богаты,
Чтоб мы могли обдумать до утра.
И вот сидим, шумим, ведем дебаты,
И право, если можно так сказать,
Под слоем пены — пива не видать.

— Что за собрание,— крикнул Блажей
Дыля,—

Когда бутылки перед нами нет?
Почем я знаю — десять миль иль миля?
На исповеди, что ли,— братъ билет?
Бумажек тут каких-то накрошили...—
Тут Бартек крикнул: — Дай-ка мне, сосед.
Я наудачу! — карты в шапку кинул,
Встряхнул ее, порылся в ней и вынул —

«Сан Пауло». — А может, так верней?
— Конечно! — крикнул Рох. — И я за это.
Чего мудрить? Фортуна, ей видней!
Давай сюда. Не ждать же нам два лета! —
Засунул в шапку руку, долго в ней
Перебирал и вынул три билета.
Тут закричали мужики ему:
— Нельзя же по три! Брать по одному!

Взял. «Парахыба!» — Вот поймал гагару!
Губа не дура! — трунят мужики.
— Трех не дали, так эту взял за пару! —
А с кем? — не унимались остряки. —
Знать, с Баськой, пара-то? — Тут на Барбару
Взглянули мы. Послышались смешки —
Все знали, что, дорвись мужик до хаты,
Не нынче-завтра будут к Баське сваты!

За Рохом вышел Бонк. — Ну, доставай! —
Читаю вслух: «Святая Катерина».
Кричат: — Ну что ж? Недурно. — А Бугай:
— Всегда на небе верная причина,
Чтоб стукнуть нас. — Стах взял билет: —
Читай.

«Пески!» — На что? Земли хочу!
«Кампинас!» —
А Кос: — Да, под Варшавой... Вот те на!
Давнишние какие времена!..

Вздыхнул. И снова крик: — Уж больно строго,
Брать землю на авось! Совет плохой!
Тут требуется умная подмога.
А если попадется грунт сухой? —
Тут Кос: — Болтают, золота здесь много,
По рекам... Так давали бы с рекой. —
А Петр: — В земле, брат, золото! — Нет в
иле! —
Кос закричал. Но Коса заглушили.

Все жарче споры. Все кричат без толка,
Как будто их смутил тяжелый хмель,
Один, как выпь, другой, как перепелка,
Тот, как снегирь, а тот, как коростель
(Тот самый, что близ нашего поселка
Кричит с утра), как будто ты отсель
Попал под вечер в Пинские болота,—
Так мы кричали до седьмого пота.

Вдруг слышим стук. Все стихло за столом,
И, тяжело на палку опираясь,
Встал Городей и об стол кулаком
Ударил, на собранье озираясь:
Вот так охотник, подкрадываясь тайком,
Забьет заряд и, в камышах скрываясь,
Вдруг выстрелит в намеченную цель,—
И стихнут выпь, снегирь и коростель.

Старик глядит сверлящими глазами
На вереницу возбужденных лиц,
В молчанье он следит за мужиками
И держит их на острие ресниц.
И вдруг, сверкнув колючими зрачками,
Как закричит на нас: — Довольно! Цыц!
Эй, Ясек, живо, сбегай за водою,
Да запасись пожарной кишкою!

Тут грянул хохот. Наш бесцельный спор
Нас рассмешил. Но двери отворились.
Вошла толпа народу — это с гор
Пришли поляки... Мы перекрестились:
— Хвала творцу! — И грянул стройный хор:
— Вовеки! — Мы тотчас разговорились:
— Откуда? — С Варты! С Буга! — Земляки! —
Мы обнялись и сняли с них мешки.

Я подошел и встал в пяти шагах
От земляков, и тут мне показалось,
Что в этих куртках, шапках и штанах
Они на немцев смахивали малость.

Эх, думал я, здесь, на чужих дрожжах,
Не больно наше тесто поднималось...
Ох, люди, люди,— как не горевать,
Что так легко вас перелицевать!

Поднялся шум: — Из дому-то давно ли? —
Переглянулись: — Да, пожалуй, с год...
— Так что ж земли-то не дали вам, что ли? —
А те: — Да нет... Весь край мы напролет
Прошли, да только ноги накололи...
Выходит, что и здесь нам не везет...
Да хорошо, что баб с собой не взяли,—
Они бы это вынесли едва ли...

— Вас бог сюда послал! — воскликнул Ян.—
Как коршуны дождя, мы ждем совета...
Куда идти? Рассейте наш туман...—
А те в ответ: — Мы обошли полсвета,—
Пампасы, Аргентину — все обман...
Нигде у них в достатке хлеба нету.
Выходит — зря мы шли за океан...—
И опустились головы крестьян.

Иисус-Мария! Вот живи как хочешь!
А те опять пошли свое болтать,
Рассказывать, нам головы морочить,
И всякий норовит перекричать
Другого... Только на исходе ночи
Они затихли. Начало светать.
И из цветов серебряных и алых,
Как девочка, заря венок сплетала.

7

И день настал. В лазурный небосвод
Гляделась пробужденная природа,
Встречая солнца розовый восход,
И словно Буга радостные воды,
В смятении ломающие лед,

С рассветом толпы шумного народа
Заполнили покрытый тенью луг,
Не помня уж своих вчерашних мук.

Вот стол начальства. Вкруг него толпятся
Агенты, переводчики, дельцы.
Народу набралось — не протолкаться,
Набились, словно в бочке огурцы.
Всем хочется скорей вперед пробраться,
Гляжу — всех ближе наши молодцы
Вчерашние, шумят, руками машут,
Да пот стирают — будто землю пашут.

А сзади — наши длинной чередой;
По флангам — бабы, мужики — в середине,
Худые лица, волосы копной,
И взор какой-то жалостный и кроткий...
Как будто после бурь сам старей Ной
С ковчега их привел, чтобы на сходке
Здесь, в знак надежды, каждый мог опять
Оливы ветвь зеленую сорвать.

Клянусь, что это утро роковое
Мне не забыть до гробовой доски...
Когда-нибудь, господь, перед тобою
Вот так же встанут эти мужики,
Подъятые архангельской трубою,
И, глядя на зеленые листки
Своих ветвей, пойдут из преисподней,
Чтоб наконец услышать суд господний.

А ты, господь, взглянув на реки слез,
На стертые, мозолистые пальцы:
— Вот,— молвишь ты,— под кущи райских
лоз

Идут земли печальные скитальцы! —
Воскликнут мужики — Прими, Христос! —
И скажешь ты: — Идите же, страдальцы,
Не будет здесь обижен ни один —
Всем дам в раю по восемь десятин.

Но тут все шло совсем не так уж гладко,
Гляжу — толпа разбилась пополам,
Но все же не прибавилось порядка:
Два равных лагеря, и тут и там
Есть голова своя, своя повадка,
Свой голос... Только встали по местам,
Как каждая такая половина
Опять разбилась... Что за чертовщина!

Тут сплюнул я и стиснул кулаки.
Как стог сырого сена на поляне
Раскидывают утром мужики,
Так наше разношерстное собрание
Рассыпалось мгновенно на куски;
У каждого особые желанья,
У каждой группы собственный резон,
Свой гетман, свой маршрут и свой закон.

Но Городей отдельно на пригорке
Стоял как страж, на палку опершись;
Казалось, он внимательно и зорко,
Прищурившись, смотрел куда-то ввысь.
Он был похож на стог перед уборкой.
Но вот за грабли мужики взялись,
И стог растет... Он вырос вдвое, втрое
И наконец становится горою.

.

Все с немцев началось. Те быстро в путь
Собрались и стоят: с детьми, с узлами,
С перинами, не смущены ничуть,
Окружены баулами, мешками,
Корзинками, выпячивая грудь,
В сандалиях, в каскетках с козырьками,
Расставив ноги, встали и стоят;
В карманах руки; трубочки дымят.

Им комиссар кричит: — Куда пойдете? —
И как огонь, разящий напрямик,
С командою блеснит по дулам в роте,
Так «Блюменау!» — грянул дружный крик.

И вот, билеты взяв, на повороте
Дороги встали швабы в тот же миг.
Такой пойдет хоть к черту в пасть — ему бы

Лишь с кофеем горшок, да трубку в зубы.
Тогда толмач нам крикнул: — Эй, народ,
Решайте же, где жить вам, полно охаты! —
Крестьяне молча вытирают пот,
Соображают, нет ли тут подвоха?
А он: — Ну, что ж тут думать целый год? —
И вдруг Лука: — Подумать бы не плохо...
Мы королевской властью здесь живем
И так чего попало не возьмем!

И поглядел на мужиков с упорством,
А те в ответ: — Вот то-то и оно...—
А он опять: — Довольно хлебом черствым
Кормили нас! Теперь уж все равно,
Не проведешь нас разным крючкотворством!
Мы не отребье вам! Все быть должно
На гербовой бумаге, брат, и чтобы
Была печать! — А мужики: — Еще бы!

Тут мужики вошли в такой азарт,
Что все смешалось в кучу на поляне.
Насупился угрюмый комиссар
И, пальцами по папке барабаня,
Кричит: — Уймись! Здесь вам не базар! —
Кричит толмач: — Должны мы знать заране,
В какие штаты вас определить.
Так отвечайте: где хотите жить?

— Где? На земле! — крестьяне закричали.—
На собственной! — Но где? — кричит
толмач.—

Тут мужики в затылках почесали,
А Дудек закричал: — Ты нас назначь
В хозяева! Мы в батраках живали!
Довольно нам работать вместо кляч! —
Толмач схватился за голову: — Боже!
Что за народ — твердят одно и то же!

Глядь, Дуда наш подходит к толмачу:
— Простите... Я хочу начать с вопроса:
Где просо здесь родится? Я хочу
Туда, где можно снять побольше проса...—
Тут Сверщ его похлопал по плечу:
— Эх ты, чудак! Жена и дети босы,
А он за просо! Ты б спросил Сверща —
Земля под просо, как доска, тоща.

И снова шум пошел — один другого
Перебивают... Закипел народ,
Уж не дают соседу вставить слово
И голос повышают в свой черед,
Доказывает Рох, а Дуда снова
Свое, Журава громче всех орет,
Кричат и начинают уж сердиться —
Что уродится, что не уродится.

Охрип от крика строгий комиссар.
Стучит толмач — никто его не слышит.
Шумят, толпятся, словно здесь пожар.
Так вихри лес внезапно заколышут —
И крики дятлов, соек и гагар
Покажутся в сравнение с этой вспышкой
Затишьем... Тщетно дятел ветку бьет,
Кричит сова и портит клюв угод.

Тут, пошепчась, начальники схитрили,—
Сложили молча книги и пошли,
Но мужики им путь загродили —
Оторопело встали, как кули,
Сняв шапки, низко головы склонили
И больше разговоров не вели.
И комиссар взглянул на нас с усмешкой:
— Ну, говори, народ, да, чур, не мешкай!

И загремели глотки, как орган:
— В Иглашево! В Парану! В Матагросо!
Туда, где соль! А я туда, где Ян!
Не Ян, а Павел! Я туда, где просо!

Ко Всем Святым, там лучше для крестьян!
Мы в Багию! А мне бы где покосы...
В Дестеро мы! А нас в Пампас пошли!..—
И тут дыханье все перевели.

Но комиссары, друг на друга глядя,
Казалось, не слышали ни о чем,
Тот бороду нетерпеливо гладит,
Тот чистит ногти маленьким ножом.
И вдруг толмач: — Молчите, бога ради!
Ну что мне делать с этим мужичьем? —
Тут карту он схватил: — И что за люди!
Все раскатились, как горох на блюде!

Тут смолкли все. Стоят, разинув рот,
Не в силах сразу с мыслями собраться...
Начальство, между тем, листы берет
И начинает с толмачом шептаться.
Тот встал и крикнул: — Часть в леса пойдет,
Те, кто покрепче, будут наделяться
Землей. Других — на кофе. Больше вас
Не станем спрашивать. Вот вам приказ.

Толмач умолк. Не говоря ни слова,
Стоят, переминаясь, мужики.
И все, от старика до молодого,
Внезапно прикусили языки.
Как будто кто-то из ведра большого
Плеснул водой. Притихли вожаки,
Как не бывало удали и спеси,
В молчании стоят, носы повеся.

Но униаты с Буга, люд простой,
Чьи лица, потемневшие от муки,
Как овцы, шерстью заросли седой,
Стояли немо, точно речи звуки
Не слышали, пока из кучи той
Два Лазаря, сложив с мольбою руки,

Не вышли: — Нас пошли, вельможный пан,
Туда, где римский слышится орган.

Даны нам обещания такие...
Дух жаждет веры... Мы хотим крестить
Детей своих, хотим дары святы,
В костеле окропленные, носить,
Хотим литаний к пресвятой Марии,
Покойников хотим мы хоронить
По-польски, а не так, как бусурманы,
И петь хотим, как прежде, под органы.

От нашей Нарвы нрав упорный в нас,
От Междуречья, Соколова, Буга.
Как те поля, так наша кровь лилась.
Оторванный от пашни и от плуга,
Народ ушел оттуда в трудный час,
Спасая дух, поддерживал друг друга.
Так пусть не гонят в церковь нас силком,
А так — куда хотите мы пойдем.

Помяли мы тюремные постели,
Сибирские знавали холода,
Остались от плетей рубцы на теле,
Брели босые по осколкам льда,
Все ж вере изменить не захотели
И впредь уж не изменим никогда.
Итак, поедем всюду без протеста,
Лишь было бы причастье там и месса!..

Умолкли. Льются слезы по щекам,
Взывая громче слов. А тут другие
Ответили им вздохом. Тут и там
Послышались стенания глухие.
Встряхнулись. Стало ясно мужикам,
Что это настоящие святы,
А нимб под шапкой скрытан потому,
Что не идет простой кафтан к нему.

.

И, пользуясь моментом, тот же час
Нас на две половины разделили...
Тут я подумал: «Вот тебе и раз!
Ведь я кузнец! И что б ни говорили,
Помогут мне рука и твердый глаз.
Пускай разводят кофе простофили,
А я пойду-ка в город,— как-никак,
Ведь я же не какой-нибудь простак!»

Но хоть себе все это и внушал я,
А все ж невольно устремлял свой взор
Туда, где эти Дуды и Козьбялы
Стояли молча... Словно с этих пор
Там часть души навеки оставлял я...
Я хмурился и лоб с досадой тер,—
Но вскоре отошел, кусая губы,
И что-то стал насвистывать сквозь зубы.

И вот я вижу — сквозь толпу пролез
Щенсяк, весь желтый, высохший от горя,
Встал у стола, один, как в поле крест,
И говорит: — Хоть с вами я не спорил
И ничего не выбирал окрест,
Но дайте мне клочок поближе к морю —
Я в этом море схоронил семью...—
И, зарыдав, упал он на скамью.

Пересказал толмач слова бедняги,
Но холодно внимали господа,
Уткнувшиеся в папки и бумаги,—
Чужая их не трогала беда.
Я задрожал... Проклятые деяги!
Душа моя стонала... И тогда
Несчастливого я обнял со слезами
И закричал: — Пока я жив, я с вами!

И точно крылья за плечами вдруг
Почувствовал я и в небо мог подняться...

Не зря чесались так ладони рук —
Не то подраться с кем, не то обняться!
Мне вспомнилась Еленка... Бедный друг!
Цветок мой белый... Я не мог сдержаться
И, с силой стиснув зубы, простонал:
— Эх, почему тебя я потерял?

Останься ж, милая, пусть тьма лесная
Тебя покоит, пусть высокий бор
Шумит, пусть вихри молятся, стеная,
А ты тихонько спи под этот хор.
Грусть в сердце бьет, как молот, раздувая
Горнило горя... Мгла застлала взор.
Не я кузнец, как думал я годами,—
Судьба, чей молот занесен над нами!

И тут я за руку мальчонку взял —
Наследство Зджарского,— другой рукою
По голове погладил и сказал:
— Ты, Ясек, не робей! Нам путь с тобою
Еще не малый, далеко вокзал.
Так подбодрись, не кисни пред судьбою! —
И вижу: трет глаза себе полой...
— Голодный? — Нет... — Тогда тоску
долгой!

А в это время, примирясь с судьбой,
Делился надвое поток народа,—
Те вправо, эти влево шли гурьбой,
И это уж казалось им свободой!
Могли решать, вступать ли с чащей в бой,
Идти ль на кофе... Так в лучах восхода,
Притихли. Словно им на всем пути
Сам бог велел чужую кладь нести.

Но где-то, всколыхнув души глубины,
Вставала боль внезапная со дна
Метались шеи, головы и спины,
Казалось, что душа разделена

На две кровоточащих половины...
Вот так в стволе надрубленном видна
Облитая смолою сердцевина...
Мы поняли — судьба у нас одина!

Вдруг вижу я — Опач стоит в дверях,
Пуская дым из трубочки клубами,
В начищенных высоких сапогах
С подбитыми железом каблуками.
Разъевшийся на даровых харчах,
Он, видимо, не собирался с нами.
— А ты куда? — кричат ему. — Бог весть!
Пожалуй, лучше мне остаться здесь.

Зачем идти, мешок на горб повесив?
Иль, может быть, меня пирог там ждет?
Весь мир не съесть, как говорят в Одессе,
Но то, что съешь, то в твой пойдет живот.
Пахать да боронить? Уж лучше здесь я
Останусь кашу есть — прямой расчет,
Чем сеять гречу, лучше ей питаться!
Так я решил. А вы идите, братцы.

Пустил клуб дыма, сплюнул вбок и сел,
На сапоги начищенные глядя.
Пылало солнце белое как мел,
И было слышно нам, как где-то сзади
Огромный лес метался и шумел.
И, обратясь к бесформенной громаде,
Мы замерли — казалось, черный лес
Шел прямо к нам, судьбе наперерез.

И так мы тотчас собрались в дорогу,
И партии простились — те туда,
А мы сюда... Идите, братья, с богом!
И стали расходиться навсегда...
Но сердце ныло, и росла тревога,
И вдруг народ прорвало: — Все сюда!
Советов панских мужикам не надо!
Пришли громадой и уйдем громадой!

И тут же, как вода из двух озер,
Срывая шлюзы, льется воедино,
Народ сбежался, чтобы с этих пор
Идти одной сплоченною дружиной.
Уста дрожат, туманят слезы взор,
И над зеленой солнечной долиной
Царит молчанье — словно сам творец
Нас из могилы вывел наконец.

И комиссары смотрят с удивленьем
На этот неожиданный союз.
Им не понять ни нашего волненья,
Ни крепости мужицких наших уз,
Что помогает нам терпеть лишения
И волочить забот привычный груз.
Владеем мы единственным богатством
И им горды. Оно зовется братством.

Но было поздно. На страницах книг
Судьба народа наскоро решилась,
И стража, подоспевшая в тот миг,
Нас по приказу силой разлучила.
Хоть подняли тут бабы дикий крик —
Но что могли мы сделать с этой силой?
Так всех, кто послабее, как овец,
Загнала стража в кучу — и конец...

А Городей глядел на небеса
И шевелил увядшими губами:
— Благослови, господь! Идем в леса...
За тех, кто остается здесь, мы с вами
Молитву сотворим...— И голоса
Несмело зазвучали. Со слезами
Уткнули бабы головы в репей,
Прижав к груди испуганных детей.

И словно арфы струны золстые
Вдруг понеслось в просторы высоты
Все громче: — Благодатная Мария!
Господь с тобой, благословенна ты...

И так как прежде, в годы молодые,
Я был в костеле служкой, знал латынь,
Я оглядел могил печальных насыпь
И заключил: — Requiescant in pace...

III

В ПУЩЕ

1

Так третий день в лесу встречали мы.
Едва влача израненные ноги,
Мы шли среди зеленой полутьмы
В просвет лесной прорубленной дороги.
Поваленные кроны как холмы
Вставали здесь и там. Стволов пороги,
Казалось, заграждали доступ нам,
Но все же шли мы с горем пополам.

Я первым шел. За мной толпа шагала.
Дремучая вокруг сгущалась мгла,
Как будто натянули покрывало
На небеса. И вот заволокла
Всю чашу тьма, и чаша замолчала.
Но кто там крикнул: «Господу хвала!»? —
То Городей молился, щуря веки,
И эхо вдруг откликнулось: — Вовеки!

Так, значит, и у чаши есть душа,
Коль с человеком чаша побраталась!
Пока мы шли без слов, едва дыша,
Она ни разу нам не откликалась,

Упрячась в глубь лесного шалаша,
Но крикнули — и тотчас отозвалась,
Как будто мы старинные друзья...
Так мы вошли в дремучие края.

.

Шуми же ты, шуми, зеленый бор,
Посаженный от сотворенья мира!
Кричи, кора, беги, зверье, из нор!
Сверкай, топор, как грозная секира!
Мазурских топоров железный хор
Греми, как встарь, по слову командира,
Как некогда, в тот позабытый век,
Когда с землей тягался человек.

Пусть встанет у меня перед глазами
Стена стволов, закрывших в чашу вход,
И с пыльными мешками за плечами
Распятый и замученный народ,
К тебе, господь, и днями и ночами
Взывающий — чтоб ты взглянул с высот
На эти души, полные мученья,
И ниспослал надежду на спасенье.

Пускай они пройдут передо мной,
Сожженные тропической жарою,
И в лес войдут печальной чередой,
И встанут с непокрытой головою,
Они, что шли, забыв про боль и зной,
Как будто там причастие святое
Их ждет... Пускай в поту, в слезах, в пыли
Увижу я изгнанников земли.

.

Лес был скалист. Но у другого края
Болота шли. Деревья, как шатер,
Свои верхушки в небо погружая,
Чертили нескончаемый узор.
То мрак, то свет — и это все мелькает,
И, словно в бане, жаркий воздух сперт,
И обдает то сыростью, то жаром,
И ты идешь, покрытый мутным паром.

Из топи, как по берегу реки,
Встает тростник огромною щетиной,
Жужжат сверчки, проносятся жуки,
И корчится в корнях клубок змеиный,
И, словно голубые мотыльки,
Летающие над желтою трясиной,
Колышутся болотные цветы
Невиданной, волшебной красоты.

Так вот они, урочища лесные!
И лес гудит, огромный, как орган.
Стоят, как свечи, ели голубые,
В зеленый погруженные туман.
И чаща, словно спящая стихия,
Таит в своих глубинах ураган.
И, как колонны стройные костела,
Стоят ряды дубов над синью елок.

И бесполезно голову ломать,
Чтоб вспомнить этих зарослей название.
И все кипит, все хочет жить, дышать,
Все лезет вверх, все — жизнь и увяданье!
Друг друга душит бешеная рать,
Борясь за выход к солнцу. Без сознанья
Лежит в поту родящая земля,
Меж всем живым любовь свою деля.

Как страшные тенета, меж листвою
Лианы извиваются хитро,
И каждый лист особого покроя:
Тот — словно меч, а этот — как перо.
Природа наслаждается игрою,
Сплетая изумруд и серебро,
И все ползет, все рвется, жаждет жизни,
И нет конца той поминутной тризне.

Когда же солнце, просочась сквозь мглу,
Чуть тронет эту зелень, что намокла
От слез росы, таясь в своем углу,
Как засияют краски листьев блеклых!

Так на костела каменном полу
Ложатся блики сквозь цветные стекла,
Виденья в форме пальм, цветов и звезд,
Далекие, знакомые до слез.

Но слышишь — свист иль ветра дуновенье,
И птицы вылетают из-под ног.
Мелькает золотое оперенье:
Та — как огонь, а та — как василек,
Та — бирюзы и пурпура сплетенье,
А та — живого золота комок,
И стаи их, как камни ожерелья,
Сверкают в темной зелени ущелья.

И ты, увидя этот маскарад,
Игру теней над изумрудом веток,
Вообразишь, что ты увидел клад,
Что был зарыт в пещере темной, где-то
Близ Ойцова, века тому назад,
Тот клад, что закопал король Локеток.
Локеток спит, и с ним дружины спят,
Но верный страж хранит бесценный клад.

Войдя в ту чашу, мы остолбенели,
И тотчас разбежался весь народ.
Мазуры — те и верить не хотели,
Что здесь береза вовсе не растет.
Разглядывали, щупали, пыхтели
И поняли — здесь все наоборот.
Трава, цветы, деревья-великаны —
Нам все казалось сказочным и странным.

И в этот самый миг почуял я,
Как сердце сжалось больно и тоскливо...
О бедные родимые края!
Не золотом ли затканы те нивы?
И разве льны, сапфирами горя,
Не так, как эти заросли красивы?
Господь поставил житницы у нас,
А здесь берет лишь бархат да атлас.

Так подтверди же ты, земля родная,
Как в страшный час прощались мы с тобой,
Как, отчий дом навеки покидая,
Мы вглядывались в милый облик твой.
Не легкий хлеб — одна беда лихая
Нас разлучила с польскою землей...
Нас мор глодал, нас мучали морозы,
И вместе с нами ты глотала слезы.

Ты знаешь все. Ты знаешь ту печаль,
Что души нам навеки отравила.
Мы шли и снова вглядывались вдаль,
Чтоб, словно мать, ты нас благословила.
Простились мы и свидимся едва ль,
Но сердце не забыло, не забыло
Твои поля, и хворост, и плетни,
И польских хат далекие огни...

.

Недолго с нами власти толковали,
Участки отмеряя на ходу,
И мы им вслед дорогу прорубали,
И, как решетка в сказочном саду,
Прозрачные прогалины вставали,
Открыв нам туч серебряных гряды.
И заросли лесные, как живые,
На голос наш откликнулись впервые.

Тогда созвали негров, чтоб они
Соорудили хижины простые,
Поставили заборы и плетни.
Они пришли, огромные, худые,
И, аккуратно разложив в тени
Диковинные тыквы золотые,
Тотчас за дело принялись свое —
Рубить, плести и строить нам жилье.

Те избы я назвал бы шалашами —
В них не было ни балок, ни стропил,
Утыкав быстро землю камышами,
Негр брал их за макушки и крепил

И, так связав их, покрывал листьями,
Чтоб дом не промокал и не сквозил.
Вот так мужик у нас на крышу дома
Кладет рядом снопы ржаной соломы.

А чтоб такой шалаш не оседал,
Помажет грязью, плотно утрамбует,
Глядишь — лежанку сделал, мох настлал
И встал, своей работою любуясь
(Хотя пилы в руках и не держал),
И по глазам заметно, что ликует...
Но мне постройки их не по нутру —
Я б предпочел собачью конуру.

Я взял надел на горке. Пусть там голо,
Но не хотел я забираться в лес.
Пригорок показался мне веселым,
Я смастерил очаг, над ним навес,
И все обнес высоким частоколом.
От их построек новых наотрез
Я отказался — разобраться строго,
Так нужно мне, ей-богу, так немного.

Так зажил я. Мой Ясек ворковал,
Как голубь под оконницей весною,
С утра до ночи песни распевал
И радовался солнцу и покою.
Как дуб, что одиноко увядал,
Разбужен ивы веткой молодою,
Мое сиротство скрасила в тиши
Весна его младенческой души.

.

2

И кинулся народ с жестокой силой
Рубить леса. Затрясся темный бор,
Гляди — вспотели лбы, набухли жилы,
Душа и сердце вложены в топор!

Что там, рассвет? Иль ночь леса покрыла?
Не молкнет топоров железный хор,
Они стучат, все громче, все упорней,
И стонут обессиленные корни.

Кипит работа ночи напролет.
На ярмарке не так мелькают шапки,
Как в этой пуще, где снует народ,
Лежат ветвей гигантские охапки
И среди буйной зелени болот
Торчат деревьев черные кульяпки.
И песни раздаются все слышней
Средь стука дятлов и шипенья змей.

Так шел с природой бой. И было любо
На эту битву грозную глядеть,
На этих Валигоров, Вывидубов,
На мускулов коричневую медь.
Набухли шеи, пересохли губы,
Все ярче жил голубоватых сеть.
Свистит топор, качаются лианы,
И с диким визгом скачут обезьяны.

Заслышав приближающийся гул,
Зверь встал и вылез, разорвав тенета,
Повел глазами, воздух потянул
И вдруг помчался прямо на болота,
Огромным телом тростники согнул
И грузно в жижу шлепнулся с налета.
Трещит камыш, и булькает вода,
А зверь завяз и, верно, навсегда.

И вновь топор, как пушка, громыхает,
Громя лесной могучий бастион,
И тем железным стонам отвечает
Короткий, громкий человеческий стон.
Мужик в поту. Мужик топор сжимает
И вновь разит, и новый ствол сражен.
Взлетают щепки, как куски гранаты,
Мазуры бьются жарко, как солдаты.

И не было в смертельном том бою
Ни барабанов и ни полководцев.
Там, как дикарь, топор ревел: убью!
Ведь знал мужик, что он сегодня бьется
Не за чужую землю — за свою,
За землю, где расти ему придется.
Так день за днем все дальше, все вперед,
Заре навстречу шел из тьмы народ.

Прошли года, но как сейчас я слышу
Ту музыку ножей и топоров,
И под моей соломенной крышей
Играет эхо смолкнувших хоров,
Тревожа мирной старости затишье.
Я слышу стон подрубленных стволов,
И стройный лес стоит передо мною,
Качая удивленно головою.

.

Но лес стоял упорно. Мертвый ствол,
Поддержанный соседними стволами,
Лишь чуть склонялся, посыпая дол
Листвой и полумертвыми цветами.
Вот так сраженья грозный производ
Бойцы встречают тесными рядами,
И средь живых товарищей-солдат,
Телами сжаты, мертвые стоят.

Так в Буковине срубленные буки
Стояли в чаще, средь прохладной мглы.
Бедняк пройдет, но шляхта и гайдуки,
Распухшие от меда, как волю,
Повалят их... И зашипят гадюки,
Смерть загремит, обрушатся стволы,
Труп упадет на труп, ломая сучья...
И вот — деревья, люди, кони — в куче!

И я не раз об этом вспоминал,
Когда сквозь лес ломилось наше войско.
И каждый раз, когда топор стонал,
Меня обуревало беспокойство —

А вдруг мужик впотьмах не рассчитал?
Но, видно, бедняки имеют свойство
Пройти и сквозь игольное ушко —
Никак бедняк не отрастит брюшко!

.

А бабы между тем, покинув хаты,
Костры разводят, варят полдник нам,
Те тащат хворост, те несут бататы,
Кругом, по ярким солнечным лугам
Цветов и трав струятся ароматы,
И мухи жмутся к розовым цветам,
И солнце жжет, огнем своим дурманя,
И дышишь паром, точно в русской бане.

Ты встанешь молча... Скрытая травой,
Змея шипит, растение обвивая,
И с криком у тебя над головой
Встревоженная птица пролетает,
И на ветвях горланит шумный рой
Веселых пестроперых попугаев,
И дерево трясется с ними в такт,
И солнце льет расплавленный смарагд.

И стой хоть целый день — не сможешь взором
Обнять всего, что там произойдет,
Всего живого, что, сокрыто бором,
Летит, шумит, сверкает и ползет.
Вот так святой отшельник, о котором
Рассказывал мне ксендз, теряя счет
Неделям, простоял однажды годы,
Смотрясь в живое зеркало природы.

Но в сумерках там страшно и темно...
Эй, слышишь? Кто-то в зарослях крадется...
Лежит на ветках лунное пятно...
Вот кто-то стонет... плещется... смеется...
Вокруг черно и чаша словно дно
Ослепшего гигантского колодца,
И чудищ раздаются голоса,
Под шапкой поднимая волоса.

И все, что ныне дышит, завтра сгинет.
И сонм чудес, открытых пред тобой,
От сотворенья мира и доныне
Кипит, грозит — то мертвый, то живой.
И вот в груди от страха сердце стынет...
Так в детстве ты, на чащу за рекой
Показывая ложкой, побледневший
От ужаса, шептал: «Гляди... там леший...»

.

С работы возвращается народ,
Блестит в глазах огонь ожесточенный,
На загорелых лицах крупный пот
И дрожь в руках, трудом изнеможенных.
Вот к кузнице компания идет,
А молот мой стучит разгоряченный,
Бросает сноп огня к ногам гостей
И — все довольны кузницей моей.

— Эх,— закричал Пшитула,— мы как паны
Здесь заживем! В Обрыту дам я знать,
Чтоб знали все соседи и братаны,
Что из себя здесь стал я представлять!
Здесь через год, гляди, набью карманы,
Всех буду калачами угощать! —
А Рох: — Уж я подпруги распускаю!
Как раз и похудею к урожаю!

Вздыхает Козьбьял: — Да, покуда ждешь,
Воды, брат, в Висле утечет немало...
И'то сказать — ну где здесь сеять рожь?
Нас, как зверей, начальство в лес загнало.
Худая почва. Где же тут найдешь
Местечко, чтобы тень не закрывала?
Чтоб гречу и горох я сеять мог,
Мне нужен желтый, легонький песок.

— Глядите-ка на этого мазура! —
Воскликнул Сверщ.— Он без песка пропал!—
Поддакнул Рох: — Такая уж натура,
Мазур и сроду глины не видал,

Ну разве что в руках у штукатура!
— Неправда! Врете! — Козьбьял закричал,
А Гнат, как запоет: — Ой, степь родная!
Ой, луг ты мой, калина молодая...

Подтягивают. Каждый ворошит
Свою беду, свои воспоминанья.
И скорбь и радость в песне той звучит,
И крепнет хора стройное слиянье.
А в небесах уже луна блеснит,
Роняя ливни белого сиянья,
И под ее серебряным зрачком
Вся чаша отливает серебром.

Тут Городей поспешными шагами
Нас обошел. И смолкли мы тотчас.
А он взглянул печальными глазами
На темный лес, на поле и на нас
И молвил: — Жить хотите хуторами!
А где село, я спрашиваю вас?
Где строить нам село? Пускай собранье
Ответит мне — где будут жить крестьяне?

Нахмурился, губами шевеля:
— Ну, что глядите, как на наваждение?
Я знать хочу, — где будут тут поля
Общинные? Где выгон? Где селенье?
Где вдоль села посадим тополя?
Где хаты встанут в ряд? И где строенья?
И где покосы будут и луга,
Где встанут сена свежего стога?

Я вижу, вы хотите жить вразброд,
Как кустари... как швабы... в одиночку!
Тьфу! Черти... Как лягушки средь болот,
Сидеть хотите, каждый выбрав кочку!
Я думал, землепашцы вы, народ...
А вы громаду нашу по кусочку
Разбить хотите... всех размежевать...
Я думал здесь деревню основать!

И яростный, голодный, полуголый
По десять раз о ствол железом бьет,
Пока не покачнется ствол тяжелый
И наземь, просвистев, не упадет.
Уж руки воспаленные устали,
Но крепок ствол — как будто он из стали.

Еще полгоря, если рубишь ель,—
Ее бразильцы пинхой называют,—
Едва топор в стволе проделал щель,
Мужик ее тотчас же добивает.
Но только попадет тебе канель,
Так ты хоть плачь — все силы измотает,
Ствол, как кремь — хоть бейся головой,
Руби его — стоит, ни в зуб ногой.

И мужики, как звери, одичали.
И злоба их безумная росла.
Топор взлетал — и тотчас, как от стали,
Отскакивал от твердого ствола.
Заметил я, что силы иссякали,
Что лес нам вдвое больше сделал зла,
Чем мы ему... Ругался Рох, потя,
Ругался Земба, вытирая шею...

Но Дудек, что с рожденья жил в местах,
Где чащи нет, где роща как солома,
Бросал топор и бормотал в слезах:
— О господи... за каждый клен, что дома
Срубил я у помещика в лесах,
За каждую березу с бурелома,
За каждый сук ворованной ольхи...
Ты покарал меня за все грехи!

Не видя слез, не слыша сквернословья,
Размахивая дико топором,
В поту, с глазами, налитыми кровью,
Рубил Секура лес... Казалось, в нем
Сидит злой дух, что силищу воловью
В него вдохнул,— но вдруг, взглянув кругом,

Он падал и хватал траву горстями,
Уставясь в землю мутными глазами.

Но тем, кто в горы из долин ушел,
Жилось не слаще. Горы были голы.
Один кустарник вдоль по склонам цвел,
Колючий, низкорослый, невеселый.
А ниже — скалы. Тут трудись, как вол,—
Не наградит земля за труд тяжелый,
И я сравнил бы с этою землей —
На молоке сметаны тонкий слой.

Пахать? Но лемех, вглубь не проникая,
Лишь, как мотыга, поверху скользит...
Посеять? Но тотчас витютней стая
Иль коршунье на пашню налетит,
Посевы, словно туча, покрывая,
Иль черный вихрь завоет, загудит
И, завернув, как тряпку, землю, живо
Сметет со скал в крутой провал обрыва.

Вот и выходит — где б ни откусить,—
Сломаешь только зубы... Здесь веками
Стоят леса,— ты можешь их срубить,
Ты можешь землю завалить стволами
И небеса над головой открыть,
Но что же можешь сделать ты с корнями
Огромных пней, которые вросли
В глубины притаившейся земли?

О, где бы силы взять, достать нам где бы
Хоть горсть муки?.. Хоть каплю молока...
О черный каравай ржаного хлеба!
Как ты благоухал издалика!
Крестом господним осененный с неба,
Ты все такой же — пусть прошли века,
Адама достоянье,— ты поныне
В моей душе остался, как святыня!

Не потому, что, голодом томим,
Трудясь в поту, я высох, как солома,

Но потому, что, бедный пилигрим,
Мой хлеб желанный я оставил дома,
Что через речку брод непроходим
И нет ни перевоза, ни парома
Там, где отринет человека хлеб...
Что гибнет он по милости судьбы!

3

Ой, мать-земля! Судьба нас разлучила,
Нам без тебя покоя нет нигде!
Ты нам давала втрое больше силы,
Хоть жили мы на хлебе и воде.
А здесь все чуждо нам и все постыло,
Мы грезим о родимой борозде,
Вздыхаем как сироты на чужбине
О польской хате, о родном овине.

Ой, мать-земля! Желанный чернозем!
Ты, борозды пушистые взметая,
Казалось, перед маленьким зерном
Утробу раскрывала, как живая.
А здесь, в краю безвестном, неродном,
Как мачеха лежит земля чужая.
Умрет ли кто? Над трупом, как всегда,
Она блеснит нарядна и горда.

И солнце здесь не раннее, и росы
Не так горят, осыпав блеском рожь,
И птиц заморских хор разноголосый
На жаворонков наших непохож.
И той звезды, что смотрит на покосы,
Среди чужого неба не найдешь,—
Мы видели по ней, как божья сила
За каждым жалким колосом следила.

Еще теперь я плачу и скорблю...
О, сколько там осталось на погосте!
Хоть было все равно мне, бобылю,
В каком углу сложить придется кости.

Ведь доля — птица. В хижину твою
Влетит — и снова прочь... И тщетно в гости
Ее зовешь. Но и при доле, брат,
Такие раны — всё кровоточат.

.

Но мужики держались. Горьких жалоб
Не слышно было. Видно, наш мужик
Как заупрямится, так сдвинет скалы,
А взвалит груз — так, высунув язык,
Его несет, голодный и усталый,
Вплоть до могилы, — так уж он привык.
Пускай преграды жизнь ему готовит, —
Его одна обида остановит.

Один Пшитула... Высох, почернел,
Как волк по лесу рыщет вечерами.
Он был самолюбив и не хотел
Своей тоскою поделиться с нами.
Иной раз встанет в поле, бел как мел,
Воткнет свой посох и стоит часами...
Лишь изредка раздастся тихий стон,
Как будто заглянул в могилу он.

Однажды утром серым и осенним,
Когда мы вышли с топорами в лес,
Он вдруг сказал мне: — Сделай одолжение,
Исполни просьбу... — И в карман полез. —
Тут у меня хранятся сбереженья,
На всякий случай... если б я исчез...
Ну, помер, что ли... Ты на панихиду
Отдай их все... не дай меня в обиду...

Смутился я: — Да ты в своем уме? —
А он заплакал: — Господи помилуй!
Такая тут печаль! Мне в этой тьме
Невмоготу... Тоска меня сломила...
Считаю дни... минуты... как в тюрьме...
Ох, кто же душу вынет из могилы,
Вернет домой из этакой глуши?..
Так помни же... за упокой души!..

Ушел. И, словно в тягостных заботах,
Понурый лес стоял, одет в туман.
Лишь вздрогнет лист от птичьих перелетов
Да зашумит растрепанный бурьян.
Залез в берлогу зверь, и на болотах
Умолкнул камыша живой орган.
И только солнце пламенем жестоким
Грозит все сжечь и высушить все соки.

.

Останчук жил один среди болот.
Как кончит лес рубить — так пропадает.
Лишь иногда вдруг искорка мелькнет,
И знали все — Луць трубку зажигает.
Однажды вижу — что там? плот, не плот.
У берега, — на нем изба курная, —
Не пожелав селиться в шалаше,
Луць выстроил жилище по душе.

Вот так бобры перерезают реку
Запрудами и строят дом в воде,
И выдра, хоть привыкнет к человеку,
А все ж бежит, чтоб жить в своей среде.
Уж, видно, так заведено от века,
Так и Останчук выбирал везде
Болото, и дивились мы порою,
Как не оброс он рыбьей чешуею!

А так как человек, где б он ни жил,
Везде свой мир придумать умудрится,
Ему казалось: сетью водных жил
Прорезан луг, везде вода струится,
Там цапля, там чирок заголосил,
Над берегом смолистый дым клубится,
И ждал он, что вот-вот издалека
К нам донесется дудка пастуха.

Луць срезал камыши, чтоб стало чище
На берегу, и зажил в тишине,

Тайком от нас соорудив жилище.
И все сидит, бывало, на бревне
И делает садки.— Ты что ж, дружище,
Отшельником? — А он на это мне:
— Да как же так? — и засвистел, как птаха,
И вижу — вылезает черепаха.

Он к ней:— А ну-ка, Гриць, скажи, дружок,
Как на суде логишинцы стояли? —
И черепаха съежилась в комок,
Втянула шею в панцирь, и едва ли
Ее оттуда вытянуть бы смог
Сам Луць... А он опять: — А как бежали
Обратно из суда? — И в тот же миг
Она в камыш пустилась напрямик.

• • • • •

Но бабы наши просто сбились с ног.
И то сказать,— не сладко им живется,—
Едва метлой заденут за порог,
Как весь шалаш тотчас же затрясется.
Скоробился, подсохнув, потолок,
И в хате стало сыро, как в колодце,
Объели муравьи настилку с крыш,
И льют дожди сквозь слипшийся камыш.

Хворали дети. Как траву косила
Смерть детвору... И быстро под горой
Росли их безымянные могилы.
Все чаще слышал я в тиши ночной
Протяжный вой — то баба голосила,
Молила мужа: — Ты ж отец родной!..
Так защити от холода и зноя!
Спаси дитя!.. Свое ведь, не чужое!

• • • • •

Молчал народ. Но было видно мне,
Как дух его страданье изнурило,—
Не мог ни на яву он, ни во сне
Забиться... Он как камень был, но сила

Уже иссякла. Где-то в глубине
В нем буря нарастала и бурлила,
И, словно грушу червь, исподтишка
Его точила черная тоска.

По вечерам сходилась вся орава
У горна моего. Но смех заглох.
Не слышно шуток. Прежние забавы
Не радуют. Сквозь зубы цедит Рох,
И молча теребит усы Журава,
Не отвечает, словно он оглох.
И грудь теснит... Слепит глаза слезою,
И душно, душно, как перед грозой.

И как-то раз, когда ночной порой
Сидели мы у кузницы, наш Дудек
Сказал жене: — Что, если бы домой
Мы, женушка, уехали отсюда? —
И вздрогнула она: — Ох, боже мой...
Да я бы насадила незабудок...
Все побелила... и слезами пол
Омыла бы... А вечером — в костел...

И оборвала, не сдержав рыдания,
Перекопился судорогой рот...
И словно ветра свежего дыханье
Почуял вдруг измученный народ.
А Дудек встал и оглядел собрание:
— Эх, будь что будет! — и шагнул вперед
В густую тьму... И тень его пропала...
Так первый раз зерно в сердца запало.

И странно — то зерно господь взрастил
В простой груди и, всем на удивленье,
Его в уста немудрые вложил,—
Вот так зари прекрасное явленье
Он открывает тем, кто пал без сил,
Кто слаб и нищ, но чье сильно терпенье.
Не мудрецам, а пастухам открыт
Тот край, где в яслях будущее спит.

Не обо всем я здесь упоминаю,
 А лишь о том, что в памяти сберег.
 Не знаю, ляжет ли хоть тень лесная
 На будущие дни из этих строк.
 Так журавлей кочующая стая,
 Плывущая с зарею на восток,
 Нам воробьями кажется в тумане —
 Так изменяет вещи расстояние.

Я только начал песнь издалека,
 Я лишь ее предтеча и начало...
 Но явятся другие, чья рука
 Еще не огрубела от металла,
 Те будут петь о муке земляка,
 Чтоб песня шла по миру, вырастала,
 Чтоб к солнцу наш народ взлетел с земли,
 Как окровавленные журавли.

Тогда по миру эхом разлетится
 Гул топоров из чащи и болот,
 Надежды нашей каждая частица
 Цветком измятым путь к сердцам найдет...
 Брат скажет брату: «Слышишь, что
 творится?»

Так над своим ничтожеством народ,
 Над дымом хат, над копотью казана
 Вдруг вырастет в героя-великана.

И встанет так превыше всех преград,
 Из тьмы могил безвестных, в море света,
 И муки так его позолотят,
 Что мир дивиться будет — ибо это
 Войны за жизнь передовой отряд.
 Сам бог дорогу выбрал для пикета
 И на челе у каждого перстом
 «Погибнете!» предначертал крестом.

.

Шли слухи, будто есть такие штаты,
 Где есть село не хуже польских сел,

Где все в сукманах ходят, строят хаты,
Где есть корчма, и фуры, и костел
С органами, просторный и богатый,
Где польский люд обычай свой завел:
Есть гласные, и войт, и писарь — словом,
Как есть село, в порядке образцовом.

И слушали мы часто в тишине,
И все казалось, будто звук донесся...
Как будто там батрак хлестнул коней...
Заржала лошадь... скрипнули колеса...
Шептали: «Слышишь? В этой стороне!
Нет, будто в этой... прямо от покоса!»
И напрягали зрение и слух,
Но лес все так же мрачен был и глух.

Всех больше беспокоился Затрата:
— Пойду искать их... И чего терплю?
Слышь, дымом пахнет? Топится там хата...
А может бабы сушат коноплю...
Бьет цеп... Звонят на привязи телята...
Пойду искать их, что мне, бобылю?
Ржут кони... Тянутся, должно быть, к сену...
Ведь близко мы от них — как через стену!

Умолк. И вдруг, издав истошный крик,
Помчался прямо в лес, через поляны,
Через луга, болота, напрямик,
Лишь полы развевались у сукманы.
Никто не мог с ним говорить — мужик
Был невменяемый, как будто пьяный,
Такая вдруг тоска сгустилась в нем,
Как туча перед проливным дождем.

.

Терпел народ, все ждал сохи и плуга,
Ждал, что волов дадут и семена.
Уж бабы надоумили друг друга,
Где взять квашню, где жернов для зерна.
Вдруг слух прошел, что будет здесь до луга
Вокруг фасоль посажена одна

Да кукуруза сплошь по всей кулиге,
Что нам дадут не плуги, а мотыги.

— Проклятье! — сразу начался галдеж.—
Из-за чего забрались в глушь такую?
Что нам мотыга? С нею пропадешь!
Так только спину будешь гнуть впустую!
Так, значит, кукурузу, а не рожь
Посеем, не пшеницу золотую?
Да что же мы — витютни иль дрозды? —
Как вихрь, шумел народ на все лады.

Дискантом бабы, басом в лад мужчины —
В едином хоре голоса людей
Слились, напоминая рой пчелиный:
Потоньше пчелы, трутни поглубей.
И голос Роха, точно гуд шмелиный,
Все покрывал: — Да что ж я, воробей?
И что мне кукуруза? Что мотыга?
Хотим зерна! Нужна своя коврига!

Уж у меня от этой крикотни
Печенка заболела. Слава богу,
Охрипли мужики, потом одни
Кричали бабы; стихло понемногу,
Как рой, что сел на травы и на пни.
Тут Земба: — Надо нам искать подмогу,
Крик — он хорош, коль слышит кто его.
А тут что? — Пуща! Больше ничего.

И лес обвел рукой. Стоял он сонный,
Огромный, равнодушный и сплошной,
Внизу болот дыханьем убеленный,
С бездонной неприглядной глубиной.
И островок наш, чащей окруженный,
И сами мы пред этой вышиной
Таковыми мне ничтожными казались,
Что волосы под шапкой поднимались.

Громада все гремит — то там, то тут
Мелькают руки, дергаются шеи,—

Как видно, всколыхнуло польский люд
До корня. Так листву дубов рассея,
Порывы ветра ветки шевельнут,
И долго листья шепчут, цепenea,
И ветка ветке дрожь передает,
Пока на рощу сон не упадет.

Утихли. Опустили в землю взгляды.
Лишь бабий всхлип раздастся иногда...
Тут Земба сел верхом на пень: — Громада!
Мужик хоть неуч, — всё же не балда!
Зачем же голова у нас? Нам надо
Совет держать. Ну что, согласны? — Да! —
Ответила ему громада хором,
И эхо прокатилось по просторам.

А он: — Кричать в лесу — напрасный труд!
Нам головы бы выбрать поумнее,
Пускай они немедленно идут
К английской королеве — пусть пред нею
Откроют, как католики живут, —
Как волки в чаще, нищего беднее,
Без плуга, без костела, без вола,
Как ждут они, чтоб помощь подала!

— Так! Верно! — Из громады закричали. —
А тот: — Пускай порядок наведет:
Иль временно сошлись мы на привале,
Как стая птиц, готовая в полет,
Иль мы народ, кому тут землю дали,
Чтоб на нее пролить кровавый пот,
Врасти в нее, как ясень наклоненный,
Который корни выпустил из кроны?

Передохнул и, пот стерев с чела,
Давай вертеть глазами: кто годится,
Кого бы выбрать в качестве посла?
Тут спор пошел. Вдруг вижу — Ясек мчится
Да так летит, как будто два крыла
Несут его... И что б могло случиться?

Вбегают: — Мастер! — бросился ко мне.—
Повесился Пшитула на сосне!

Как бык башкою двери вышибает
Горящего сарая, а за ним
По следу в мир господень вылетает
Рекою золотой огонь и дым,
Так я в толпу ударил, раздвигая
Ее плечами... Все за мной. Летим,
Как буря, только чуб на лбу вихрится.
А впереди, как ветер, Ясек мчится.

Домчались. Вот... Схватил, трясусь... Увы!
Уж не было дыханья в этом теле,
Уж отвердел он с ног до головы.
Висит на поясе, что на неделе
Носил в воскресный день... Среди листвы
Торчит топор в стволе... Мы поглядели —
Внизу немного стружек... Кто-то сгреб:
Как раз под голову насыпать в гроб.

Тут закричал я: — Крестное страданье!
Так вот как ты ушел с лица земли!
Так топором вписал ты завещанье
В древесную кору, чтоб мы прочли! —
Народ стоял, сняв шапки. Так в молчанье
Мы тело подняли и понесли,
Как вечером у всенощной в костеле,
От всех забот и мук земной юдоли.

Мы вымостили стружками могилу
И опустили труп. Спи, бедный брат!
Хоть век пройдет, хоть буду старец хилый,
Ослепну — но года не затемнят
Тот страшный взгляд, я буду через силу
Носить его в себе — холодный взгляд
Отчаянья, он будет ежечасно
Где б ни был я, твердить мне: «Все
напрасно!»

.

Эх, чаша, чаша! Ты зачем дорогу
Нам преградила черною стеной?
На той стене рукою мудрой бога,
Как будто киноварью огневой,
Начертана картина, где так много
Цветов и звезд, одетых тишиной.
Но рядом мрак, проклятия, и стоны,
И полночи бездонные затоны.

Эх, чаша, чаша! Мы сошлись с тобой,
Как сходятся два вихря, полных силы.
Ты вытянулась острою стрелой
И наш народ, как сокола, пронзила,
Пробила грудь и жаркою струей
Горячей крови крылья оросила.
Упали перья в заросли болот,
И их теперь сам бог не соберет.

Эх, чаша! На траве твоей зеленой
Еще лежит кровавая роса,
И долго не утихнут наши стоны,
И долго не умолкнут голоса.
Как будто град цепов ожесточенных,
Колосьев золотые волоса
По ветру растрепал, на пашне черной
Рассыпав их беспомощные зерна.

.

Я крест хотел поставить... Все молчат.
А Кос:— Самоубийца! На погосте
У нас их не хоронят... Так лежат,
Подальше, у забора. Камень бросьте
Для памяти.— Ты кто тут? Адвокат? —
Вмешался Городей, ударом трости
Его остановив,— ни ты, ни я —
Теперь один господь ему судья.

Живей! Берите топоры и пилы!
Пускай никто не скажет, что поляк,
Мужик с Подлесья,— господи помилуй! —
Зарыт здесь, точно падаль, кое-как.—

И вот уже над свежеею могилой
Желтеет крест. И Городей, кушак
На нем перевязав, в молчанье строгом
Перекрестил могилу: — Спи тут с богом!

Вдруг видим — что такое? Поползли
Полки, ряды пехоты муравьиной
На холм, туда, где тело погребли
Без гроба... Уж вползли до половины...
Уж все черно и не видать земли...
Уж слышен хруст, как будто шип змеиный...
Вползли в песок... Песок их поглотил,
Зашевелился... Я глаза закрыл.

.

День гас. Уж в небе звездочки мигали,
Блестя, как пряжи золотой стежки.
Из леса молча мужики шагали,
Как будто в горле ком застрял тоски.
Вот коршун крикнул... Где-то лай шакалий
Послышался... И чьи-то там прыжки
На дереве... Ночной листвы движение,
И дикой кошки хищное шипенье.

Идем. Мурашки по спине ползут.
А ветер неприятный, от болота...
Взглянул я: в тростнике то там, то тут
Мигает что-то, двигается что-то...
Черт или зверь? А уж знакомый зуд
Меня тревожит — вспомнилась охота.
Втянул я воздух... Захрустел камыш.
«Зверь», — думаю. Толкаю Роха: — Слышь?

Шепчу: — Сидит... — Да где? — Среди
чащобы... —

Глядим: средь тростниковой бахромы
Два глаза, как два месяца, от злобы
Кровавые, блестят из серой тьмы.
Сжал кулаки с досадой: «Эх, ружье бы
Сейчас!..» И тут же услышали мы,
Как кто-то из толпы, почти что рядом,
В те углы острым выпалил зарядом.

Тут что-то хлюпнуло средь тростника,
Как будто бы мешок свалился где-то.
По свисту пули я узнал Жука,
Отца Еленки — верная примета,
К тому ж я знал характер мужика,—
Уж он из рук не выпускал мушкета.
Я крикнул: — Браво, Курпя! — А народ
Уж повалил, по камышам снует.

Загукали, забегали с огнями,
Обшаривают в темноте тростник.
Тигр! Зверь еще дрожал, зажав зубами
Громадный окровавленный язык.
Жук подошел неслышными шагами,
Стреляет... Зверь подпрыгнул и поник,
Его за хвост, за лапы, как придется,
Хватают; а из пасти жижка льется.

Народу собралось — не подойдешь.
Тут разожгли костер огромный живо.
Был на кота убитый зверь похож.
Народ стоит, глядит на это диво,
Потрогать норовит... Но Жук взял нож,
Надрезал шкуру, снял неторопливо,
А тушу, так как шла от мяса вонь,
Отбросили. Тут всех привлек огонь.

Эх, не было тебя там, чарка водки,
Сивухи нашей, влаги дорогой!
Мужик не Бахус, но вот так, с охотки,
Он пропустить не прочь стакан-другой.
Хотя и так не отдыхали глотки:
Врут, спорят, говорят наперебой,
А первый Жук, по справедливой славе,
Как первый мастер на любой облаве.

Тут встал пред нами лес наш, как живой,
Покрытый снегом, белый и мохнатый,
Сосулек серебристых голубой

Чертог... Уж слышен хруст... Бежит сохатый
И царственную крутит головой...
Уж слышен вепря рев... Гремят раскаты
Ружейных выстрелов, и наконец
Смолкает все — добычу взял ловец.

Как вор, который знает свой обычай,
На цыпочках крадется в дом чужой,
Так и ловец крадется за добычей,
Боясь на хворост наступить ногой.
А там — негромко гончую позовет,
Завалит зверя ветками, корой
И, вытянув навстречу ветру шею,
Идет за гончей вслед, любуясь ею.

Понравилось, как видно, мужикам,
Довольны, что о прошлом вспомнили.
Ведь бором бог хозяйничает сам,
Зверей в нем прячет или шлет под пули.
Так повелось. Коль верить старикам,
Границ нигде сначала не тянули,
Да шляхта в крик, чтоб было по ее:
«Досюда, мол, твое, а там мое!»

Тряхнул тут Павел Козьбял бородою:
— Что засека мне, что мне этот бор!
Сижу себе, бывало, над водою,
Чирки кричат, и селезни... весь хор!
С рассветом или с первою звездою,
Аж глохнешь, так кричат — на весь простор!
Хоть палкой бей, не надо и винтовку,
Есть что снести на рынок и в кладовку!

Тут спор пошел — те хвалят лов лесной,
Те — водяной. Уж Бартеки и Косы,
Бугаи, Мацеки встают стеной,
Теснят друг друга; уж гудят, как осы...
Разбушевался так народ честной,
Что я давай сквозь шум разноголосый

Хвалить ружье. А Жук на то в ответ:
— С ним хаживал еще покойный дед.

Отец мой брал его частенко в руки.
Мы все охоту любим, весь наш род.
Уж я набил волков... Все думал, внуки...
Да не пришлось... На божий огород
Цветок мой взяли... С матерью на муки,
Как вороны, одни живем...— И вот
Почуял я, как боль моя завывала
И рану старую разбередила.

И вдруг поднялся ветер. В тот же миг
Зашевелились сонные растенья,
Ломающийся застонал тростник,
Послышалось урчанье, и шипенье,
И треск ветвей, и птиц пугливых крик.
А ветер тряс стволы в ожесточенье,
Как будто вдруг сорвался с цепи он,
И стал стегать бичом верхушки крон.

И чаша застонала от натуги,
Но поддалась... Трепещет каждый лист.
И вот уже по струнам этой выюги,
Как шелест змей, взлетает дикий свист.
Смешалось все... Стволы согнулись в дуги,
Послышалось шуршанье, треск и визг.
И тяжело застонала вся природа,
И стон взлетел с земли до небосвода.

И ожил лес. Стволы древес трещат,
Зеленые заламывая руки,
Дрожат кусты. Лианы шелестят,
Меж веток извиваясь, как гадюки.
Все движется — куда ни кинешь взгляд:
Те падают, те корчатся от муки,
И как собаки воют на луну,
Предвидя мор иль близкую войну.

По временам, как будто бы от грома,
Срывался вихрь. И лес стоял немой.
Так мать, когда выносят гроб из дома,
Стоит без слез, убитая тоской...
И снова свист, шуршанье, гром и гомон,
И буря поднимает вой такой,
Что, кажется, сам мир в ожесточенье
Рвет волосы и молит о спасенье.

Так вихрь метался, эхом вековым
Рыдания человека повторяя,
Тот первый плач, что зазвучал над ним,
Когда Адама выгнали из рая...
Так плакал Лазарь, немощью томим,
Ночь своего зачатья проклиная,
Так в день Суда завоюет шар земной:
— Леса! Холмы! Накройте нас собой!

.

Молчали мы. Хотелось нам прижаться
Друг к другу, чтоб тревогу заглушить.
Вдруг Рох сказал:— Я чую в чаще, братцы,
Блужданье неприкаянной души...—
Тут стал народ креститься и шептаться:
— Да кто же бродит в этакой глуши? —
А Кос:— Да кто? Пшитула наш кочует...
Сама земля удавленника чует...

Но, повернувшись к лесу, шепчет Жук:
— Да тише вы... я тут соображаю...
Вы слышите? Какой-то странный стук...
Не дятел, нет... я дятла стук узнаю...
О... снова... вот... Как будто треснул сук...
И голоса... но слов не разбираю...—
Я оглянулся: Ясек! Где ты? Где?..
И сердце сжалось, словно быть беде.

Я дернул ус и сплюнул:— Тьфу ты, дьявол!
Да это дрозд шарахнулся в ветвях.
Ну что я стука испугался, право?.. —
Но, словно нож, застрял под сердцем страх.

Я вспомнил вдруг, что дикарей орава,
По слухам, в этих прячется лесах,
Хотел бежать, но встал окаменелый...
И вдруг стрела, как птица, засвистела!

И вижу я — с болота, из раakit,
Мой Ясек, задыхаясь, выбегает;
Он бледен... но не плачет, не кричит,
А лишь к груди рубаху прижимает...
Я побежал... Гляжу — уж он лежит,
И кровь ручьями на траву стекает...
Взглянул, привстал и вновь упал на мох
И, вздрогнув, испустил последний вздох.

Я наклонился. Маленькая рана,
Как черная потухшая звезда...
И семь лучей — сиянье смерти странной,
Ползли вокруг, как змеи из гнезда...
Мои глаза заволокло туманом,
Я с мальчиком простился навсегда...
И видел я, как маленькое тело
Потусторонним светом заблестело.

Народ рванулся в лес, но я решил
Остановить... Я крикнул: — Стойте, братьцы!
Кого ловить? И разве хватит сил?
Нам все равно сквозь чащу не пробраться —
Ей сам господь навек глаза закрыл!
Кого ловить? За кем хотите гнаться?
За что нам черный день послал Христос? —
И тут не смог сдержаться я от слез.

Так вейте ж, вихри! Пусть пески пустыни
Засыпят нас! Пускай, как злобный пес,
Судьба нас гложет! Пусть наш прах остынет!
Пусть высохнут следы кровавых рос!
За все, что ты, земля, свершила ныне,
За все, что здесь народ наш перенес,
За море слез, за нашей крови реки —
Будь проклята отныне и вовеки!

Шло время. Мы трудились кое-как.
 Казалось, что народ наш примирился.
 Останчук гнал смолу и свой байдак
 По-прежнему покинуть не стремился.
 Но жил в сердцах все тот же тайный мрак,
 И все еще вопрос не разрешился,
 И каждый думал: «Как же дальше быть?
 Вернуться ли, иль кости здесь сложить?»

По вечерам у очага пустого
 Сидел я в темноте. Сжималась грудь.
 И думал я — сама судьба нас снова
 Торопит, жмет, зовет в обратный путь.
 И видел я звезду над сонным кровом,
 И долго по ночам не мог заснуть.
 Эх, будь что будет! Здесь, в земной юдоли,
 Куда уйдем мы от господней воли?

Тут начались дожди. Как из ведра
 Вода хлестала. И лесная чаша
 Стояла, словно слиток серебра,
 В тумане, никогда не проходящем.
 И только росы чистые с утра
 На ней белели жемчугом блестящим,
 И, словно ладан царские врата,
 Одеда лес туманная фата.

И выползли из тьмы расселин змен,
 Обрадовавшись сырости и мгле.
 Куда ни ступишь — видишь, как, синее,
 Змея веревкой вьется по земле,
 И ты стоишь, от ужаса немея,
 И капли пота стынут на челе.
 Пройдешь — спасен, но чуть вонзится жало
 В твою стопу, уж тут — пиши пропало!

Народ мрачнел. Все дождь да дождь, хоть
плачь!

И в хате-то не вычерпаешь воду!
Но человек есть сам себе палач —
Он спину гнет и в дождь и в непогоду,
Попробуй-ка его переиначь!
Топор гудит, преследуя природу,
Но понял я, что с некоторых пор
Уже не так упорствует топор.

Когда мужик на доски или срубы
Деревья рубит, вытирая пот,
Топор горит в его ладони грубой
И, словно пташка вешняя, поет;
Ему рубить, тесать и строить любо...
Но если он доску с доской собьет,
Чтоб сделать крест для собственной могилы,
Топор бормочет жалко и уныло.

Хотел бы я солгать, как тот пророк,
Что, задремав под теплыми лучами,
Заметить милость господя не мог,
Но мнится мне — гигантскими шагами
Навстречу нам идет жестокий рок,
Чтоб тот предел разверзнуть перед нами,
Где гаснет луч обманутых надежд
И человек не поднимает вежд.

.

И вот однажды смотрим — что за диво! —
Подъехал к нам в телеге рыжий шваб,
Срубил шалаш, поставил бочку пива
И, распугав болотных змей и жаб,
Открыл лавчонку. Тут сбежались живо
Все наши бабы, — у него для баб
Припасено товаров всяких было:
Цветные нитки, свечи, лен и мыло.

Через неделю — новости опять!
Бежит из лавки Яга, задыхаясь:

— Начальство едет!.. барщину писать! —
И зашумели бабы, разбегаясь.
Еще слюна не высохла, а гать
Уже гудит от края и до края.
Тут побросали люди топоры
И в кузнице собрались до поры.

Народ кипит, как пенная пучина,
А тут уж едет воз издалека:
— Начальство! На дорожную повинность
Записывать! Три дня на мужика,
А день на баб с детьми! И чтоб с фашиной! —
Молчит громада, как зимой река,
Как будто языки пришили людям...
И вдруг, как орудийный залп: — Не будем!

Стоят, расставив ноги, мужики, —
Уже горит в глазах живое пламя, —
Стоят, сжимая грозно кулаки
И крепко стиснув бешенство зубами.
А сбоку бабы. Так свои полки
Военачальник разделив частями,
Готовит фронт для первого огня,
Свои резервы с флангов сохраняя.

И, как нагайский табор среди поля,
Стоят возы. И вот идет толмач:
— Тут дело не в желании, не в воле... —
А Рох ему: — Да ты нас не дурачь!
Советчики! Нас продали в неволю —
И там батрачь, и здесь для них батрачь!
Не запугаешь барщиной, проклятый... —
И сплюнул в горсть: — А ну, давай, ребята!

И началось... Толкают, лезут, жмут...
Я понял, что сейчас дойдет до драки,
И крикнул: — Братцы, стой! Послов
не быют!
Ведь мы ж не банда, честные поляки!

Эй, все ко мне, кто честный, а не плут!
Не будем скалить зубы, как собаки.
Одних бродяг рассудят кулаки,—
Мы ж польские, простые мужики!

Тут мужики кричат:— Постоите, братцы...
Молчите все! Пусть Бальцер говорит...—
И вдруг толмач давай на воз взбираться,
Глядим — и комиссар уж там сидит,
Сообразив, что нечего бояться,
Кричит и кулаками нам грозит:
— Что? Нападение? Бунт? Да я вас прямо
В тюрьму! В железы! Сволочи и хамы!

Я выступил: — Повежливее, тут...—
Потрогал ус и грянул, не робея:
— Не бунт, не драка, а народный суд.
Постановили мы не гнуть здесь шеи
Под барщину — повинности капут!
Не скандалисты мы и не злодеи...
Согласье так согласье... Если ж нет —
Не клином же на вас сошелся свет!

— Не будем гнуть! Довольно панам
хапаты! —
Послышались громады голоса.
А я опять: — Вы нас, как старый лапоть,
Забросили в трущобы и леса,
Ведь это вам легко пером царапать —
А тут, брат, шевелятся волоса...
Что говорить — живется людям скверно...—
И снова крики: — Верно, Бальцер, верно!

Я продолжал: — Мы от родной земли,
Решив искать по свету лучшей доли,
Сюда летели, словно журавли,
Чтоб здесь найти невспаханное поле...
Зачем же мужика вы завлекли
В ловушку? Разве он уж не католик?

Захлопнулась за нами западня —
Нас обманули среди бела дня.

Крещения дитя напрасно просит,
Выходят девки замуж без венца,
Как старую онучу, душу носит
Здесь человек, забыв завет творца.
Нас губит зной, нас лютый голод косит,
И нам, живым, недолго ждать конца —
Где упадешь, там ждет тебя могила...
А власть — повинность нам определила!

На барщину? Здесь каждый гол и бос,
Живем, как скот, без веры, без причастья,
И каждый в конуре своей, как пес,
Дрожит и жметя в сырость и ненастье...
Мы спины гнем, к руке топор прирос,
А нас на отработку гонят власти!
Мы не хотим нести чужую кладь —
Нам что? И так и эдак — пропадать!

Тут задохнулся я. Мне злоба сперла
Дыхание, и слезы сжали грудь.
А мужики, как пушечные жерла,
Как рывкнули: — Не станем спину гнуть!
Мы сыты вашей милостью по горло...—
Тут я решил чуть-чуть передохнуть,
И снова крикнул: — Эй вы, горлодеры!
Не все сказал я... Бросьте разговоры...

И я сказал: — Из чащи и болот
Хотели мы добыть поля под пашню,
Здесь родину хотел найти народ...
Но тщетно мы искали день вчерашний —
Лишь выступил на лбу смертельный пот,
Лишь разметал нас ветер бесшабашный,
Тот вихрь, что чащи черную тетрадь
Подлясской кровью мог бы написать...

Мы вымостили нашими костями .
Весь путь до этих чертовых ворот.
Наш след везде — в песках, в овраге, в яме,
Пускай его преемник наш найдет!
Как птицы с перебитыми крылами,
Мы перья растеряли средь болот...
Вот наш оброк! До вас же нет нам дела!
Ступайте-ка домой, покуда целы!

Народ завыл... Все громче грозный хор.
И вот уже метнулись на дорогу...
И тут я снова руки распростер
И крикнул: — Стойте! Стойте, ради бога!
Не надо бить... Ведь это же позор! —
И на начальников прикрикнул строго: —
Ну что же вы? Стегайте рысака,
Пока не наломали вам бока!

Вот так пастух, махая хворостиной,
С горы сгоняет стадо пред грозой,
А вихрь уже несется над долиной,
Гоняясь за цветами и травой,
И гром гремит, и облака лавиной
Пронесются над пыльною землей, —
Так насмерть перепуганные власти,
Как зайцы, удирали от напасти.

Но как овец, прижавшихся к стене,
Вдруг молния, влетевшая в ворота,
Настигнет, чтоб руно спалить в огне,
Так бабья голосистая пехота
Ударила обоз по всей длине —
Кричат, хватают, рвут... Пошла работа!
Мешки стянули, распороли вдоль —
Смешались кукуруза и фасоль.

Те лупят их, — кто чем... Но наши бабы
Не прекращают битвы нипочем!
— Эй вы, — орут, — намажьте пятки,
швабы! —

Швыряют в них камнями и песком,
И беглецы не знают уж, куда бы
Укрыться... На возах лежат ничком...
И долго вслед тянулись бабьи рати,
Пока не задохнулись от проклятий.

.

— Эх,— начал я, когда в вечерний час
Мы сели у огня: — Ну что ж? Решили...
Наш жребий брошен. Ждет дорога нас.—
Вдруг Кос: — Пойдем, от мили и до мили...
Авось поможет бог и в этот раз,
Чтоб нас нужда и горе не сломили...—
А мужики: — Пойдем... Не в первый раз...
Как в Ченстохову... Бог не бросит нас!

Взглянули вверх... Там звездочка блестела,
Как желтый одуванчик возле пня,
И вдруг, в платок закутанная белый,
Старушка отделилась от огня,
Простерла руки, встала и запела:
— От дома... От родимого плетня
Вихрь тысячи унес... Где ж вас найду я?
Я, сирота-земля, вас жду, тоскуя...

Та тысяча одна — на дне морском,
Та тысяча вторая — спит в могиле,
Ту, третью,— вихрь давно занес песком,
Четвертую под камень положили.
Великий путь, увенчанный крестом...
Жди, мать-земля! Они к тебе спешили...
Ждала земля, пока послы пришли,
Горсть праха на ладони принесли!

.

Поет и плачет, головой качая.
Платок в пыли у ног ее лежит.
И смолкла вдруг — сама того не зная,
Беззвучными губами шевелит.

И тут вздохнул я, угли подгребая...
Эх, Ясек, Ясек... как он крепко спит!
И, протерев слезящиеся очи,
Сказал: — Ну что ж... Выходим завтра
к ночи.

IV

НА ОБРАТНОМ ПУТИ

1

Тоска, тоска! О ты, духовный глад!
Тебя не утолить изгнания хлебом!
О паруса, несущие назад
Заблудший челн! О вольный ветер, где бы
Ни веял ты — к порогу милых хат
Зовешь ты каждый час, под каждым небом!
О птиц небесных быстрое крыло,
Несущее в края, где есть тепло!

Не ты ли нам дорогу указало
Туда, в предел неведомой земли,
Где лес стоял безлюдный изначала,
Где только гады сонные ползли
Да стадо вепрей, мчась, стволы качало,
И вот опять летим, как журавли,
В обратный путь, и клекот журавлиный
Пугает сон предутренней долины.

.

Я вижу, как сейчас, весь наш отряд:
Вон впереди идут рядом ребята,
За ними мужики шагают в ряд:
Петр Бандыс, Земба Вавжон, Рох Затрата,

Там Куба, Кацпер, прозванный «снаряд»,
Бугай, два Козьбяла, брат возле брата,
А дальше белый, белый Городей,
Чьи волосы, как перья лебедей.

Я вижу вас, так ясно вижу снова!
А это кто плетется позади?
Марыхна там идет, полуживого
Ребеночка прижав к своей груди...
А вот и Срокач наш бритоголовый,
Вот Дудек, Марцин... Кто там? Выходи...
Всех вижу я — Загайного и Струга,
И наконец тебя, старушка с Буга!

Растаяла громада, точно снег,
Пригретый в марте первыми лучами,
Немало здесь осталось их навек...
Но снова путь открылся перед нами.
И снова оказался человек,
Как птица, меж землей и небесами —
Чужие небеса над головой,
Чужой земли шуршанье под ногой.

О, если б эту страшную картину
Я мог запечатлеть на полотне!
Худые лица. Согнутые спины.
Ступни в крови... Иль это снится мне?
Сюда, на эту кровь, на их седины
Кладу я руку — пусть лежит на ней
Кровавый след, страдание живое,
Я никогда с руки его не смою!

Я расскажу, как длинен был и крут
Тот страшный путь, тернистый путь
изгнания...

Толпой печальной призраки встают,
И требуют от нас воспоминанья,
И до рассвета спать мне не дают.
И я хватаю бедные создания,
Кружа в ночи, как коршун-рыболов
Над хлябью волн, вдали от берегов.

И жалобным стенаниям внимая,
Склоняясь над крошечной быстриной,
Я слипшиеся крылья распрямляю
И падаю... И, сшибленный волной,
Хватаю их и крепко прижимаю
К своей груди, чтоб унести с собой,
Пока еще дремучая могила
Их след живой навек не поглотила.

И тянутся и тянутся со дна,
И слышу я: «Внемли! Мы ждем спасенья,
Не допусти, чтоб скрыла нас волна,
Ты видишь — нам грозит исчезновенье,
Так сохрани же наши имена
Для родины, спаси их от забвенья!
Верни нас в мир, чтоб мы могли опять
Хоть звуком слов, хоть эхом прозвучать!»

.

Мы кинулись в леса. И тьма лесная
Сомкнулась, как вода, над головой.
И, небеса над нами закрывая,
Шумел вершин немолкнущий прибой.
А чаща все сгущалась, угрожая
Зеленою бездонной глубиной.
Казалось, что могло бы только чудо
Помочь нам снова вырваться отсюда.

Но тщетно я пытался втолковать
Все это нашим людям. Им казалось,
Что надо только шагу прибавлять,
Что до конца недолго нам осталось
И на равнину выйдем мы опять.
И ни одна душа не догадалась
Подумать, что идем мы налегке,
Что мало кукурузы в узелке.

Я знал, что где-то ближнею тропой
Мы можем выйти к берегу реки.
Я предложил взять влево, но со мною
Не согласились наши мужики,

Решив, что лес спасет детей от зноя,—
Народ пугали степи и пески.
Я подчинился. Помолившись богу,
Мы выбрали сквозь лес свою дорогу.

Так день за днем мы шли во тьме лесной
Сквозь эту чащу, как по полю брани,
Где сбиты в кучу мертвый и живой
И где от крови скользко под ногами.
И лес шумел, огромный и густой,
А мы всё шли, куда — не зная сами,
Сквозь этот лес, где дремлет вечный мрак,
Где даже ствол гнилой и тот твой враг.

Вперед! Вперед!

Эх, есть же в людях сила
Схватиться со смертельной бедой,
Едва судьба, как пес, затормошила,—
И вновь в костях горит огонь живой...
Как птицы, возвращаясь к роще милой,
Щебечут, коротая путь морской,
Так и народ, спеша к родимым хатам,
Становится могучим и крылатым.

На третью ночь — глядим: кусок земли,
Как будто вырубка. На ней уныло
Стоят пустые хижины. Вдали
Темнеет крест... Забытая могила.
И только мы поближе подошли,
Могила как взлетит со страшной силой...
Раздался крыльев шум, и писк, и треск,
И даже пошатнулся старый крест.

И я взглянул туда — Христовы раны!
Там коршунье добычу теребит...
А человек в рубахе полотняной
Лежит непогребенный... Страшный вид!
Тут бабы в плач, конечно, как в органы...
А тот, крестом раскинувшись, лежит
И будто улыбается — чему бы? —
И желтые в улыбке скалит зубы.

Да, труп смеялся... Этот смех был тих
И полон смертных мук, видений грозных,
Что вырывались из глазниц пустых,
Давно уже открытых и бесслезных.
Да, если этот смех костей сухих
Бог слышит там, в своих краях
надзвездных,—
Не может спать, хотя бы под бока
Он звезды подложил и облака!

Крест... Сверху буквы грубые, простые,
Вот: «Польская колония». И год.
И ниже несколько: «Иисус-Мария!»
И четки на кресте... А это? Вот...
На дереве зарубки ножевые:
Раз, два, три... десять, потеряли счет...
То павших земляков, из чувства долга,
Считал последний гуменщик поселка.

Кругом могилки. Шелестит песок,
Скрыв тучи муравьиного народца.
И, лакомый облюбовав кусок,
То коршун упадет, то вновь взовьется,
И стоит сделать шаг, чтобы у ног
Рассыпалась земля — песок польется
И, обнажая наготу костей,
Вдруг выдаст нам своих немых гостей.

Не все еще обглоданы и наги —
Кой-где еще виднелись под землей
Сукманы и подляские сермяги,
Платки девичьи, шитые тесьмой...
Тут пот меня прошиб... Но странно — влаги
В глазах я не почуял никакой,
Когда глаза от горя ледяные
Вперил я в эти ямы гробовые.

Давай тут бабы слезы вытирать:
«Лежите с миром!» Кровь во мне вскипела,
Как крикну: — Тише! Что тут глотку драть?
Здесь не погост, совсем другое дело —

Здесь воронье слетается пожрать!
Здесь, обнажив беспомощное тело,
Земля его обманом выдает,
Так кто же тут покой себе найдет?

Те пуще в слезы.— Вот тебе и доля!
Вот власть, свобода, драгоценный клад!
Один торчит в лесах кусочек поля,
И тут лишь кости голые лежат!
А пусть уж там! На все господня воля!
Пусть эти кости голые блестят
Как месяцы, окутанные мглой,
Пусть в небо смотрят, лежа под землею!

Тут к шалашам, видневшимся вдали,
Пошел народ, но не дал в них войти я.
Кто знает, что за моры здесь прошли,
Гуляли эпидемии какие?
Так, бросив несколько горстей земли
На тело, пошептав слова святые,
Надрез я сделал на коре креста,
Чтоб душ реестр пополнить для Христа.

И погляди: сердца от слез устали,
Как отягченная росой рожь,
Которая за ветром рвется в дали.
Я повернул,— здесь, вижу, не пройдешь,
За мною молча мужики шагали,
Поняв, что здесь, помедлив, пропадешь,
Что здесь уже осталось душ без счета,
При входе в эти черные ворота.

.

2

Пылал широким заревом восток,
Когда на рубеже лесов туманных,
От счастья под собой не чуя ног,
Мы встали перед степью долгожданной.

Везде, куда наш взор достигнуть мог,
Лежала степь,—ее простор безгранный
Терялся в дымке утра голубой,
С небесною сливаясь синевой.

Кто б видел нас тогда! Полуживые,
В крови, с печатью смерти на челе,
Стояли мы, за много дней впервые,
На залитой сиянием земле.
Но только степи синяя стихия
Была вокруг, да, как огонь в золе,
Заря бросала строгое сиянье
На лица, что пометило страданье.

Минуто постоял еще народ —
Казалось, голоса несли нам боры.
Тот обернется, взглянет, тот вздохнет,
Любуясь чудной яркостью, которой
Окрасил солнца огненный заход
Бананы эти, пальмы, сикоморы,
На черных гуслях пущ, средь темноты,
Как струны натянув их с высоты.

И хоть там шли стеной леса глухие,
Я видел ясно, как кладет персты
Дух Зорь на эти струны золотые,
И вот уж звук небесной чистоты
Летит из пущ, мелодия стихии,
Древес верхушки вторят с высоты
И, антифоном огласив просторы,
Стоят в огнях, как ангельские хоры.

Так пуша, приоткрыв бесценный клад,
Прощаясь, заглянула в наши лица,
В глаза, которые кровоточат,
Ударила, как яркая зарница,
И муки, нас погнавшие назад,
Заставила забыть, как чаровница,
Соблазнами морочила народ,
Открыв нам чудеса своих красот.

Но Петр Бугай встал молча на колени
И, точно он хотел молитву петь,
Вдруг поднял вверх худое от лишений
Лицо, рукою, высохшей, как плоть,
Взял горсть земли, которая без тени
Под солнцем покраснела, точно медь,
И стиснул... И меж пальцев появилась
Земля — казалось, это кровь сочилась.

А он: — Пускай господь рассудит нас,
Которые к тебе, земля чужая,
Из-за морей пришли в недобрый час,—
Иль все мы грешники, а ты святая
Господняя земля, и хлеб твой нас
Всех отравил... Иль дьявол, соблазняя,
Нас, праведных, завлек в проклятый край...
Так пусть господь рассудит нас. Прощай!

Сказал и кулаком затряс... И строго
Взглянул на лес, сияющий вдали.
И по лицу, как светлая дорога,
Потоки слез, как молнии, прошли...
Клянусь — мне до могильного порога
Не позабыть той горсточки земли,
Которую держали эти руки,
Ни лика, почерневшего от муки!

Та горсточка была невелика,
Но кто же знает, что там перетянет
На тех весах, над миром на века
Подвешенных, где иногда достанет
И маленького зернышка песка,
Чтоб потянуть на дно. Все ждут, что встанет
Бугай, но он недвижим и угрюм,
Хоть Кос твердил: — Чего там... Полно, кум!

Петр всхлипывал еще и то и дело
Глаза ладонью загорелой тер...
Но старый Городей, как голубь белый
В своей рубахе, вдруг обвел простор,

В котором все от золота блестело,
И тихо, точно вел он разговор
С самим собою, в дали золотые
Уставив взор, сказал слова такие:

— На то, как видно, божий был декрет,
Чтоб мы пустились в этот лес бездонный.
Паси нас, добрый Пастырь, ибо нет
Дороги нам ни пешей и ни конной,
Дай кости пронести сквозь целый свет
На кладбище, где явор наш зеленый,
К тебе взываем, вышнему отцу,
Который и заблудшую овцу

Из чаш выводит, нас паси ты ныне! —
А степь кругом, как море, до небес
Синела, как бескрайняя пустыня.
Трава по пояс. Как в нее залез,
Идешь, как водолаз в морской пучине,
И — ничего, ни деревца окрест.
И птица там не сядет, как на море,
Висит, раскинув крылья на просторе.

— Хей,— крикнул Лис.— Вот это целина!
Не знала ты от пахарей почину!
Была б такая сила нам дана,
Сюда бы на ночь пригонять скотину! —
А тут Бугайха:— На что она?
Не льщусь я на чужую дармовщину!
Да разве у меня буренка тут?..—
И вот уж слезы по щекам текут.

И тут громада вся заговорила
(Уж надоело так шагать молчком)
О том, что будет, и о том, что было,
О наших хатах, селах и о том,
Что здесь чужое все, а там все мило,
Любуешься травинкой и цветком,
Любая малость Вольки той и Воли
Нам сердце тешит, трогает до боли.

Идем. Звенит повсюду тишина.
Поблескивает степь, как неживая,
Еще не пробудившись ото сна.
Щетиною торчит трава прямая,
Недвижима, безмолвна и бледна.
И никого... Лишь степь да степь без края,
И на сто миль так тихо все вокруг,
Что слышен сердца собственного стук.

Но временами в этот мир покоя
Откуда ни возьмись врывается шум,
Как будто там, за далью голубою,
Скакал коней невидимый табун,—
И снова тихо... Только над травой
Взлетит со свистом рыжий жук-певун
Да из далекой тростниковой будки
Несутся звуки негритянской дудки.

Лишь к ночи заколдованный оркестр
Повсюду просыпаться начинает.
Все оживает. Слышен свист и треск,
И золотые гусельки играют,
По степи рассыпая яркий блеск,
Те гусельки, что ангелы строгоют
Из райских елей... Громче, громче хор —
И вот уже бушует весь простор.

Идем. И вот из пропастей зеленых,
Расправив крылья, словно паруса,
Взлетает стая стрепетов со стоном,
И чьи-то раздаются голоса,
И темный зверь ныряет в травах сонных,
И вслед за ним темнеет полоса —
Так челн летит по морю, рассекая
Волну... И вновь спокойна гладь морская.

Идем, а мимо наперегонки,
Сверкая, разлетаются повсюду,
Как камни драгоценные, жуки,
Как будто бирюза и изумруды

Из чьей-то щедрой сыплются руки,
Как будто царский ключник эти груды
Сокровищ из заветного ларца
По степи рассыпает без конца.

Но что это? На пурпуре заката,
Как золотые росчерки зарниц,
Как искры от разящего булата,
Сверкают перья златокрылых птиц.
И все дрожит, поет, летит куда-то
В движении, не знающем границ,
И все кричит, безумствует, бормочет,
Как сатана — то плачет, то хохочет,

Пока в последнем зареве лучей
Не сложат крылья и не растворятся
В огне зари. И чем вокруг темней,
Тем ярче начинает загораться
Степное море. В тысячах огней
Блестят цветы и травы серебрятся,
Как свечи, что в субботу зажжены,
По правилам библейской старины.

Сначала степи тлеют, как лесные
Гнилушки, из-за дыма чуть видны,
Но вот уже фонарщики степные
Зажгли вверх огромный диск луны.
И закружились звезды золотые,
Как вьюга среди этой тишины.
В траве огни мигают, как горелки,
И треск сухой, как грохот перестрелки.

То с треском раскрываются цветы —
Невиданные, странные растения:
Те — как султаны, эти — как щиты,
Те — как мечи, в покое и в движении
Качаются, блестят из темноты,
Над ними ос и бабочек скольжение,
И вьются пчелы, мухи и шмели
Над ароматной дымкою земли.

Нет, то не наши северные ночи,
Когда дневная гложет канитель
И где-то в поле плачет и бормочет
Простая деревянная свирель,
Кропя слезой пылающие очи...
Здесь над дремучим сумраком земель,
Как ведьма, ночь взлетает и клюкою
В котле мешает варево живое.

И в час, когда для отдыха и сна
Громада наша наземь упала,
Я, словно пряжи нить с веретена,
Разматывал все то, что наблюдала
За целый день душа... И мысль одна
Другую невпопад перебивала,
И я терялся, как пчела в цветах,
В тех ароматах, красках и огнях.

Здесь вся земля — сама себе хозяйка,—
На сотни миль — ни пашен, ни домов,
Попробуй под землею угадай-ка
Кротовьи норы негров-пастухов,
Над ними степь пушистая, как байка,
И если бы не дым от очагов,
То крыши их, зарытые в репейник,
Перешагнул бы ты, как муравейник.

8

Четвертый день нас голод донимал.
Хоть камни ешь! И тех-то не хватало.
Беда... В народе дух совсем упал.
Шли люди, как во сне. Уже светало,
Уж на востоке первый луч сиял,
Когда в густой траве, что доставала
Почти до плеч подляских мужиков,
Блеснули полумесяцы рогов.

Кос первый увидал, махнул рукою,
Чтоб все остановились. Только Жук

Шагнул вперед и, скрытый с головою
В траве, ружья не выпускал из рук.
Вот поднял и, прильнув к замку щекою,
Прицелился... Все замерло вокруг.
Смотрю: там стадо буйволов пасется...
Раздался выстрел. Вдруг, как из колодца,

Откуда-то из-под земли, тотчас
Как выскочит ватага чернокожих,
Как заорет истошно да на нас
Как бросится гурьбой!.. Помилуй боже!
«А что б вас...» — думаю. Но их гримас
Бесовских мы не испугались тоже —
Будь нас немного меньше, может быть,
И удалось бы неграм нас побить.

Как в первого вцеплюсь со страшной силой,—
Чуть кожу не сорвал ему с башки,—
Как тресну оземь... Господи помилуй!
А тут в кулак как плюнут мужики,
Аж от натуги посинели жилы,
Да в горлах заходили кадыки...
Но тот, кого я стиснул, как клещами,
Орет своим и машет им руками.

Кулак разжал я:— Черт вас разберет!
Где старший? Пусть выходит. Ах, собаки!—
А тот башкой кудлатою трясет,
Кричит, руками делает нам знаки,
Что, мол, стрелять нельзя, что так уйдет
Все стадо в топь, что способ есть инакий
Ловить их — на рога бросать аркан...
Тут я от злобы стал как будто пьян.

— Ты сам хватай! — ору.— А я не стану
Хватать скотину! Я не живодер!
А из ружья как захочу, так гряну,
Хоть бы в тебя! — Тут гнев мне горло спер,
Хотел я двинуть этому чурбану,
Но гнев сдержал. Тут состоялся торг:

За пачку табака вся их громада
Пошла ловить нам буйвола из стада.

Мы радуемся — наша, мол, взяла!
Идем. А ночи нет уже помину —
По травам дрожь рассветная прошла,
И золотом заря кропит долину.
Громада вслед за неграми пошла,
Их гнали, как на ярмарку скотину
В Вогыни из окрестных деревень
Иль в Лукове. Все ярче белый день.

Вдруг — стоп! К земле припали... Что им
надо?

Тсс! Слушают дыхание земли...
Вот двое с грудью голой, как у гада,
Нырнули в глубь травы и поползли.
Все тихо... Вдруг рванулись — видно, стадо
Почуяли... Другие подошли,
И вот уж с двух сторон большого луга
Стоят, образовав два полукруга.

Трясина тут была. Ее края
Огородил тростник. Тут то и дело
Грунт хлюпал. Точно щелок от белья,
Вода сквозь сито серое желтела,
А за водою — голая земля,
Точь-в-точь майдан. Вот там-то и засело
Все стадо, услыхав в степи наш крик,
А во главе его — громадный бык.

Увидел нас! С рычанием сердитым
Пригнул рога, в глазах блеснула кровь,
И вот уж землю начал рыть копытом,
Глухой короткий издавая рев,—
И так стоял,— казалось, в землю врыт он,—
С обвислой, рыжей, точно у коров,
Шершавой шеей, пред умолкшим стадом,
Уставившись на нас свирепым взглядом.

Уж негры гукают, в ладоши бьют,
Башки с ужасным криком задирая,
Им наши вторят — гикают, орут,
Стараясь шумом испугать бугая.
Но он стоит. А сзади уж бегут,
Над головой веревки завивая,
Подкрадываясь, точно на врага,
Готовы кинуть петлю на рога.

И вдруг, когда его большое тело
На нас метнулось, в этот самый миг,
По воздуху веревка просвистела.
Аркан упал. Раздался страшный рык.
И стадо, вторя, громко заревело,
Как отзвук грома в скалах... Рухнул бык.
И так лежал, как туша, перед нами,
Степь обводя угасшими глазами.

Тут негры как схватились за бока,
От радости как в дудки загнусили!
Потом, связав охапку тростника,
Вверх острием на палку подцепили;
Вот сделали на голове быка
Надрез ножом и тушу потащили
В степь, на гумно, где, озарив простор,
Уже горел огромный костер.

Вот тут узнали вкус еды мазуры
И гордость негритянского меню,
Когда куски очищенной от шкуры
Говядины, чуть поднеся к огню,
Полусырой, еще кроваво-бурой,
Хватал народ, хоть в этом не виню,
И жадно ел, руками разрывая,
Лишь кости неграм в сторону бросая.

Так в три молитвы был он завершен,
Тот пир, которого не дай вам боже!
А солнце уж пекло, весь небосклон
Залив огнем, уж лезло вон из кожи...

Народ был так едою утомлен,
Что все — от стариков до молодежи —
Упали, разморившись от жары,
В траву. Так мы вздремнули до поры.

Свежело. На траву упали росы,
Когда очнулся ото сна народ.
Смотрю — вокруг расселись негритосы:
Мужчины, бабы, дети — весь их род,
Весь этот голый люд черноволосый,
Повылезли из нор своих и вот
Разглядывают нас, присев в сторонку.
Тут средь детей заметил я мальчонку —

Лицо худое, а вихор, как лен,
Как крыша над глазами золотился..
Я крикнул:— Ты откуда здесь?— А он:
— С Радзыня я...— Тут я перекрестился.
— А как сюда попал?— Был привезен
С родными...— Как же здесь ты очутился
Совсем один, без мамки, без родни,
Средь дикарей?— Да померли они.

— О господи! — я крикнул, — мне казалось,
Ужасные настали времена,
Коль не довольно, чтобы с мест сдвигалась
Громада, лес, но ждет еще война,
Чтоб ей пожрать цветов, такую малость!..
А тут уж бабы хором, как одна,
До жалости народ весьма охочий:
— Ох, деточка! Ох, господи ты отче!

Давай мальчонку гладить, обнимать:
— А звать-то как же?— Янтек.— Неужели?
С Радзыня! А давно отца и мать
Похоронил? А чем они болели?
А где вы шли?..— И снова, и опять,
Как будто сечкой рубят, загалдели!
Тьфу, черт! И не пропустит ни одна.
И как во рту не высохнет слюна!

Тут приступили мужики к совету:
— Не можем же его оставить так!
Уж нас теперь господь по белу свету
Рассыпал по чужой земле как мак,
Но, может, в кучу соберет нас где-то,
Возьмем его с собой, ведь он поляк...
А их молитвы будут нам подмогой,
Их души нас благословят дорогой!

— А как же! — Ведь родители! — Бог даст.—
Кивали остальные головами.
А мальчик то поглядывал на нас,
То на притихших негров с чубуками,
Сидящих у костра, который гас,
И где трещали между угольками
Початки... То туда, а то сюда
Качался он, как птенчик без гнезда.

Хотим мальчишку взять — не тут-то было!
Как негры вскочат, как давай орать,
Да бить себя по бедрам что есть силы,
Креститься истово, да патлы рвать!
Тут пуше бабья рать заголосила.
Уж малый просит сам его не брать:
— Останусь здесь... Мне будет трудно с
вами —
Озноб меня трясет... Идите сами.

Тут Городей вздохнул: — Да будет так!
Бог знал, зачем бросал он это семя,
Так пусть возрастет здесь этот польский злак,
Рукой господней брошен! — В это время
Надулись бабы, смотрят, как же так?
Мальчишке негритянка дует в темя!
И шепчет на ухо куме кума:
— Не сглазила б, возьми ее чума!

И посадил я мальчика на плечи:
— Вот видишь? Там... Едва взойдет заря
Стань на колени и гляди... далече,
Там Польша наша, родина твоя!

Там за морями... Буг и Междуречье...
Молись: «Дай боже, чтоб вернулся я!» —
Пока молитвы не дойдут до бога,
Чтоб умереть у отчего порога.

Тут я умолк, почти давясь от слез...
И мальчик плакал...— А! Святая панна! —
Задумчиво Затрата произнес.—
Ведь спас же бог Кристофа-великана
За то, что через речку перенес
Христа-младенца... Может, не устану!
Зато в раю мне будет угол дан,
Коль пронесу тебя за океан!

Возьму его! — и с этими словами
Взял мальчика и быстро зашагал.
И долго негров рев летел за нами,
Как вихрь лесной. Уж мрак ночной упал,
Ночь обвила широкими крылами
Всю землю. В небе быстро угасал
Зари последний отблеск, свет багровый,
И вскоре все окутал мрак лиловый.

4

Но степь дичала. Жесткие ростки
Все реже попадались нам отныне.
Вокруг лежали мертвые пески,
Земля, как опаленная пустыня,
Повсюду разбросала черепки.
Здесь небосвод, от зноя ярко-синий,
И солнце с неба, падая на нас,
Лучами, словно шилом, колет глаз.

И мужики столпились, выжидая,
Притихли бабы, выбившись из сил,
Но трижды крестным знаменем, вздыхая,
Ту пустошь Городей благословил,
И мы пошли. День меркнул, догорая,
И наконец все небо мрак покрыв.

Взошла луна. И мы всю ночь шагали,
Пока восход не зарумянил дали.

И словно зверь, что ждет своей поры,
Горящие глаза от солнца щуря,
Искал мужик пещеры иль норы,
Чтоб переждать там солнечную бурю,
Укрыться от губительной жары.
Вздыхали люди, головы понура,—
У нас, должно быть, солнышко встает,
А здесь закат... Здесь все наоборот.

И вот уж над просторами степными,
Как алый ослепительный фонарь,
Стоит луна в багрово-красном дыме,
На каждую заглядываясь тварь;
И, выдолбив лучами золотыми
Небесный свод, развеяв мрак и гарь,
Становится все меньше, все светлее
И медленно плывет, лучи рассея.

И этот мертвый, выжженный песок
В лучах ее широкого сиянья
Струится, словно золота поток.
Но близкой смерти чуешь ты дыханье,
Блестит ее коса, все выше стог,
И все, что ночь слезою состраданья,
Слезой любви забыла оросить,
Все это смерть пришла теперь скосить.

.

А голод мучил. Узелки пустели.
Лишь горсточку зерна да сухарей
Давали детям. Взрослые же ели
Одну траву... Взгляд сделался мутней,
Запали щеки, ноги ослабели,
И кожа стала суше и черней;
Как аисты, подбитые в дороге,
Мы еле-еле волочили ноги.

Но Рох с мальчонкой шел, шагая так,
Как будто он прилив почуял силы.
Летели дни, сменялись свет и мрак,
И черной кровью надувались жилы,
А он все шел, не замедляя шаг,
Согнувшийся под этой ношей милой,
Которую за уголок в раю
Решил нести на родину свою.

— Спускай! — твердим. А он:— Да что!
Ведь шею,
Как воробью, не скрутишь. Ничего,
Пускай. Немного легче — тяжелее...
Мне сам господь сдал на руки его! —
А мальчик с каждым часом все бледнее,
Без памяти, в бреду... Уж от него
Осталась тень,— то бьется, как в припадке,
То весь горит, дрожа от лихорадки.

.
Так шли недели голода и мук.
И по ночам, прислушавшись, все чаще
Мы слышали вдали знакомый звук —
Как будто камень, из пращи летящий,
Свистел вдали... Иль малолеткам вдруг
Мерещилось, что чей-то хвост блестящий
Мелькал в траве... Повсюду ждал нас тлен
Да трупное дыхание гиен.

Хоть искорка б мелькнула золотая
Или пастуший на меже костер!
Хоть звук знакомый — ржання или лая,
Хоть старый, покосившийся забор!
Но ничего, повсюду глушь немая,
Песок, пустырь, куда ни кинешь взор,
Лишь в лунном свете над травой косматой
Змея качает головой рогатой.

Не слышно жалоб. Дети не кричат,
И в мертвой тишине, как на погосте —

Ты слышишь! — чьи-то кости всё стучат,—
То наши смерть выдалбливает кости,
Вливает в грудь зловонный трупный яд
И мозг сверлит, безумная от злости...
Мы шли. Казалось, кто-то звал:— Вперед!
Все рушится — земля и небосвод!

Мы ускоряли шаг. А пред глазами
Маячили виденья в небесах:
То плыл корабль, весь залитый огнями,
По морю крови, прячась в облаках,
То кто-то дароносицу над нами
Вздымал и нес, то с неба, весь в лучах,
Иисус Христос смотрел на нас в печали,
И слезы лик серебряный пятнали.

И, шевеля губами, как во сне,
То тот, то этот, посреди дороги,
Вдруг на колени падал в тишине,
И руки, что изранили ожоги,
Как ветки, опаленные в огне,
Протягивал, и тайные тревоги,
Грехи и думы поверял Христу,
Вперив глаза с надеждой в высоту.

А девушки всех больше восторгались,
Как пташки перья, душу так несли...
Такие нам видения являлись —
То Ясенька пасет овец вдали,
В рубашке белой... овцы разбежались,
А он их кличет, чтобы подошли...
То головы детей лежат во мраке...
То лес штыков... на нас летят казаки!

Так шел, как очарованный, народ,
В виденья с головою погруженный.
И вижу я, что дело оборот
Неважный принимает и что сонный
Мужик по степи долго не пройдет,
Но чем их разбудить, замороженных,

Когда их души словно отошли,
Чтобы парить далеко от земли?

Иное дело на богослуженьях
Ксендз-камальдулец в небе видит знак.
Пускай хоть год стоит он на коленях,
Святое дело — сам скажу, что так.
Но людям, исстрадавшимся в лишениях,
Видавшим столько мук и передряг,
Нельзя мечтать, и было бы некстати
Им подбавлять небесной благодати.

Живой, так твердо стой, пока пора
Не выйдет и тебе не будет смены.
А эта вся душевная игра,
Все музыки небесные и сцены,
Все это пронесется, как ветра.
Я знаю, что сквозь каменные стены
Пройти мне надо. Трудно? Да! Но в том
Мне не поможет ангельский псалом.

Пусть бог меня простит, коль речь такая
Дурна, а человек — пусть убедит!
Ведь бог изгнал же пахарей из рая
За то, что плуг был ими позабыт.
Да жаворонка взять — ведь он, играя,
Летит на небеса и там парит,
В голубизне теряясь необъятной...
А все же возвращается обратно!

Народ, что женит душу на другом
Нездешнем мире, — слаб. И в литургии
Не все же заключается в одном —
Чтоб встать с колен, а есть дела другие.
Бог человека взял с земли, и в нем
Все соки и понятия земные,
Лишь для приправы неба дал щепоть,
Как соли в суп. Уж так хотел господь.

Благодарю тебя, великий боже,
Что к наковальне ты подвел меня,

Что сердце в грудь вложил мне для того же,
Чтоб, видя молот среди бела дня,
Смотрело на тебя в сладчайшей дрожи,
За это море звездного огня,
За то, что мне, чтоб быть поближе к богу,
Не надо в небеса искать дорогу!

. ; .

Вдруг дыбом встала степь. Земля волнами
Попятилась вокруг и замерла.
Холмы, холмы — и дальше, за холмами,
Над каменной скалой висит скала.
Идем, и вот наутро перед нами
Вершины гор из камня и стекла
Открылись и застыли над обрывом,
Полнеба завалив своим массивом.

Мы замерли. И пробил смертный час
На вечности часах — мы это знали.
Все кончилось. Надежды луч погас.
Пред нами в голубой рассветной дали,
Столкнув тумана серебристый пласт,
Огромные курильницы стояли.
Дымилась мгла, как ладан из кадил.
Так началось единоборство сил.

И в тот же миг толпа заголосила:
— Мы к морю шли! Мы все могли стерпеть!
А вот теперь борись с такою силой!
И дьяволу ее не одолеть!
Зачем сюда пришли? И надо ж было
Из лесу уходить! Ведь там, как клеть —
То ягода лежит, то плод пахучий,
А вот теперь борись-ка с этой кручей!

Лис, Вавжон, Кос орут, что все пропало.
Ворчит Бугай и шиплет ус седой,
Но я, едва взглянул на эти скалы,
Как тут же понял — ведь когда горой

Встает земля, как перед нами встала,
Должна же быть за вздыбленной землей
И яма... Ну, а что же в этой яме?
Конечно, море! Море перед нами!

Опять идем. Горит в поту чело.
Проходят дни... Но, отдыха не зная,
Мы все идем. И снова рассвело,
И снова ночь пришла, глаза слипая.
Повсюду горы... Сколько их легло
За нами, перед нами? Не считая,
Идем вперед. Над нашей головой
Блестит кусочек неба голубой.

И тут, забравшись к черту на кулички,
От голода и боли озверев,
Крестьяне, что молчали по привычке,
Вдруг выплеснули боль свою и гнев.
Так пиво в бочках с треском рвет затычки.
Кричали мужики, осатанев,
Но быстро улеглось ожесточенье —
Как призраки, мы шли в оцепененье.

Дитя слабело — и мужик, как кладь,
Его покорно взваливал на спину,
Чтоб молча вновь по скалам с ним шагать,
Насупив бровь над оком ястребиным.
Народ молчал. Как будто умирать
Спешил туда — туда, где над пучиной
В последний порт нас вел последний вход,
Где ждал последний солнечный восход...

И я молчал. Сомненье вытесняло
Надежду, что недавно, как цветок,
В измученной груди благоухала,
А нынче, словно птица на восток,
На крыльях золотистых улетала.
Я шел, но знал — конец наш недалек.
Я знал, что нет спасенья и исхода,
Что мы дошли до гробового входа.

Хотел бы говорить я — но к чему?
Уж траурной свечи блеснуло пламя...
И филины то прячутся во тьму,
То снова с криком кружатся над нами,
Из каменных пещер по одному
Взлетая ввысь и хлопая крылами...
И сам себе сказал я в первый раз:
Напрасно все. Последний луч погас.

.
Пять дней и пять ночей, не замечая
Ни ослабевших женщин, ни детей,
Мы как по жаркой лаве шли, ступая
По раскаленной лестнице камней.
Глаза налиты кровью, в них тупая
Страсть и тоска, которая сильней
Последнего отчаянья, та сила,
Что ко всему слепа и все забыла.

Хоть твердые там были мужики,
А кое-кто ночами средь бивака,
Не пересилив страха и тоски,
Бывало, выл, как на луну собака,
Когда, деревьев озарив верхи,
Лучи из тучи выглянут средь мрака
Или когда почует в доме смерть
И воет, хвост поджав, наежив шерсть.

Тогда ушла в себя душа людская,
Всяк прятал боль. Тот кто идет — идет,
А рухнет — рухнет. Жалости не зная,
Ожесточенно люди шли вперед.
И хоть не знала эта пытка края,
Не жаловался ни на что народ,
На состраданье люди стали скупы.
И тут-то первые упали трупы.

Вставал рассвет. Еще вчера отстал
Затрата — на плече его мальчонка,
Рассыпав пряди светлые, лежал.
Уж было видно, что душа ребенка

Готова вылететь... Он все держал
За шею Роха высохшей ручонкой,
Как будто то единственная связь
С землей... Упал — и жизнь оборвалась.

Но это коченеющее тело
Все нес мужик туда, в рассветный путь.
Вдруг стал дрожать... Знать и его задело
Дыханье; жизнь успевшее задуть.
Лицо его обвисло, почернело;
Склонив головку мальчика на грудь,
Он зашептал:— Ах, ты мой голубь белый!
Как ты тяжел! Как мир господень целый!

.

И вдруг за поворотом встали скалы
Огромною, невиданной стеной,
И ни одна к себе не подпускала...
Я посмотрел — над черной крутизной
На камне тень орла затрепетала
И проплыла куда-то в синий зной...
А выше — солнце в огненной лазури...
А выше смерть... Я встал, глаза зажмурия.

И встал народ. И утопил в камнях
Безумный взор. И сам он был, как камень,
И то, что было в этот миг в сердцах,
Никто не мог бы выразить словами.
И вдруг,— как вспышка зарева впотьмах,
Как на соломе крыши первый пламень,—
Рыдания слышались кругом,
И эхо повторило их, как гром.

И все, что было,— вера, и желанье,
И голод, и надежда на покой,
И мертвый холод разочарованья —
Все вырвалось, чтоб в бездне вековой
Упасть последним возгласом страданья,
Последнею мучительной слезой...
Нет, нет, не мы — кричали наши души...
Рванулась боль, плотину воли руша.

Вдруг Кос:— Пусть так...— И тут же голоса:
— Пусть так! Согласны...— И народ гурьбою
Вдруг повалился, словно их коса
Скосила всех, как жито золотое...
Никто не захотел поднять стопы,
Где кто стоял — упали как снопы.

Заплакал кто-то: «Господи, помилуй!»
Старушка с Буга молча, вся в слезах,
Уже молиться не имея силы,
Упала, растянувшись на камнях.
И так из этой каменной могилы
Смотрели люди вверх с мольбой в глазах,
И раздавались голоса живые:
— Помилуйте, заступники святые!

Бессильный, я смотрел на них. Во мне
Как будто тьма все скрыла ледяная.
И долго так стоял я в тишине,
В душе свое бессилье проклиная.
Вдруг гнев мой закипел — сперва на дне,
Потом все больше, больше нарастая,
Расшевелил мне скованный язык,
И бухнул в небо мой смертельный крик:

— ...Так бей же буря в нас, стреляй громами!
Мы не опустим взгляда в смертный час!
Пусть песни воронов гремят над нами,
Пусть нам могилу выроют сейчас!
Пусть зверь придет за нашими костями,
Пусть леденит дыхание смерти нас!
Что мы? Лохмотья жизни, пыль земная...
И воронам пожива мы дрянная...

Теки же к морю жалкая река,
Сгинь, пропади! Спешите к двери дома
Последнего, пусть господа рука
Нас гонит вихрем, бьет ударом грома,
Сгибает, точно стебель тростника,
Ломают, точно ветки бурелома...

Кто вспомнит нас? Вздохнет, когда уйдем?
Одни мы, без потомства пропадем!..

И если из полуживого стога
Крик этот отыскал средь камня путь
И долетел до божьего чертога,
И если видел там хоть кто-нибудь,
Как гибнет люд; прося защиты бога,
То, верно, уж там певчие тянуть
Псалмы и песнопенья перестали
И ангелы святые зарыдали.

Уж вечер становился все темней,
Свои глубокие бросая тени
На странников, сидящих меж камней
В нечеловеческом оцепененье.
Тут над скалой вдруг вспыхнул сноп огней...
Я крест увидел, божие знаменье,—
Он двигался над бездной сам собой...
Тут свет погас, и все покрылось тьмой.

.

Но вдруг Марыхна, бледная, худая,
Дрожащая, как загнанная лань,
К груди ребенка крепко прижимая,
Над Дудеком склонилась: — Что ты?..

Встань! —

И тихо застонала, причитая:—
Ой, не губи... да ты на сына глянь!
Иль ты забыл?..— И вздрогнули ресницы,
И только рот безмолвно шевелится...

Он руку протянул:— Не плачь, жена...
Сядь рядышком. У нас одни заботы...
Мы всё делили — вот и смерть одна...
Пускай идет. Немного ей работы,—
И так уж еле дышим...— А она
Вдруг почернела:— Пес ты! Пес! Вот кто ты!
А не отец... Пока дышать могу,
Пойду... Дитя от смерти сберегу!

И, запахнув платочек полинялый,
Ребенка обхватив одной рукой,
О камни спотыкаясь, побежала
В вечерний сумрак душный и пустой.
И Дудек встал и побежал, как шалый:
— Стой, женка, стой! И я, и я с тобой! —
И в этот миг вернулось к нам сознание:
То тут, то там слышалось рыданье.

Сквозь слезы мы взглянули на ребят,
Что к матерям прижались и глядели,
Как стадо перепуганных ягнят,
На чьем руне,— увы,— уже чернели
Кресты, обозначающие закат,
Кого согнать на те поля хотели,
Где солнце не восходит никогда,
Где тихо смерть пасет свои стада.

И как гроза, что в небе распласталась,
Чтоб освежить засохшие поля,
Так наши души освежила жалость,
И грудь ее впитала, как земля.
И — что за чудеса! Такая малость —
Немой птенец, сердца нам распаля,
Как милый звон пасхальных колоколен,
Встряхнул наш дух, что был и слаб и болен.

Вскочил Затрата... в горле бьется ком...
Рыдая, к Зембе кинулся на шею...
— Прости, прости! Ведь я же палачом
Мог нынче стать! Не вынесу! Не смею!
Так стукните же в темя кулаком!
Убейте! Я о жизни не жалею!
Ведь я ж католик! Отче! Божья мать!
А я хотел самоубийцей стать!

И Лазари, воскресшие из мертвых,
Ладони поднимают к небесам,
И смерть бежит от проясненных черт их,
И слезы их струятся по щекам,

И дети, что едва не стали жертвой,
Притихнувшие, жмутся к матерям,
И жены тормозят мужей усталых:
Идти! Идти! Во что бы то ни стало!

Взглянул я на Марыхну — там, в горах,
Она взбиралась по крутому склону.
Уж сумерки густели в небесах,
Гора туман надела, как корону,
Но шла она вперед, откинув страх,
Как будто внемя ангельскому звону.
В тот миг она, теряясь в облаках,
Шла, как Мадонна с сыном на руках.

5

Вставал рассвет, когда на седловину
Мы по восточным склонам поднялись.
Внизу, под нами, горные вершины
К ногам прибоем каменным сошлись.
И горных речек рокот соловьиный
Гремел вокруг... И голубела высь.
На бедрах гор легли, как пояс, ели,
И речки к морю с прохотом летели!

— О господи! — вскричали мы. И гул
Откликнулся в горах, как гром суровый,
И каждый грудью полною вздохнул.
Мы шли туда, где встал рассвет и новый
Прохладный ветер нам навстречу дул,
Река вилась полоскою парчовой...
Мы кинулись... Сверкая и маня,
Уже кипел живой поток огня.

И сердце встрепенулось, словно птица,
Для света оставляющая мрак.
Откашлялся наш Лис, попил водицы,
И не спеша Бугай достал табак,
Как будто тут поля его пшеницы,
Знакомая межа, где зреет мак...

Так мы бежали, радостью объаты,
Как будто тут нас ждали наши хаты.

Никто не знал, что смерть, пристроясь к нам,
Шагает рядом, что в рассветном дыме
Она идет за нами по пятам,
Уставившись глазницами слепыми,
Что не песок сползает по камням,—
Она хрустит коленями сухими,
И камень, сброшенный над крутизной,
Задет ее костлявою ногой.

Но понял Городей, что приближалась
Курносая... И тихо мне сказал:
— Пан Бальцер, братец, погоди-ка малость,
Мне не догнать вас... что-то я устал...—
Я поглядел, и тут мне показалось,
Что на челе его уже витал
Смертельный мрак, как тень огромных
крыльев

И он остановился, обессилен.

Я крикнул:— Стойте! — И тотчас же к нам
Сбежались все. Весь белый, словно груша
В цвету, он поднял руки к небесам
И был готов отдать с молитвой душу,
Лишь ветерок скользил по волосам...
Молчал народ, молитвы не наруша...
И, словно над собою вознесясь,
Он поднял очи и сказал, крестясь:

— Уже давно, как голубя седого,
Я эту душу бедную ношу...
Но пробил час скитания земного,
И смерти я как милости прошу...
И вот — моя душа взлететь готова.
Уж я на белом облаке вишу...
Я чую горних ветров колыханье...
И ширится в груди моей сиянье...

Спешите, братья, за море скорей,
Под сень родного, брошенного дома...

Я слышу божий стук в груди моей,
Тишайший звук — он громче бурь и грома!
Я не закрою в горнице дверей —
Меня господь встречает у парома,
Окончилась земная колея —
По лику смерти стосковался я! —

Вздыхнул. — Хотел бы я в земной юдоли
Родной земли увидеть с вами грань,
Но и на это есть господня воля...
Я ухожу — я жизни отдал дань!
Пусть вызволит Христос вас из неволи,
А мне уже пора за Иордань... —
Так он стоял. С небес лилось сиянье.
Мы обнажили головы в молчанье...

— Я растерял потоки горьких слез,
И, как траву, дожди меня мочили,
Скитался я, был голоден и бос,
И ноги окровавленные ныли...
Теперь пора!.. Меня зовет Христос.
Мой прах истосковался по могиле...
Вы слышите?.. — и выпрямился он, —
Из Ясной Гуры... колокольный звон...

И молча на колени мы упали,
И тишина над нами проплыла,
И из разорванной, стеклянной дали —
Клянусь — запели нам колокола,
Как будто нас к заутрене сзывали!..
Ни слез, ни слов... И лишь в груди росла
Могучая, ликующая сила
И, словно тайный ключ, под сердцем била.

Как белый лебедь, Городей дрожал,
Свой легкий пух по ветру распуская,
И горний свет как луч на нем лежал,
И мрак сгущался, очи застилая.
Как день и ночь, как схватка двух начал,
Они боролись, душу отнимая...

Он угасал... И в строгой тишине
Упал беззвучно на руки ко мне.

.
Наутро под гранитною скалою
Мы положили тело старика
И завалили каменной плитою.
Спи, божий пахарь! Мирно спи, пока
Однажды белый ангел не откроет
Твоей могилы, что для мужика
Была такой негаданной и новой
И схожею с могилою Христовой.

А нас уже звала к себе вода,
Звала река, что убегает в море.
И мы уже летим, летим туда...
И в эти окровавленные зори,
Как птиц, что стосковались без гнезда,
Несет нас вихрь, свистящий на просторе...
Спи, божий пахарь! Смерть твоя светла.
И да воздастся господу хвала!

6

О свежестью повеявшие воды!
Как вы похожи на прозрачный Буг,
Когда с утра, в веселую погоду,
Он весь рябит, купая солнца круг,
И отражает краски небосвода.
Вот так же там цветет зеленый луг,
И, берега в сапфиры одевая,
Бежит вода, плескаясь, как живая.

И мы пошли низовьями реки,
Изрезанными густо ручейками.
В траве вооруженные сверчки,
Орудую тупыми топорами,
Рубили и ломали васильки.
То тут, то там, вдали, за камышами,
Мелькали буйволиные рога,
И с шумом волны били в берега.

И как цыганский табор средь дороги,
Под тучами, прижав к шатру шатер,
Раскинула скалистые отроги
Гряда больших остроконечных гор,
Где бьется о гранитные пороги,
Ревет поток, спешащий на простор,
И, словно детской брошена рукою,
Летит вода, дробясь, над крутизною.

А там, вверху, где высоко в камнях
Стеклянные расположились жилы,
Вода летит на взмыленных конях,
И прыгает на воздух что есть силы,
И как платок, с каймою на краях,
Висит, как на белильне, чтоб белила
Могли просохнуть... Мы ж под тем шатром,
Обрызганные жемчугом, идем.

А сизый дым клубится из-под дерна,
Скрывающего негритянский дом.
Зайдем — а уж они несут проворно
Кувшины с буйволиным молоком,
Лепешки, мясо... И толпою черной
Садятся возле нас. Мы вместе пьем,
Едим, смеемся... За здоровье наше
Они вздымают тыквы, словно чаши.

И все ж народ хоть и не падал с ног
От голода, но силы настоящей
Он из себя добыть уже не мог.
Какой-то пламень страшный и палящий
Нам души обессиленные жег.
И даже наши крепыши все чаще
Вздыхали, но, понурясь, шли вперед —
Лишь мысль о доме двигала народ.

Но вот низовье стало расплзаться
И перешло в трясину. Средь болот
Нам стало все труднее продвигаться,—
Так в день Святой Агнесы хрупкий лед

Готов ежеминутно разломаться,
И кто не хочет выкупаться, тот
Иль за весло хвататься должен тут же,
Иль прыгать, как козел, от лужи к луже.

Там пеликаны грелись на лугах,
Взлетали стаи уток над волнами,
Там журавли на топких берегах
Охотились за жирными червями,
Там цапли цепенели в камышах,
Покачивая сизыми чубами,
Там соколы сверкали в синеве,
И зимородок прыгал по траве.

А вдоль реки, по низменному краю,
Как польская ольха среди болот,
Расположилась рощица густая;
А в том краю так буйно все растет,
Что каждая былинка вырастает,
Как башня. Но едва на них вспорхнет
Хоть маленькая птичка — все пропало,
Погнулся ствол, и дерево увяло.

И вот однажды вижу, на заре,
Деревья затряслись, как в лихорадке...
Как будто бы в ненастном сентябре —
Все вянет, гнется, никнет в беспорядке,
Живую зелень топит в серебре,
Уж вместо мантий — жалкие остатки,
И сучья из-под нежных лепестков
Торчат, как палки нищих стариков.

Разинув рты на этакое диво,
Теснясь, смотрели мы издалека.
Как вдруг лист за листом, дрожа пугливо,
Как будто чья-то их трясет рука,
Срываются, несутся торопливо,
Как бешеная горная река,—
И тучи муравьев... Такого сроду
Я не видал... Я крикнул: — Прыгай в воду!

И роща, что мгновение назад
Нарядною листвою шелестела,
В павлиньих перьях вся, как райский сад,—
Осунулась теперь и помертвела,
И выцветший изодранный наряд
Едва скрывал ее нагое тело...
Как город после мора, где одна
По улицам блуждает тишина.

Лишь к вечеру в заброшенные зданья
Заполз туман, и тени вслед за ним
Ползли на ощупь... Стерлись очертанья
Развалин черных. Ядовитый дым
Рассеялся... И дальних звезд сиянье
Затеplилось над сумраком земным.
Мы развели костер и задремали.
Но мысли мне забыться не давали.

Поверьте мне, не знает бога тот,
Кто не томился у костра ночного,
Кто не глядел на темный небосвод,
Читая звезд пророческое слово,
Следя светил необъяснимый ход.
Но кто хоть раз, в лучах огня живого,
Хоть по складам прочесть ту карту смог,—
Тот прикоснулся к тайне божьих строк.

И было так обидно и так жалко
Смотреть на этих спящих мужиков,
Что, как пожаром вырванные балки,
Легли у безымянных берегов.
И есть ли хоть один из этой свалки,
Чью душу не спалило до основ,
В ком есть смолы хоть капля золотая,
В ком сердцевина теплится живая?

С тех самых пор, когда колокола
Запели над могилой Городея,
Стал думать я о жизни, что ждала
В отчизне нас... Не дрогнет перед нею

Народ, который вьюга пронесла
По морю и по суше, не развеяв.
И понял я — отныне никому
Не даст он запереть себя в тюрьму!

Как будто он обеими ногами
На землю встал, в пыли чужих дорог.
Как будто душу закалило пламя,
Был терпелив — но стал отныне строг,
Покорен был — но бурей и ветрами
Охвачен он. Отныне грозный рок
Ему не страшен — новой мерой мера
Свою судьбу, он к свету ищет двери.

Уж, видно, так назначено судьбой,
И это есть десница провиденья,
Разумный путь, указанный чертой
Божественного предопределенья;
Есть, видно, в списках неба пункт такой —
Необходимость правды и спасенья,
Когда господь нас так обмолотил,
Сдул плевелы — и снова в мир пустил.

Что будет — будет! Лишь бы только было...
И голосов далеких слышен звук,
И новая минута наступила,
И слышен в стену странный, тайный стук...
И я, господь, с моей кузнецкой силой,
К тебе на помощь встану, чтоб средь вьюг
Нашли свой путь мои крестьяне-братья...
И в знак того целую я распятье!

.

Уж новый месяц в небе засиял
С тех пор, как мы спустились с гор в низину.
Нет, никогда так долго не блуждал
Журавль по мокрым кочкам и трясинам,
Уж он бы в рай тропинку протоптал
И обнял богу ноги... А долинам

Все не было конца... И все вперед
Шагал изнемогающий народ.

Бывало, в Ченстохову мы шагали
И думали: «Вот — даль! Помилуй бог!»
Неделю шли!.. А здесь? И не считали...
Каких ни исходили мы дорог!
Какие звезды в небе ни сияли!
Каких ни испытали мы тревог!
Какую боль! Какой душевный голод!
Какой жестокий зной и лютый холод!

А уж того и выразить нет слов —
Какие блески там, какие краски
Горят вокруг! Какие у цветов
Короны, ожерелья и подвязки!
Я обо всем поведать вам готов,
Но, видно, я совсем иной закваски,
И из какой бы бочки ни начать,
Все подходящих слов не подобрать.

Но мы, вперед шагая торопливо,
Полуслепые, сгорбленные, мы,
Как дети, семенящие пугливо
За матерью, держались лишь каймы
Реки летящей, так что блеск, и диво,
И радугой одетые холмы,
Покрытые сиянием слепящим,
Казались сном пустым и преходящим.

Что нам до птиц и до жемчужных рос,
Когда в груди кипит такая буря,
Такой комок невыплаканных слез,
Что ты идешь, глаза от солнца щуря,
Как сквозь туман... Так сгинь же, призрак
гроз!
Займись, заря, в предутренней лазури!
Вы, горькие дыхания морей,
Несите нас в отечество скорей!

Конец уж приближался. Издалёка
 То что-то загорится, то блеснет,
 Какое-то сияние с востока
 Покажется. Река же все растёт,
 И вот уж разливается широко,
 Все медленней движенье плавных вод,
 Расходится все чаще рукавами
 И делает поляны островами.

Летают чайки, стайки рыб снуют,
 Другие тут кусты, трава другая,
 Тропинка вьётся — видно, где-то тут
 Живут, а может быть, вола впрягая,
 Здесь люди землю пашут, сеют, жнут...
 И вот, в груди сомненье подавляя,
 Надежды свет встает, и человек
 Страданью говорит: «Ты не на век!»

Все чаще, точно море, перед нами
 Поляны заливают здесь тростник,
 И ветер, налетая бороздами,
 Все поле так и пашет, как мужик,
 Когда идет за плугом, и пластами
 Взрывает глину лемеха язык,
 И пашня стелется через кур-зелье,
 Кусты полыни, спорыньи и хмеля.

Но там и в самой ранней тишине
 Лист за листом ползет продолговатый,
 Всегда движенье есть — и при луне,
 И днем, как на воде шероховатой.
 И вот уже с востока в вышине
 Синь разлилась — полнеба ей объято,—
 Сама собой огородив поля,
 Где солнце ходит, травы шевеля.

С гор вместе с тростником бегут потоки,
Но их еще ничей не видел взор,
Лишь слышен шум, да пара столб высокий
В том месте, где вода, срываясь с гор,
Поит траву — там выше лес осоки,
Мгла стелет там серебряный ковер,
А в небе, лишь блеснут лучи дневные,
Сверкают ленты радуг расписные.

Однажды ночью видим — облака
Вдруг розовость какая-то покрыла.
Дул сильный ветер; пенилась река
И в берега с ужасным шумом била.
Вокруг тянулись рощи тростника
Созревшего, и горный ветер с силой
Бросался в них, их волновал и гнул,
И, как на море, раздавался гул.

Смотрю: блеснули змейки золотые
И, вытянувшись, точно языки,
Ползут по листьям, вьются, как живые,
И тростника высокие штыки
Качают и трясут... Иисус-Мария!
И вот, как золотистые жуки
В глубокой темноте, над тростниками
Взлетели искры целыми роями.

— Пожар! Серпы хватайте, кто живой!..—
И тут громада на ноги вскочила.
Бегу вперед, а мужики за мной,
Такая вдруг проснулась в людях сила.
Уж слышен колокола звук глухой,
Уж зарево полнеба охватило,
А мы по тростнику, глотая дым,
Схватив серпы, к пожарищу бежим.

Я разделил людей на три отряда.
И вот уже, охвачена огнем,
Как в гущу битвы ринулась громада.
Калеча ноги, с полным дыма ртом,

Серпами косим, рубим без пощады,
Как водолазы, сгорбившись, идем
И режем тростники под корневище,
Чтобы не дать огню желанной пищи.

— К воде! К каналам, братцы! Все за мной!—
Помчались. Но огонь не уступает,
Летит еще быстрее и стеной
То здесь, то там дорогу преграждает.
Уже пожар, как невод золотой,
Колеблемую зелень загребает,
Все тонет в нем, как в озере трава,
Лишь искры скачут, как в сетях плотва...

Но с флангов мы стоим и поворота
От этой адской бойни не даем.
Ослепшие от дыма и от пота,
Мы только валим, рубим и сечем
Неистово, у нас одна забота;
Под шум и свист, под колокольный гром,
Вонзая с силой лезвие кривое,
Перед собой сшибаем все живое.

И в самые громадные стога
Мы б не сложили этого ужина.
Уже на землю жаркую нога
С трудом ступает, а огня пучина
Все так же заливают берега.
Уж чуть не падает моя дружина.
Тут крикнул я:— Эй! В ряд махай!— Глядим
Не отстают от нас огонь и дым.

Как кошка от собаки, ускользя,
Из пламени мы вырезаем круг.
Вот долетел, все по пути сметая,
И на тростник, наваленный вокруг,
Упал, но, снова все преодолая,
Вскочил, к добыче тянет сотни рук
И наконец, сбежав на луг открытый,
Горит, смолою по стволу разлитой.

И наконец, вторгаясь в небосвод,
Заколыхалась пламенем пучина...
И солнце с дымом борется... И вот
Исчезло в нем. Ужасная картина!
Как очарованный стоял народ,
И будто сотни тысяч карабинов
Стреляли тут, такой стоял окрест
Ужасный шум и непрерывный треск.

Шла ночь. Еще, иссеченный серпами,
Гремел наш ток и колокол стонал,
Когда огонь кровавыми зубами
Все, что попало под руку, сожрал
И собственными занялся кишками,
Он ползал по земле, он угасал.
И рыжий дым, вздымаясь как над горном,
Полнеба пологом окутал черным.

Мы огляделись. Весь тростник дотла
Сгорел вокруг. Мы встали, пот стирая,
И вдруг я вижу: красная метла
Во тьме мелькает, искры рассыпая,
Как будто из остывшего котла
Огонь уносит кто-то... Мать честная!
Да это ж человек, там, вдалеке,
Бежит куда-то с факелом в руке...

Бежит, и спотыкается, и скачет,
Разбрасывая искры за собой...
Тут я уразумел, что это значит,
И бросился, как рысь на жертву:— Стой!
Хватай его! Держи! Вон он маячит!
Он поджигатель! — Вдруг над головой
Раздался выстрел. Эхо прозвучало,
И в миг метла и искры — все пропало.

Бегу туда, ищу... Своим глазам
Не верю: негр! Спина в рубцах от плети...
И голова, как дыня, пополам
Расколота... Стрелок, как видно, метил

В затылок... И заметить должен вам,
Был поражен я — так никто на свете
Стрелять не мог, мог сделать выстрел тот
Один лишь человек — Загайный Петр.

Он с малых лет стрелял в полях и борах,
Сам пули отливал, на свой формат:
«Не по-шляхетски экономить порох!..»
И дробь сыпал больше всех в заряд.
И в Мышенецкой не бывало споров —
Зверь упадет, и только поглядят,
Уж знают: Петр стрелял, по всем приметам,
Никто не стал бы сомневаться в этом.

Ружье имел он славное. В дупле
Еще от шведа, почитай, два года
Оно лежало спрятано в тепле,
И пчелы в дуло натащали меда,
Не оказалось ржавчины в стволе.
Так Петр, как взял на глаз оленя, с хода,
Так прочь и отстрелил рога в тот раз
И только крикнул: «А!.. Татарский глаз!»

Когда нас там комиссия делила,
Загайного — в то время он хромал —
На кофе записали. Наша сила
Убавилась. Хотя, правда, Жук стрелял
Отлично и ружье на зависть было,
Но все же был в Жуке не тот запал,
Не так он бил, совсем не тем манером,
Как тот, кто был когда-то браконьером.

И тут я вдруг почувствовал толчок
И слышу, что-то шею мне щекотит,
Как будто чей-то ус. А табачок
Такой пахнул прескверный, аж воротит.
Смотрю. Тьфу, привиденье! Что за черт!
Загайный! То ли бес меня морочит?
— Петро! — Пан Бальцер! Или я во сне? —
И он на шею бросился ко мне.

Пошли обьятыя, оханья, расспросы...
— Узнал твой выстрел! То-то саданул! —
А Петр:— Стрелял я с этого откоса,
Вот видишь вал? Там нес я караул.
Не целясь, так пальнул я в негритоса...
С плантаций он... Гляжу, огонь сверкнул...
Сам смерти посветил... Его пороли,
Он мстил... Пожалуй, лучше так, без боли...

А я как будто сплю:— Да ты ли, Петр?
А Чвиронь? А Влодарчики? А Дуда? —
— Все здесь.— Тут вскоре остальной народ
Собрался, встали, смотрят, как на чудо,
Уставились, ни взад и ни вперед,
Опять вопросы: где, куда, откуда?
От удивленья левой крест творят,
И все одновременно говорят.

Все радуются столь необычайной
Счастливой встрече, женщины ревут
От радости. Но, вижу, наш Загайный
Сопит, и слезы по щекам текут,
Вот голову склонил, вздохнул, печальный,
И выругался с сердцем:— Чтоб те тут!..
Татарский глаз!..— Заскрежетал зубами
И слезы стер большими кулаками.

Я говорю:— Так трудно здесь?..— Молчит,
Усы седые щиплет и — ни звука.
Гляжу — хромает.— Что? — Нога болит...
Тут ноги — главная у наших мука...
Ведь целый день мужик в воде стоит
Да в сапогах (тут что ни шаг — гадюка!).
Так ноги так болят, помилуй бог,
Что с кожей сдирается сапог...

Беда! Итак, громадою решили:
Держаться кучей всюду и везде.
А что долгов еще не заплатили,
Так отработать вместе. Пусть в воде

Туземцы хлюпают, мужицкой силе
Не заработать на таком труде.
Итак, решили мы, что утром ранним
Всем войском польским мы на кофе встанем.

Но было трудно прежний польский люд
Узнать в толпе тех лазарей убогих,
Так лихорадка и тяжелый труд
Состарили и изменили многих.
Но только речь, бывало, заведут
О возвращенье — как на лицах строгих
Вдруг вспыхивал какой-то чудный свет.
Так каждый был надеждою согрет.

Уж не было иного разговора,
Как только о широких тех лугах,
О тех загонах, вырубках средь бора,
О пахоте, о жатве, о стогах,
Летели души в польские просторы,
Под крыши хат, как воробьи в ветвях
Гнездясь, как ласточки слетаясь под стрехи,
Все силы в этой черпая утехе.

Но дело плохо шло. Никто не мог
Из нас сравняться с этой ратью черной:
Мы рвали по зерну, а негр стручок
Перебирал как дудку, так что зерна
Струею сами сыпались в мешок.
Бывало мерок семь иной проворный
Сдаст в день, а наш заморенный мужик
Две-три натянет, высунув язык.

Так всюду эта рать вперед толкалась,
К котлу и к ложке. Ты же, рад — не рад,
Ешь, что от этих иродов осталось.
Нахальничают так, сам черт не брат.
Мы терпим. Но и этого им мало —
Повадились преследовать девчат!
Давай подмигивать да скалить зубы,
По-польски научились: «Дай мне губы!»

А козы наши — те, конечно, в смех.
Зато у нас кулак был наготове.
Бурлил барак наш, как кузнечный мех,
И знали мы, что без пролиться крови
Не обойдется, что случится грех.
Чтоб нас, поляков, это поголовье
Достоинства лишило своего?
Да это против бога самого!

Так перед тем, как буре разразиться,
Все ниже нависает духота,
И грозовое облако клубится,
И онемевшая стоит вода,
И вдруг — блеснет, воронкой запылится
Земля, тревожно сгрудятся стада,
И где-то загремит в небесной дали.
Так было с нами. Все мы бури ждали.

Однажды, уложив ребенка спать,
Марыхна шла к реке стирать рубашку.
Вдруг слышу крик оттуда. Я — бежать.
Гляжу — мерзавцы волочат бедняжку.
А брод пустынный, наших не видать...
Как кинусь — только бы не дать промашку!—
Схватил за шиворот двоих скотов...
А Дудек третьего схватить готов.

Но тот бежал... да вдруг как обернется
Да голову согнет и — как баран
На Дудека... Подмял его... Тот бьется,
А негр на нем — верхом, как истукан!
Кричу:— Да скинь ты этого уродца!—
Гляжу — слюна идет... Да что ж он, пьян?
Кричу:— Не поддавайся негодяю! —
А сам двоих из рук не выпускаю.

И тут я с силой эти две башки
Столкнул, да так, что кости затрещали,
Аж в челюстях захлопнулись клыки,
И об землю так бросил, что едва ли

Не вышиб дух. Кровавые зрачки
Еще на мир бессмысленно взирали
И двигались, но вскоре взор погас
И смерть из мутных выглянула глаз.

Я — к Стаху... Вижу, в нем и кровь замлела...
А тут уже бежит весь этот сброд,
Как муравьи, кругом аж почернело,
Насели густо, как шмели на мед.
Да, думаю, как видно, плохо дело...
Вдруг загремело... Что это? Народ!
Да это наши! Бурею крылатой
Летят на помощь во главе с Затратой.

Но я, еще держа за клоч волос
Того, что Стаха сгреб, зову подмогу,
Кричу: — Ко мне! Благослови, Христос! —
И, сея в муравейнике тревогу,
Ворвался Рох и руку уж занес...
Тут начали теснить их понемногу,
И вскоре все слилось в один клубок,
Где каждый бил, душил и рвал как мог.

И тут не видно было — кто сильнее,
Кто верхом шел, кто вниз врага увлек,
Все сбилось: руки, ноги, плечи, шеи,
И закипело точно кипятком.
Но принял тут клубок подобье змея,
И с силой я кнутом его рассек:
Разбился змей на два отдельных тела,
И с двух сторон баталья загремела.

В хвостах дерется послабей отряд,
Но в головах — дружина с громкой славой:
Кос, Бандыс, Срокач головы тузят,
Работает дубинкою Журава,
Тут, как арбузы, черепа трещат,
Змея повертывается то вправо,
То влево, то вперед ползет, то вспять,
То белая, то черная опять.

«Бей!» Но к врагу подмога подоспела —
Примчались негры с фольварка. Змея
Тотчас опять срослась, распухло тело,
И в эту же минуту слышу я,
Как у затылка что-то зашипело,
И, жалом ядовитым шевеля,
Гад голову открыл — так в отдаленье
Вождя узнал я в полном облаченье.

Стоял он важный и прямой, без слов,
Суровым взглядом к бою призывая,
И два телохранителя с боков
Стояли, стеклами белков вращая.
Решил: «Схвачусь!» А до него шагов,
Наверно, тридцать... И в тот миг, когда я
Готов был в бой рвануться горячо,
Стальные клещи мне впились в плечо.

Затрата: — Стой, пан Бальцер, сам я лично
Пойду. Уж я его переверну! —
Шагнул, насупил брови, крикнул зычно:—
Пусть пес в тебя плюет — мне жаль слюну!
Иди-ка, поучу тебя публично,
Давно пора, такого сатану! —
И тут он плюнул в свой кулак могучий,
И ринулся вперед, как гром из тучи.

Царек, сообразив, что здесь идет
На кулаки, отбросил дрот и к цели
Ожесточенно ринулся вперед,
Да так, что даже перья захрустели
На голове... Мы смотрим: чья возьмет?
Вот раз, другой схватились, отлетели,
И вновь схватились, стукнулись опять,
И снова схватки не могли начать.

Ударил первым вождь. Удар был меткий.
Попал! И взвился тучею песок.
Сцепились. Но удары были редки,
Ни тот, ни этот вырвать рук не мог,

Ну, точно петухи из-за наседки,
Когда, сцепившись, топчутся. Царек
И Рох, сопя, сплетясь руками туго,
Вертели только попусту друг друга.

Я крикнул:— Что? На исповедь пришли?
И долго так вы будете шептаться? —
Во мне бурлило, руки — как кули,
И плеть была готова уж сорваться,
Но опустилась — снова отошли.
Вот так волна, пред тем как ей подняться,
Сперва волну другую подшибет.
Так и борцы бросались в свой черед.

И наконец схватились, дружно, пылко,
Как нетопырь, зубами негр скрипит,
Но Рох работает, как молотилка,
Чуть замахнулся — уж противник бит,
То спереди ударит, то с затылка,
Сбивает перья, аж в глазах рябит.
Вот так, ошипывая в суп индюшку,
В подол рвет перья баба на подушку.

И как в пруду — чуть тронет ветерок —
Двоится долго вербы отражение,
Так в драке каждый действовал, как мог,
И всяк свои проделывал движенья:
Тот заслонился — этот приналег,
Тот прыгнул — этот встал для нападения,
И с криком негров наш сливался крик:
— Бей, Рох! Сильнее! Дай ему в кадык!

Но, вижу я, мужик теряет силы:
То припадет, то свесится, — царек
Тузит его и спереди и с тыла,
Как говорится, вдоль и поперек.
Хоть, видно, злость Затрату охватила
Такая, что вола свернуть бы мог!
И вдруг, как выстреленный, перед нами
Царек перевернулся вверх ногами.

Затрата только этого и ждал:
Скачок — и вот мужик уже хватает
Царька за пояс... тот затрепетал,
Кричит, глазами в бешенстве вращает!
Тут в их толпе такой поднялся гвалт,
Как в облаке, что град отягощает...
Вдруг кто-то бросил дерева кусок,
И Рох, подбитый, рухнул на песок.

Свалились, как подрубленные буки.
Но Рох царьком не в шутку завладел.
А тот его терзает, крутит руки,
Глядим с надеждой: только был бы цел!
Какие ни выделывают трюки!
И вдруг далекий выстрел прогремел,
И где-то низко пуля просвистела,
Разъединив два сросшиеся тела.

Раздался крик. К площадке боевой
Стремглав рванулись негры всей оравой,
И тут мы услышали страшный вой
И труп вождя увидели кровавый,
С отстреленной от шеи головой...
И вот уж, труп подняв, как знамя, лавой
Толпа, на отзвук выстрела, к холму
Неслась, послушна гневу своему.

Поднялся Рох,— он был мужик могучий,—
Встряхнулся и — на них! А было нас
Без малого сто душ. Помчались тучей...
Вдруг: «Стой!» Лежит Загайный... Взор угас,
Зевает, пальцы сведены, как крючья,
Хватает воздух... Из стеклянных глаз
Ползет слеза и катится за ворот...
Взглянул я: у него живот распорот.

Тут свет в глазах моих померк. «Беда!
Дошло до крови!» — думал я в тревоге.
Уже на фольварк бросилась орда,
Там женщины и дети... без подмоги!

И мы на помощь бросились туда,
Как будто сами понесли нас ноги,
Летим, как смерч, кто с палкой, кто с ножом,
Готовы в бешенстве хоть на рожон.

8

Домчались. Уж закрыты все калитки.
Уж стрелы в нас из крепости летят,
Как пчелы из дупла. Уж, как от пытки,
Рыдают дети, женщины кричат...
Тут силу мы почуяли в избытке...
Валим тараном... Лезем, ряд на ряд...
Еще нажми... Лиха беда — начало.
Расшатываем колья... Затрещало!

Упал забор... Рык, крики, визг... содом!
Верзила, корча рожи для забавы,
Трясет шестом огромным, а на нем
Пеленки... и ребенка труп кровавый...
Марыхна! (Только вспомню, кипятком
Грудь обдаёт поныне...) Боже правый!
Растерзана одежда... взор открыт...
Средь кучи негров мертвая лежит.

Мы обезумели: «Иисус-Мария!»
— Светите им! — Затрата завопил.—
Пусть будет им светло! Они живые
Отсюда не уйдут! — И закрутил
Над головою кол... Он, как стихия,
Был страшен в этот миг — сбивал, разил,
В кого попал, кого задел он жердью,
Тому не встать — тот встретился со смертью.

Набросились... теснят со всех сторон...
Но, как косарь, когда в траву большую
Зайдет средь луга, размахнулся он
Своим колом, и негры — врассыпную!

А Рох, безумным гневом распалён,
Идет и косит их напропалую,
Не прекращая страшную страду
И только кровь стирая на ходу.

Не отстаем и мы. Бойцов в достатке:
За Рохом Баня рушит все кругом,
Взяв что-то наподобье рукоятки
От граблей, а верней железный лом,
Так головы и косит, как початки,
И столько ярости и силы в нем,
Что там, где этот грабельщик пройдет,
Уж никого в живых не остается.

А вот Бугай... в глазах от слез туман,—
Он мертвую Марыхну вспоминает,—
Идет вслепую, рушит как таран,
Отбрасывает, давит, подминает,
Разит, своих не замечая ран,
Кровавую дорогу пролагает
И всхлипывает, сдерживая плач,
Как на поминках выпивший палач.

А дальше шли Гнат Юрко и Журава.
Гнат снизу, как дергач среди болот,
То слева двинет по ногам, то справа,
То голосом истошным заорет:
— А, нехристь! А, собачий сын! Варавва! —
И так же, как охотник узнает
По крику, где в траве дергач укрылся,
Так знали мы, где Гнат и с кем схватился,

Журава же, который, я слышал,
Был цеховым и знамя цеховое
Не раз носил, тот шапку вдруг сорвал
И так-то с обнаженной головою,
Перекрестившись, в руку поплевал
И — ну лупить дубинкой все живое,
При этом прибавляя каждый раз:
«О гос-по-ди по-ми-луй греш-ных нас!»

Так жертву выберет и направление,
А где «аминь» придется, там свой шест
Опустит... Сразу вопли и смятение,
А он опять. Так раздавал окрест
Смерть, как дары святые, во спасенье,
Ударит, сделает широкий крест,
И как-то искоса на небо глянет,
И носом обязательно потянет.

И с ним, как туча, прячущая гром,
Сверкающая, но еще немая,
Секура трупы сбрасывал багром,
Себе дорогу молча расчищая.
Два сорванных с царька пера торчком
Стояли в шапке, страха придавая,
Как адские рога; глаза, горя,
Светились, как два волчьих фонаря.

За ними, поднимая пыли клубы,
Как будто стадо, лавою сплошной,
Сколоченные, как колоды, грубо,
Шли прочие — весь полк наш остальной.
Все в ход пошло, и кулаки, и зубы,
Народ уже сражался, как шальной...
Так двигалась могучая громада,
Сметая все, как воды водопада.

И только Дудек, бросившись на грудь
Своей Марыхны мертвой с диким стоном,
Не пожелал освободить им путь,
Не отступил пред грозным батальоном,
И только к трупу он успел прильнуть,
Как был потоком схвачен непреклонным,
Едва издал последний страшный крик,
Как был растоптан насмерть в тот же миг,
.

Но тут я кликнул Зембу на подмогу
Да Бандыса и с ними порешил,
Что сзади мы отрежем им дорогу.
Так, скрыты тьмой, врагу зашли мы в тыл,

Да как пошли рубить, во славу богу!
Мы сзади жмем, Рох спереди стеснил,
Тут в стороны как брызнут эти бесы,
Точь-в-точь творог отжатый из-под пресса.

Рычат, на трупы падают, скользя,
На раненых в потемках налетая...
А в небе уж луна открылась вся,
Огромная и кровью налитая,
Как будто адским пламенем грозя,
Побоище ночное освещая...
Земля и небо были точно ад...
И нас взбесил кровавый этот чад.

И так нас в этой битве отравили
Вонь трупная и запах кровяной,
Что мы, влетев на фольварк, все разбили,
Разрушили мгновенно и в ночной
Помчались город. Было четверть мили
До города. Летим, как вихрь степной,
Бить, убивать, разрушить все преграды,
Пусть сгинет все! И пусть не ждет пощады!

Рох во главе, как шалый бык, вперед
Летит, шестом ужасным потрясая.
За Рохом следом остальной народ,
Дорогу факелами освещая,
Голодный, озверевший, полем, вброд,
Несется, точно буря громовая,
Полученных не замечая ран,
От бешенства и крови точно пьян.

.

Но негры в город первые домчались.
По городу уже тревога шла,
Когда огни пожара показались.
Заколыхались все колокола,
И горожане сонные собрались
На площади костельной, что была
Освещена луной,— к нам со ступеней
Шел ксендз навстречу в полном облачении.

И мы остановились перед ним,
Как будто от удара громового...
И ксендз остановился... Так стоим...
Ксендз поднял крест, но не сказал ни слова,
И под луной сиянием благим
Блеснула мука страшная Христова...
Распятый нас благословил Христос...
И хлынули из глаз потоки слез.

Господы!.. Господы!.. Спаси нас и помилуй!
Не дай погибнуть нам в земле чужой...
Сироты мы... Храни нас вышней силой!..—
Так, стучаясь о землю головой,
В слезах громада господ просила
О помощи... Серебряной тропой
Крест удалился. Тут я крикнул людям.
Сквозь слезы:— Все в костел! Молиться
будем!

И так громада медленно пошла,
И ясный крест нам освещал дорогу.
Идем, а все нам бьют колокола...
Вот подошли к священному порогу,
Молитва грянула и потрясла,
Как душ, летящих к божьему чертогу,
Стон: «Kyrie eleison!..» — в смертный час
Последний крик: «Господь, помилуй нас!..»

Ксендз на колени встал. Глядел на бога.
Не шевелился строго сжатый рот.
А на полу от самого порога
В смиренье распростершийся народ
Лежал, как бесконечная дорога
Из Лазарей отверженных, сирот,
Здесь обратившихся в живые сходни,
Чтоб лечь смиренно под стопы господни.

Но схлынул жар. Ксендз обратился к нам
(Ксендз был поляк, по имени Благота):
— Мерзавцы! Душегубы! Стыд и срам!
С ножами к спящим людям лезть в ворота!

Грозить поджогом! Видно, дьявол сам
Вселился в вас! Громить пришла охота?
Хотели поживиться чем-нибудь?
На исповедь! Все кайтесь! Бейте в грудь!

И тут Благота, нас не ожидая,
Крестом раскинул руки, как Христос...
Его лицо, как туча грозовая,
Гнев омрачил... Но вихрь, что в сердце рос,
Наружу вырвался... И, все сменяя,
Вдруг полились потоки светлых слез,
И гнев погас. Так ливень серебристый
Все тени смысл своею влагой чистой.

И ксендз сказал:— О ты, что всех светлей,
Ты, польская земля! Моя святыня!
Ты в трауре невспаханных полей
Скорбишь о детях... хатами пустыми...
И черными решетками плетней...
К тебе я обращаюсь на чужбине,
Тебе, тебе, кусок родной земли,
Как богу исповедуюсь, внимли!

И той ограде, что дает мне силы
Бороться с вихрем, золотым снопам
На крыше хаты, что благословила
Десница божия... И вам, и вам,
Священные отцовские могилы,
В которых не лежать моим костям...
Псу прикажи — тот сдохнет на пороге...
Я ж бросил край родной... забыл о боге!

Любил тебя не так, как должен был...
Тебя я продал, как торгош проклятый...
Не воевал я из последних сил
За край мой милый, на кресте распятый...
Я клятвы не сдержал... Я изменил
Земле своей... Ушел с порога хаты,
Что кровь от крови и от плоти плоть...
Прости мне грешному!.. Прости, господь!..

И в грудь себя ударил в страшной муке...
И, точно сотня молотов, в тот миг
Все эти крепко стиснутые руки
Удар тот повторили... Легкий крик
Раздался. Своды подхватили звуки,
Умножили... И так рассвет проник
Под своды, заблестев лучом утешным.
А мы шептали:— Да прости нам, грешным...

V
В ПОРТУ

1

.
Порт был велик. Но только утром рано
Открылся нам в лучах простор морской,
Где корабли, как копны-великаны,
Темнеют над равниной голубой.
Суровая распашка океана
Делила мир блестящей бороздой,
И он двумя огромными пластами
По сторонам ложился перед нами.

И как калека, различив вдали
Святыни остробрамской галерею,
От радости забыв про костыли,
Перекрестившись, падает пред нею,
Так мы, придя к преддверию земли,
Не в силах сладить с радостью своею,
Счастливые, не помнили себя...
Желанный путь! Приветствуем тебя!

...О ты, что звало нас через пустыни
Мучительными криками тоски,

Когда душа в потрескавшейся глине
Иссохших тел дробилась на куски,
О ты, что звало нас, чтобы отныне
Нас довести до гробовой доски,
До тихой смерти там, где ясны зори,
До милого порога,— здравствуй, море!

...О ты, что встало синею стеной
Меж нами и родимой нашей хатой,
А ныне бьешь воскрылий белизной
От самого восхода до заката!
Я, пасынок, я, нищий люд босой,
Познал тебя от пены розоватой
До черных недр, где в зелени зыбей
Оставил я потопленных детей.

...О, слава вам, зеленые ворота,
Которые господь нам растворил,
Чтоб за плетень родной, среди болота,
Схватились руки из последних сил.
Ты видишь — мы, мешая слезы с потом,
Покрытые узлами черных жил,
Пришли сюда, чтоб встретить эти зори,
Как сладкий луч надежды... Здравствуй,
море!

...Пускай твой вал рокошет надо мной,
Неси меня средь плеска и тумана...
Взгляни, я Лазарь нищий и больной,
Взгляни, я весь — одна сплошная рана...
Сквозь бездорожье, сумерки и зной
Я шел сюда к земле обетованной,
Но я бегу от этих берегов —
В чужой земле я не принес плодов!

...Я человек из-под другого неба,
Другая родила меня земля.
На что мне мир? Сказать по правде, мне бы
Жужжанье пчел, да вербы, да поля...

Я сроду не искал чужого хлеба,
Среди чужих дорог не брел, пыля,
И не искал чужих богатств, кочуя...
На что мне мир? Своей земли хочу я!

...Хочу домой!.. Ты парусу вели
Нести быстрее мой дух многострадальный.
Я есмь народ — я пахарь без земли,
Я есмь народ — кузнец без наковальни...
А там у нас кричат коростели,
И мать глядит в простор полей печальный...
Неси меня вдогонку за волной
На четырех крылах... Хочу домой!

.
Мы в порт вошли. Сидел он, раскорячась,
На той реке, что нас сюда вела,
Аукала, в камыш высокий прячась,
И, словно из кипящего котла,
Взметала брызги, тешась и дурачась,
Чтоб здесь, раскрыв два вспененных крыла,
Взнуздав течение, в море бить с разбега,
Накрывшись пеной, что белее снега.

И глядь — в узде! Дрожащие бока
Пришпорил мост железными клещами.
И вот уже подпруги рвет река,
Выплескивает пену меж столбами,
Стараясь сбросить наземь седока
И дико потрясая удилами,
И привыкает к ноше наконец,
Как силой прирученный жеребец.

И было любо с берега крутого
Глядеть на эти башни и сады.
Тот берег лег широкою подковой,
И улицы спускались до воды
И, друг за другом возвышаясь снова,
Шли вверх их полукруглые ряды.
И дым такой густой из труб клубился,
Что окорок, и тот бы прокоптился.

И что за славный выдался денек!
Такой у нас бывает в день Иванов.
Погасли звезды, что господь зажег,
Чтоб различать дорогу средь туманов,
И кораблей покоился венок
На равнодушных волнах океана,
Что, словно овцы, белые, как снег,
Бежали к нам, покинув свой ночлег.

.

В то время ярмарка была. Кипела,
Как кипяток. Едва в толпу вошел,
Уж берегись, чтоб ребра были целы,—
Жмут, давят, лезут, площадь, как котел,
Бурлит. Смешалось все — с холстиной белой
Коровья шкура, шерсть, сукно и шелк,
Татуировка синяя на теле
Блестит, как яйца на святой неделе.

А крик! И каждый тащит, держит так,
Что не уйти, зовет, а ты, как пьяный,
Стоишь, глаза таращишь, как дурак,
А тот все держит за полу сукманы...
А чуть заметили, что ты простак,
Так выставят, что вывернешь карманы!
Нет, иначе нельзя в котле таком,
Как только палкою да кулаком.

Кричу:— Не расходись! Валите клином! —
И сразу перекликнулся народ.
Я впереди, за мною Рох с Марцином,
Прут, как бугаи, головой вперед,
Не раз прошлись по скулам и по спинам,
И не один зевака в переплет
Попал, и не один лоток свалили,
Пока себе дорогу проложили.

Тут нас вела счастливая звезда.
Попав на площадь, мы свернули вправо,
Как мелкая плотва в реке, когда
Валит всей кучей, как живая лава.

Идем, в пыли, в лохмотьях — а куда,
Не знаем сами,— дикая орава,
Как стадо, что нашло в заборе брешь...
Вдруг крик: «Стой! Чтоб вас... Вошь тебя
заешь!»

Тут отрезвел я. Будто бы мне меду
На сердце капнули... душа поет!
Гляжу — на площади, где тьма народу,
Меня, схватив за лацканы, трясет
Мазур какой-то... Обнял, как колоду,
Лицо горит, а сам чуть не ревет,
Кулак подносит к носу здоровенный:
— Брат милый... Господом благословенный!..

И не спросив: откуда, что и как,
Мазура поспешил в слезах обнять я,—
Мазур иль не мазур — ведь он поляк!
И тут пошли расспросы и объятья,
Мы землякам обрадовались так,
Как, встретившись, не радуются братья,—
Когда мы от отчизны далеки,
Нам и родных дороже земляки.

И все смешались в кучу. Боже милый!
Как бухнем всей душой, как ливень с туч,
Да как об землю шапки кинем с силой!
Как слезы засияют, точно луч,
Вдруг освежая лик людей унылый...
Да, правда, ты б скорей заткнул тот ключ,
Что бьет из-под земли между камнями,
Чем голос сердца — этими слезами!

Великое, знать, дело эта вот
Душа простая, та, что дал народу
Родной загон,— как круша, этот плод
У всех один, так в род идет от роду...
Подумать только! Кто ж тут разберет?
С ним хлеба не ломал я,— не пил воду,
А только встречусь с польским мужиком,
От радости почую в горле ком.

И тут во мне забился каждый атом —
Почуял род отцовский... Вот те на!
Хоть лезь из кожи, а у брата с братом
Одна молитва и душа одна!
Разрубят? Как заноза в суковатом
Корявом пне вырастет и не видна,
Пускай топор дойдет до сердцевины,
Срастутся снова обе половины.

Смотрю по сторонам: кули, тюки,
Возы с решетками, телеги, фуры,
На лошадях висят с овсом мешки,
Повсюду поросята, гуси, куры,
Блестят сукманы, яркие платки,
Проходят краковяки и мазуры,
И все это пестрит, блестит, снует,
Сливаясь в бесконечный хоровод.

И говорят все разом. Так весною
Взрываются ручьи, ломая лед.
Завороженный этой суетнею,
Здесь всякий тормозит, кричит, зовет,
Спешит, плывет, подхваченный волною,
И, только отерев обильный пот,
Ты к суете и гулу привыкаешь
И кое-как два слова разбираешь.

В сторонке, среди бабьей толкотни,
Кос Марцин и Бугай держали речи.
И только скажут что-нибудь они,
Как бабы в изумленье вскинут плечи,
Всплеснут руками, а в глазах — огни...
Народ, что был до сердца искалечен,
Привитый, как росток, к чужим корням,
Почувствовал, как ноет старый шрам.

Сквозь эту черствость, что ему досталась
От пня чужого, в глубине волной
В нем поднялась разбуженная жалость,
Тоска по хате, по земле родной;

Словечко, взгляд, поклон — любая малость —
Разбередили раны кровь и гной,
Да так, что даже в этой суматохе
Послышались стенанья, плач и вздохи.

И так мы, нищие, что не могли
Найти в котомке даже корки черной,
В подарок пищу сердцу принесли...
И засухой измучены, покорно
Пред Лазарем хозяева земли
Стоят и алчут влаги животворной,
А Лазарь в росы палец обмакнет
И богачу кропит горячий рот.

• • • • •

Но Кос, став на ведерке меж возами,
Облокотясь на клетки и мешки,
Понюхал воздух, посверлил глазами
Все эти торбы, бочки, узелки,
Лотки с колбасами и пирожками,
Да вдруг как крикнет:— Братцы! Земляки!
Спасайте от голодной смерти... Я бы
Хоть камень съел...— Засуетились бабы.

Вмиг появились булки, колдуны,
Объемистые белые буханки,
Сыры, колбасы, ломти ветчины,
Сметана, яйца, пироги, баранки...
Мы были этим ошеломлены —
Как будто на скатерке-самобранке
Вдруг появились яства без числа,
И сила в наши кости прилила.

Журава взял обеими руками
Буханку хлеба и к груди прижал:
— Хлеб милый... ты блеснул тут перед нами,
Как солнце в небе...— Тут он замолчал
И захлебнулся сладкими слезами,
Которые с усилием заглушал
В себе. И вот, смахнув слезу рукою,
Заговорил, как будто сам с собою:

— Запахло от тебя деревней, хатой
И дымом можжевельным, в тепле,
Когда Марысь вперегонки с Ягатой
Раскатывают хлебы на столе
И, взяв их освященной лопатой,
Сажает в печь... И валенцы вrole
Пекут, и сушат мокрую посуду...
И хлебный дух разносится повсюду.

Ты богом сделан пищей первородной,
Мы силу черпаем в тебе одном!
Не только тело, дух наш там голодный,
Где ты не пахнешь полем и зерном...
Благословен ты, господу угодный
Хлеб, и рука, чертящая на нем
Крест, перед тем как дать по ломтю детям...—
Умолк и нож достал. и, вслед за этим

На хлебе сделав крест святой ножом,
Отрезал ломоть... Вспомнив на чужбине
Свою отчизну и родимый дом,
Он все уже теперь считал святыней
И видел все, как будто за стеклом
В лучах луны, когда и жерди в тыне
Нам кажутся красивей всяких роз
Сквозь серебро умильных наших слез.

И так мы со слезами хлеб ломали,
Деля, как просвиру... И, право, тот,
Кто никогда не странствовал, едва ли
То наше состояние поймет!
А мы все это сами испытали.
Тут стал на мостовую наш народ
Вокруг возов садиться, в восхищенье
На царское уставясь угощенье.

И сразу смолкли говор, смех и крик,
И стало тихо, точно в божьем храме,
Лишь за щеками чмокает язык
Да челюсти жуют, хрустя зубами.

• • • • • • • • • • • •

— Не будем, братья, спорить — день иль два
Не вечность, отдохнуть мы будем рады,
Ведь перьев не убудет на щегле,
Коль посидит немного на ветле!

Хотел еще прибавить — слышу... Боже!
Рычанье... Вижу: рядом сена воз,
Над ним Секура... аж мороз по коже...
Рычит, уткнувшись в сено... И от слез
Трясется весь... Спина от этой дрожи
Вся ходит ходуном... Спаси Христос!
Под ним уж подгибаются колени...
Рычит, как зверь, лицо упрятав в сене...

Почуял! Наши пашни... сенокос...
И запах трав над росными лугами...
Заслышал, как бренчит на ветке дрозд,
Скворцы щебечут, скрытые ветвями...
Так он стоял, обняв руками воз,
Зарывшись в сено... только временами
Вдруг испускал звериный страшный крик,
Не в силах подчинить немой язык.

Тут кинулись к Секуре из громады,
Но я не разрешил ему мешать —
Пусть плачет. Пусть натешится. Так надо.
Гляжу, уж он перестает дрожать,
Уж поднял голову и диким взглядом
Глядит, как будто силится понять,
Как человек в минуту пробужденья,
Все это явь иль только наважденье?

Тут забурлило, как ручей весной,
Народ вокруг заохал, зашептался:
— Что с ним случилось? Отчего немой?
Не сглазили ли? — Каждый удивлялся,
Вздыхал, кричал, и вскоре гвалт такой
Пошел, что я не выдержал, поднялся
И подошел к Секуре: — Полно, брат,
Приди в себя... Все на тебя глядят...

Но тут седой мужик, что молчаливо
Стоял у воза, опершись на кнут,
И слушал говор, что шумел, как пиво,
Стихал и вспыхивал то там, то тут,
Подул в усы и молвил:— Что за диво!
Мне тоже спать виденья не дают,
Лежу, до света глаз не закрывая,
И видится земля мне, как живая.

Тут натаскался с плугом, надо спать,
А предо мной как будто кто картину
Нарисовал... Вот луг заречный... гать...
Все вижу: двор мой, хлев, сарай, скотину...
Вот хата, на стрехе гнездо видать...
Стол, лавки... Вижу старую рябину,
Дубы и вишни... Поле с ковылем...
И во дворе колодец с журавлем...

И все это кричит, жмет, душит с силой,
Как привиденье, севшее на грудь...
Так все и бросил бы, и край постылый,
И новый дом, взял крылья бы и — в путь
Поплыл... Так связан ты с землею милой,
Как на веревке держит, не шагнуть!
Пятнадцать лет живем здесь, уж пора бы...
А не пускает...— Тут вступили бабы:

— Уж мы собрали денег котелок,—
Служили мессу, к доктору ходили...
И — ничего! Дал доктор порошок.
А что? Вот мой старик, как мы отплыли
От тех границ, как будто занемог,
Все бредит, бредит, чем мы ни лечили...—
А тут мужик:— Душа болит с тоски...
Так что мне доктор! Что мне порошки!

Бывало, одевались тут, как дома,
В кафтан куявский. Так ходил народ.
А что теперь? Отдашь сукно портному,
Так пуговицы к фалдам не пришьет,

Не знает: что — куда... Их по-иному
Кроить учили, задом наперед...
Так в пиджачке и ходишь, точно немец...
Тьфу, срам! Бывало, баба полотенец

Наткет, скатерок, плахты, полотна...
А тут все покупай, тряси мошною...
Хоть, правда, полная у нас мошна,
Но все богатства кажутся мечтою,
Как в сказке: тут пшеницы ларь без дна,
Тут сундуки с начинкой золотою,
Стал Бартек паном, господи прости,
Очухался — блевотина в горсти!

Тут речь его другие перебили:
— Мир колесом идет, и мы на нем.
Что зря болтать? Мы их заговорили!
Садитесь лучше, в гости повезем.
Пора уже, отсюда больше мили
До ферм! (Хоть здесь, на языке чужом,
Дороги измерялись не на мили,
По-старому поляки говорили.)

Тут Касю окружила бабья рать,
Ребенку все дивились, причитали,
Расспрашивали с любопытством мать:
Когда и где родился? Как вначале
С ним было? А не слабый ли? Как звать?
Крестили? Где? На корабле? Едва ли
Крестины ксендз признает... Вот беда!
На море? Не признает никогда!

Ох, тяжело здесь!.. Ксендз и епископ — оба
Здесь из кабоклов... Как начнет писать
Ксендз метрику тебе, а ты попробуй,
Не выложи на стол хоть миле пять,
Так он по карте так черкнет со злобы,
Что после нипочем не разобрать,
Чего он нацарапал — то ли Павел
Ребенка звать, а может быть, и Гавел!..

— А что ему-то? — Кася им в ответ.—
Нам тут не жить, ни за какие тыщи!
— Ну, что малыш? Так с мамкой целый свет
Исколесишь? А где найдешь жилище?
Гляди, смеется!.. Тот, кто нас от бед
Хранил доньше, кров давал и пищу,
Спасет и дальше от нужды и слез,
Отец небесный наш, Иисус Христос!

Вздыхнула. А за нею остальные
Вздыхают и качают головой.
А на груди кораллы дорогие
Позвякивают, шелк скрипит тугой,
Пестреют ленточки, платки цветные,—
Одна она, как цветик полевой,
Босая, с непокрытою косою
Стоит, отмечена одной красою.

Но тут какой-то толстый паренек
Как заорет:— Садиться так садиться! —
Все зашумело:— К нам! К нам на борщок!
К нам на гуся! Пожалуйте, сестрица!
Покорно просим! Залезай, сынок!
Тпру-у, леший, стой! Дай людям погрузиться!
Поехали! Стой там, иди сюда!..—
И тронулись возы не без труда.

.
— Тут все до одного у нас Бурняки,—
Но каждому мы прозвище даем...
Всем родом так и двинулись, как птахи,
Когда летят на свадьбу... Так живем.
Деревню основали здесь: Родаки.
Земля на диво, добрый чернозем.
Но здесь другой уклад и речь другая...
Пока поймешь, стоишь, как пень, мигая.

Налог большой. Но нынче времена
Хорошие. В год по два урожая...
И всякие шпаркасы там, казна,
Не очень беспокоят. Часть другая

Лес корчевать пошла — та часть бедна,
Те впроголодь живут, нужда большая!
А нас тут, не соврать тебе, земляк,
С полсотни. Управляемся кой-как.

Так говорил толстенный мужичина,
Сося чубук и выпуская дым.
А уж сквозь пыль блеснула луговина
И вдоль дороги домики — глядим,
Обсажены деревьями вдоль тына,
Со столбиками каждый и с большим
Крыльцом, и украшений много всяких...
Мужик обвел рукой:— Вот и Родаки!

Тут, как на свадьбе, стала молодежь
Кричать:— Огня на пакле!— Да бичами
Как стукнет оземь, аж по телу дрожь,
А эхо как аукнет за горами,
А птица как взлетит! Такой галдеж
Пошел — кудахчут куры за кустами,
Гогочут гуси, а из-под ворот
Собаки лают, пыль столбом встает!

Тут нас на фольварк привезли богатый,
И вот хозяин сам, оставив воз,
Пошел открыть ворота. А из хаты,
Из сада, хлева, бросив кур и коз,
Уже бежали челядь и ребята,
Узнать, каких гостинцев он привез.
А тот:— Пожалуйте! Откушать с нами!
Эй мать, давай борща нам с пирогами!

И тут мы слезли. Господу хвала!
Вот все гостей по вкусу выбирают,
Бурняк-Фиала и Бурняк-Смола
Уж Касю друг у друга вырывают,
Бурняки-Грады тащат, чтобы шла
Обедать к ним, а Врона приглашает
Затрату, Козырь — Бандыса схватил...
Так весь поселок двери нам открыл.

Но самая большая часть осталась
У Сквары. Был мужик он деловой,
Бывалый, вежливый, как оказалось,
Начитанный и умный, чуть не войт.
Ну, слава богу, все растасовалось!
Тут разговор пошел у нас живой,
Про то, про се толкуем, тары-бары,
И выпили на счастье — мы и Сквары.

Смотрю: вот роскошь-то у мужика!
Пол, как стекло, блестит, на окнах шторы,
Часы с кукушкой, вместо ночника
Подсвечники, на дереве узоры,
А на кроватях аж до потолка
Перины, а подушек прямо горы!..
Шкафы, комоды,— а уж чисто так,
Что плюнуть негде, разве что в кулак.

Подобных горниц не видал я, право,
У брата-ксендза разве (он живет
На Гродской, в самом Кракове, направо,
У звонницы, под аркою ворот,
Пан Бальцерский). Ну, что же честь и слава
Хозяину, — как видно, дом ведет
Умело он. Все чисто, все опрятно,
Добра полно. Смотреть и то приятно.

— Не мало попотел я, милый брат,
Пока поставил дом,— сказал мне Сквара,—
Но пусть дорогу мне позолотят,
Обратно не пойду, хоть от пожара.
Отведал воли! Никакой ландрат,
Ландплюдер, не заманит... Мы не пара.
Ха! Польша, говоришь? Родной очаг?
Да что он мне, коль правит там пруссак!

— Да плюньте,— говорю,— черт с
пруссаками!
Лишь веру бы не трогали. Поляк
Иметь не только шапку, брат, с рогами,
И душу должен... Все же, как-никак,

Ваш род в тех землях сеял хлеб веками...
Придет пора... Не вечен и пруссак!
Придет счастливый год, беду развеет...
Где бор стоял, вновь бор зазеленеет.

Уж дымился борщ, свой аромат
Заманчивый везде распространяя,
Когда влетело четверо ребят,
О чем-то оживленно рассуждая,
Все чистенькие, с головы до пят,
И белые, как лен.— *Бом диа, пае!*
Есть, *мае!* — хором четверо кричат,
Да так, что на зубах слова трещат.

Тут Сквара крикнул,—от смущенья, что ли,—
И сделал знак ребятам сесть за стол.
— Чужому языку здесь учат в школе.
А что же делать? Нет тут польских школ...
Но разум крепкий. Так не все одно ли? —
Тут разговор я быстро перевел,
Спросил:— А как же вас зовут, ребята?
— Я Жуко! Карло я! Анунциата!

— Тьфу!— сплюнул я. Хоть смейся тут,
хоть плачь,
Над этой речью, чуждыми словами
Истыканною густо, как калач
Бобами... Ну и что тут, в этом гаме,
Орадай польский, пусть ты тут богач,
Пускай зерно везешь в амбар мешками,
Да что все это значит, если тут
Тебя родные дети не поймут!

Нет в целом мире языка такого —
Ведь матери ли «мать» иль брату «брат»
По-польски скажешь, так и вспыхнет слово,
Как от цветка польется аромат!

Ведь и Христос охотней, чем другого,
Поляка слушает. Он, говорят,
Сам говорил по-польски, воскрешая
Из мертвых, наш язык предпочитая.

Ведь были короли — не то что граф
Какой-нибудь, а сам король на троне! —
По-польски говорили: Болеслав,
Потом Локеток был, был Пяст в короне...
С Марьяцкой башни — или я не прав? —
По-польски позывные в нашем тоне
Поют... А «Святый боже», наш псалом,
Быть может, не по-польски мы поем?

Так думал я, вылавливая сало
С галушками из жирного борща.
А чувствовал, что злость меня забрала,
И жалость ныла, сердце горяча.
Притихли бабы, с ложками немало
Намучились, о край горшка стуча,
Пока рука моя усы обтерла
И носом шмыгнул я,— мол, сыт по горло.

И чувствую, что весь внутри горю,
Так высказать хочу, что мне обидно...
— А по какому же календарю
Ребят крестили? — Вижу Скваре стыдно:
— По католическому? — говорю.
А тот башкой мотнул.— Оно и видно,
Что не по-польскому! Сомненья нет!..—
Но тут Бурняк-Козера, их сосед,

И Рох вбежали в дом и закричали:
— Эй, Сквара! Сводим в поле мужиков!
Хотите? — Тут мы ложки побросали,
Хоть пар еще дымился из горшков,
И, с шумом отодвинув лавки, встали
Из-за стола. А те:— Мы вдоль стогов
Пойдем сначала в росу мимо пашни,
Потом в луга, смотреть покос вчерашний!

Так двинулись всей кучей. Среди нас
Лишь не было Секуры. Он остался.
Так этот страшный плач его потряс,
Что он на лавку лег и точно сжался,
Не закрывая воспаленных глаз.
Его трясло. Казалось, в нем сломался
Какой-то стержень. Он пылал огнем,
И что-то с силой клокотало в нем.

Идем. Хоть я не понял, что такое
Их «роса» — тут не сразу все поймешь.
А от деревни весело толпою
Идут Бурняки вслед, всё молодежь,
Такое племя крепкое, литое,
И обухом таких не прошибешь!
Ты только дай такому в руки косу,—
Пойдет плясать! Итак, пошли мы в «росу».

То лес был. Но не чистый, не такой,
Как наш, где на подстилке хвои ржавой
Стволы сверкают яркою корой.
Здесь всё опутали густые травы,
Всё сеткою переплели живой,
И лес стоит уродливый, корявый,
Деревья, тщетно рвущиеся ввысь,
Не могут здесь свободно разрастись.

...Гей, Междуречье, лес родного края!
Насколько ты просторней и стройней,
Иная стать твоя, краса иная,
Листва твоя свежей и зеленей!
Не раз под вечер, солнце провожая,
К тебе, как в храм, меж столбиками пней
Я шел и слушал — чаща мне играла
Мелодию органного хорала.

Есть мудрость в каждом голосе земли,
Но мне всегда казались чудесами
Те звуки, что проносятся вдали
Над польскими дремучими лесами.

Прислушайся, их музыке внемли —
Лес говорит живыми голосами,—
И если нет на совести пятна,
Глас бога нам доносит тишина!

.

Тут с гуканьем, как будто шла облава,
Гурьбой вбежала в чашу молодежь.
У нас уж не один бы заяц в травы
Шмыгнул или в кусты, а то и в рожь.
Тут — ничего. Лишь детям для забавы
Мы гада подняли. Он был похож
На ящерицу, весь переливался,
Шипел, топорщил спину и плевался.

И детвора взяла его в село.
За рощей точно солнце пламенело,
Так было золотисто и светло,—
Там поле кукурузное блестело;
Как будто войско — сабли наголо́,
Сверкают каски, роты в миг прицела
В готовности застыли боевой...
Мы в зелень окунулись с головой.

Смех прокатился, пестрых птиц пугая,
Что здесь не так известны, как певцы,
Зато краса и яркость их такая,
Что что́ там снегири или скворцы!
Так шли мы, кукурузу раздвигая,
Как по воде. Вот так в реке пловцы
На глади оставляют след мгновенный,
Украшив волны бороздою пенной.

Но Сквара наш отстал от земляков.
И тут мы по душам поговорили:
— Здесь есть руда. Шесть наших мужиков
В шахтерской школе, в Жерасе. На милю
Медь тянется. Так вот наш план каков:
Весь капитал свой вложим, так решили,
Чтоб промыслы вести своим умом.
Откроем шахты. Немцев обойдем!

Тут в городе их тьма. Сброд некрещеный!
Везде суются... Только и следят,
Где что урвать! Сейчас же — в компаньоны,
В начальники!.. А нам на кой их ляд?!
Вот гукнем этой милости ученой
Из шахты: «Гутен морген!» Так съедят
Сто пар чертей рогатых! Вот вам «хамы» —
А разум как у вас, такой же самый! —

Тут щеки он надул. — А знает всяк:
Где разум — там и деньги и угожья!
Вот и молчим, чтоб не попасть впросак,
Придут шахтеры — тут их благородье
Пускай идут, посмотрят, как поляк
Наладил штольню... Чертово отродье!.. —
И он с трудом дыханье перевел,
Как видно не на шутку был он зол.

— Ну, что же, дай вам бог! — я вставил
слово. —

Хоть ново это все для мужика,
Он хлеба сроду не искал иного,
Чем из земли, — а тут из рудника!
Но время новое, не та основа,
Промышленность... — И тут из тростника
Донесся шум... Я крикнул: «Хоп!» Мы стали.
И голос, как в лесу, понесся в дали.

И видим — стадо. Но не разберешь —
Как будто серны, может и олени, —
Вожак весь черный, до чего хорош!
Глаза, как звезды. Здесь искали тени
Животные. Хотела молодежь
Спугнуть их, но стоявший в отдаленье
Хозяин наш им сделал знак рукой,
Чтоб нарушать не смели их покой.

Тут дети молча на колени встали,
Сквозь стебли кукурузные глядят...
И золотые отблески упали
На головы льняные... Чистый взгляд

Был устремлен вперед. Они молчали.
Так встретились глаза двух божьих стад,
Вот так когда-то радостно и прямо
В раю глядели звери на Адама.

— Хотели мы тут все пустить под рожь,
Да для хлебов земля не даровита,—
Сказал нам Врона,— много не сожнешь!
— А Хшонст вот пашет, и живет, брат,
сыто.—

Вмешался Калет.— Пашет! Ну так что ж?
Сам знаешь, Хшонст не может жить без жита,
Хоть дом железом крыт, он, как шальной,
Твердит — соломы дай ему ржаной.

На это Сквара:— Так уже бывает,—
Как разум свой направил человек,
Так, где б он ни осел, не забывает,
По-старому свой доживает век,
Не смотрит, что быстрее тут поспекает,
Само растет, само дает побег,—
Развалит все, не пожалев силенок,
Чтоб сеять то, к чему привык с пеленок.

А это что?..— И вдруг как закричит:—
Ведь говорил я сукиному сыну!
Эй, Витек! Слышишь? Воз упрямый жид!
Что ж, мне сидеть с тобой, стеречь скотину?
Смотрите вы — качается и спит,
Наверно, хочет угодить равнину!
Вот бестия! А скот пока окрест
Где хочет ходит и что хочет ест!

И чувствую — глаза мне застилают
Слезам... Все как у нас! Разбрелся скот,
В тени пастух разлегся, отдыхает,
А тут хозяин на него орет!
Ах, милый мой мужик! Он сам не знает,
Как много он своей земли берет,
Когда его по свету гонит доля:
По-нашему бранится, пашет поле

Под жито, всем советам вопреки.
Эх, дай вам бог за этот свет знакомый,
За польский дух родимый, мужики!
Где крыша — вам уж чудится солома...
Пастух сидит — и, сжавши кулаки,
Вы черта поминаете, как дома...
Пусть эти «росы» осчастливят вас
И пусть судьба сторицей вам воздаст!
.

К закату шло, когда мы возвращались,
Пройдя конюшни, ток, гумно и луг.
Последние лучи с землей прощались,
Все глубже солнца алый полукруг
Куда-то погружался... Растекались
Его огни и утонули вдруг.
И мир погас внезапно, как задутый.
И мрак воспрял — он этой ждал минуты.

И, силой новою побеждено,
Все замолкает: зверь, скотина, птица.
И мы умолкли. Уж вокруг темно.
Небесный свод блестит и золотится —
Ночь звезды рассыпает как зерно,
Но стоит только месяцу явиться,
И звезды гаснут. Уж заря близка.
Ночь здесь стремительна и коротка.

Тут вскоре подошли к нам остальные,
Свой шумный продолжая разговор.
В миг хвороста Бурняки молодые
Из рощи принесли, зажгли костер,
И тени отодвинулись ночные.
Уставив на огонь тяжелый взор,
Кубина села; мы расселись кругом,
Как на пригорке конюхи над лугом.

Эх, если б ксендз сказал с амвона мне,
Что я все эти свитки и сукманы
Увижу на обратной стороне
Земли, что бросит пашни и поляны

Народ, что будет тронут до корней,
То я подумал бы: «Наверно, пьяный!»
Да между глаз как дал бы кулаком,—
Пускай вперед не треплет языком!

Но Сквара наш, что о своем достатке
Любил поговорить, сказал:— Хоть здесь
Нам нечем торговать, да все в порядке,
Всего у нас в хозяйстве вдоволь есть,
Полны и закрома у нас, и кадки...—
Тут Град-Бурняк:— Всего не перечесть!
Уж лучше пусть пан Бальцер нам о Польше
Расскажет! — А громада:— Да побольше!

А я:— Да что ж сказать вам, земляки,
Хорошего? Вестей хороших нету.
Не зря вы, бросив вербы у реки,
Вить гнезда новые пошли по свету.
Беда! Еще те зори далеки,
Которые, по древнему завету,
Развеют тьму. Пока блеснет восход,
Земля не раз прольет кровавый пот.

И под одним-то паном жить — мученье,
А если трое душат, как тогда?
Тут писарь, стражник давят без стеснения,
А униатам уж совсем беда,—
Венчаться хочешь? Хочешь отпущенья
Грехов? Ксендз не позволит никогда.
Вот так живешь среди такого мрака
И дохни без причастья, как собака!

Тут Врона перебил:— Слышать, приказ
Из Рима вышел, скоро всех отправят —
Есть там Петров амвон, так вот, о нас,
О Польше, скоро ксендз с него объявит...
Все ж бог нас не забыл в тяжелый час!..
А Рох:— Едва ли! Пусть тогда заставит,
Чтоб нас не хоронили, как рабов,
Не вписывали в метрики попов!

Едва ли! Не хочу обидеть бога,
Из Рима к нам и ветер не летит...
Как видно, далека до нас дорога!
Хоть Польша на глазах его горит
От мук... Нас душат в сырости острога,
Нас гонят в снег, в метель... А где наш щит?
Нас мучают — и что? Где голос Рима?
От Рима Польше пользы как от дыма!

Раздался стон. И снова замолчал
Народ, поникли головы в печали.
Вздыхнул и я. Но тут же продолжал:
— Но все же паны крепкие бывали.
Один наместник бога приказал,
Чтоб Польшу все в молитвах поминали,
Весь мир, когда однажды, в трудный год,
Воззвал к господней милости народ.

Так раньше было! А теперь другое...—
А тут Фиала:— Полно о дурном!
Ты расскажи, как лес шумит весною,
Как свежий лист лоснится под дождем...
Да как в корчме справляют пир горою,
Басы звучат, все ходит ходуном...
Как перепелки там кричат из жита...
Как пахнет пашня, росами умыта...

Как заяц скачет между гряд...— Сказал
И засмеялся вдруг, а слезы градом
Так и текут... Потом внезапно встал,
На небо поглядел тоскливым взглядом,
На лоб надвинул шапку, руки сжал
И вдруг шагнул в зияющую рядом
С костром густую призрачную тьму,
Не дожидаясь, что скажу ему.

И тут громаду нашу как прорвало,
Вмиг бабы распустили языки,
Что будто не хватает у Фиалы,
Что все Фиалы сроду дураки,

Что есть село под Вартой, где, бывало,
Индюк, ребенка услыхав шаги,
Ему пройти не даст через дорогу,
И прочее. Когда же понемногу

Стал утихать их бурный разговор,
Старушка с Буга, женщина святая,
На небо устремив свой светлый взор,
Себя крестом широким осеняя,
Запела вдруг — и вот уж на простор
Из высохшей груди, все нарастая,
Поплыли звуки песни в тишине —
У нас пошли мурашки по спине.

...Скитались мы, прошли мы все стихии,
От кривды к правде долог путь и крут,
Пустились силы мы искать такие,
Которые свободу нам дадут.
И с нами шли пророки и святые,
Корабль господень нес несчастный люд...
И вот окончен путь наш несчастливый...
Мы умерли, мы с виду только живы!

...Скитались мы до божьего суда
И к смерти шли, себя вручая богу,
Земля держала нас, несла вода,
Нам сам господь указывал дорогу...
Мы пристани искали навсегда...
И вот идем к родимому порогу...
Семь шкур с себя содрали, как рядно...
Мы мертвецы, мы умерли давно!

...Ты, звездочка, блесни нам в отдаленье,
Явись нам месяц, свет даруя свой,
Хоть слово принеси нам в утешенье
От нашей хаты, от земли родной...
Явился месяц в черном облаченье,
Взошла звезда с поникшей головой...
Закрыты двери хат, забыты нивы...
Мы умерли, мы с виду только живы...

.

Поет. И кажется, глядят из тьмы
Какие-то глаза... И ветер гонит
По головешкам искры средь золы,
То тьму сгустит, то снова уголь тронет
И осветит все черные углы.
И кто-то, кажется, зовет и стонет,
Кричит... И снова гаснет все вокруг,
И только в сердце слышен песни звук.

Светало. Петухи уж возвещали
Погожий день, когда проснулся я.
Уже небесные зарделись дали,
Сиянье дня грядущего тая.
И клубы мрака быстро исчезали
В туманах гор, пятная их края.
Ночь для воров, день — пану отдан строго,
Но утро — мужику дано от бога.

Уж слышен за стеною разговор.
Я встал, оделся, вышел за ворота.
Облив сияньем золотым простор,
Восходит солнце. Вижу — пашет кто-то
Под горкой... Хшонст! Вот, обогнув бугор,
Волы выходят из-за поворота...
— Бог в помощь, — крикнул я. И в тот же миг
Гляжу — Секура мчится напрямик,

Через овраги, не ища дороги,
Руками машет, точно скороход,
Огромные закидывая ноги,
Вот добежал, как Хшонста оттолкнет...
Опешил Хшонст, не ждал такой подмоги,
Стоит... А тот волам как заорет:
— Но-о, вы, малютки! Или захромали? —
Да так, что эхом отозвались дали.

О господи! Заговорил... Свят, свят!..
Аж по спине мурашки... Что за чудо!
Воскрес? Как Петр святой! — Секура!
Брат! —
Не слышит... Пусть же для простого люда

Запишут в книги это, сохранят,
Как из немого горла, из-под спуда
Явились вновь слова у мужика,
Едва за плуг взялась его рука.

А он себя от радости не чует,
Не верит, что послушался язык,
Кричит еще, еще, и взор ликует,
И ходит в горле, как живой, кадык,
И голос нежным голубем воркует:
«Но-о, милые!» Так, весь в лучах, мужик
Идет, пласты бросая чернозема
Куда-то за сиянье окоема.

Я все стоял,— я точно в землю врос,—
И только наблюдал за ним в молчанье.
А он уж плуг вернул, прошел откос
И быстро шел по солнечной поляне,
И венчик рыжих завитых волос,
Давно не стриженных, блестел в сиянье,
Потоком льющим из синевы,
Как нимб угодника вокруг головы.

Стою, а он перебежал дорогу,
Схватил меня, в слезах, трясет... Я сам
От слез с трудом сдержался:— Ну ты к богу!
Эй, осторожно... свалишь ведь к чертям! —
А уж народ сходилсЯ понемногу,—
Мы собирались в путь. Тут мужикам
Стал шапкой я махать, чтоб их дозваться,
Кричу: — Заговорил! Скорее, братцы!

— Секура? Наш? Заговорил? — И тут
Как грянет вся громада:— Неужели? —
А женщины руками как всплеснут,—
Ушам, казалось, верить не хотели,—
Все поздравляют парня, руку жмут,
А он: — Привет вам, братья! В самом деле...—
Тут все его пустились обнимать,
Отпустят на минуту и — опять!

Я крикнул:— Хватит! Прекратите объятья!
Девчат задушишь, слышишь ты, медведь?
Молись-ка лучше богу у распятыя,
Что говорить тебе позволил впредь.—
И только так ему успел сказать я,
Он на колени встал и начал петь
Молитву: «Смилуйся, о боже правый!»
Вот кончил и к столу пошли оравой.

Итак, совет:— Секура, здесь побудь,
Тебе б у Хшонста пахарем остаться,
Ведь нам еще по морю длинный путь,
Еще до суши сможем ли добраться...—
Но он сорвался:— Нет! Уж как-нибудь!..
Хоть бы в наем... не оставляйте, братцы!
Я с вами... пусть дойдет хоть до сумы...—
Тут завтракать поспешно стали мы.

Еще гремели ложки и посуда,
И миски не успели унести,
Когда, желая вырваться отсюда,
Секура первым поспешил уйти.
Тут Град достал фаянсовое блюдо:
— Спешите? Что же, доброго пути.
На счастье вам... не то, что в виде дара...—
И талер положил. Другой дал Сквара.

Так с блюдом обошел он полдвора,
И братья нам бросали вспоможенье,
Кто сколько мог. И даже детвора
Свои отдать спешила сбереженья,—
Положит малый горстку серебра,
А сзади мать шепнет — и он в смущенье
Повторит вслух, уставив взор в порог:
— На возвращенье в Польшу... Дай вам бог!

И тут Бугай дрожащими руками
Достал большой кошель,— он был пустой,
Как без птенцов гнездо,— набил деньгами
И спрятал.— За поступок ваш святой

Бог вам воздаст...—сказал он со слезами.
А в это время узелки с едой
Совали бабы нам, а у калитки
Для нас девчата рвали маргаритки.

Мы двинулись — уж не терпелось нам.
И долго слышалось еще за нами:
— Там кланяйтесь от нас полям, лугам...
Дубам и вербам... Нашей зорьке ранней...
И жаворонкам нашим, и скворцам,
И всякой там травинке на поляне...
Благословите нашу землю-мать... —
Еще кричат, но слов не разобрать.

2

Слышал я, что один разбойник прыткий
Решил дойти до ада, чтоб узнать,
Что ждет его за то, что злата слитки
Он не смущался кровью поливать.
Он увидал чудовищные пытки
И дьяволов бесчисленную рать,
Что с воплями и воем, скорчив рожи,
Ему из игл сооружала ложе.

Но вряд ли этот ужас, стон, и лязг,
И вой чертей, и треск огня суровый
Ужаснее того, что мы в тот час
Увидели на пристани портовой,
Где стон и вопли оглушили нас,
Где с кровью перемешан был свинцовый
Морской прилив, гремя стенаньям в лад,
И где, клянусь, был настоящий ад!

Такого не забуду я вовеки!
Вдоль устья разметававшейся реки
Сидели дети, женщины, калеки,
Покрытые коростой старики,

Полузакрыв гноящиеся веки,
Зловонные срывая гнойники,
Стенающие Лазари, уродцы,
К которым даже пес не прикоснется.

Чуть нас завидят, не дают пройти,
И каждый просит хлеба ради бога,
На протяжении всего пути
Всё клянчат. У костельного порога
В великий пост, пожалуй, не найти
Таких убогих нищих и так много.
Почуяв запах падали, шакал
Не воеет так. Я сразу угадал,

Что наших нет средь этого кагала —
Цыгане, итальянцы и жида,
Всё мелкие барышники, менялы,
Что сроду и не нюхали страды,
Народишко бродяжный, захудалый,
Кому в крестьянской хате нет нужды.
А где его оседлость и дорога,
Про это не записано у бога.

Как плевелы, на берегах чужих
Их ветер разбросал над океаном.
Почуяв хлеб, к нам стайки птиц морских
Слетелись вмиг, и в воздухе стеклянном
Слышны нам долго были крики их
И крик детей, что на забаву панам,
Чтоб пропитанье раздобыть в нужде,
Ракушки ищут до колен в воде.

Тут на дворе каком-то постоялом
Вдруг заиграла музыка. И вот,
Через распахнутую дверь, за балом
Мы наблюдаем: льется пиво, мед,
Тот сгреб кого-то, тот пустил бокалом,
Матросы, девки пляшут, всякий сброд,
Визг, будто режут борова. И, право,
Свиней не лучше пьяная орава.

Надолго ли корабль с морских дорог
Находит в порт? Матрос, забыв про бога,
Спешит от жизни отхлебнуть глоток,
А к кабаку — короткая дорога.
А там, едва переступил порог,
Ждет музыка его и кружка грога,
Кочует так в кабак из кабака,
Ведь путь далек, а радость коротка.

Нередко в этой гуще, после меду,
Раздастся выстрел. Если ночь темна,
Труп вынесут и сбросят в непогоду
С прибрежных скал. И вот плеснет волна,
Заблещет пеною, и — камнем в воду!
Уж больше не поднимется со дна.
И стонут неприкаянные души,
Ища покоя в море иль на суше.

Идем. И вдруг, крича на целый свет,
Из-за угла девица вылетает,
Должно быть лет пятнадцати. Корсет
Едва заметно грудь приподнимает,
Как горлица... Кричу ей:— Стой! — Так нет!
Бежит, как будто и не понимает,
Кричит:— Папаша продали! В кабак! —
А вслед за ней валит толпа гуляк.

Гляжу — нельзя тут медлить, проморгаем.
— Эй, заходи с воды, — кричу, — в упор! —
На эту голь стеною всей шагаем —
До драки наш народ, известно, скор.
Пощупали им ребра. Мы ж с Бугаем
Скорей бежать на постоялый двор:
— Как? Что? — И точно! Дочь свою в
притоны
Отец родимый продал за три кроны.

Достали деньги.— На! Иди в шинок!
Пропей, проклятый, свой доход. Иуда!
Жри, чтобы черт в смолу тебя сволок!
А на добавку вот тебе покуда...—

Тут в морду дал ему, стерпеть не мог.—
А девочку мы заберем отсюда! —
А он — ни слова, только взял барыш
И вмиг шмыгнул в закуток, точномышь.

Мы тоже вышли. Распалась от драки,
Еще шумели наши мужики,
Валились быстро пьяные гуляки,
Не в силах отомстить за синяки.
До трупов не дошло, но от атаки
Распухли все же наши кулаки,
И шишек мы наставили немало,
Пока их банда на ногах стояла.

А бабы окружили всей гурьбой
Девчушку, ободрить ее старались,
Расспрашивать пошли наперебой:
Как? Почему? И наконец дознались:
Позавчера отец ее родной
Сестру солдатам продал — сторговались,
А нынче продана была она...
Аж, чувствую, во рту горит слюна!

ТЬфу, Польша! Как себя ты осрамила!
И сплюнул я с таким трудом слюну,
Как будто кто-то вытянул мне жилу
Из сердца через горло, как струну...
Как повернись! Как кинись со всей силой,
На этот скот, как молотом взмахну! —
Помилуй, господи! — Да так им двинул,
Пока весь ряд в песок не опрокинул.

Тогда передохнул я и кулак
О куртку вытер, потому что вижу —
В крови он, как в перчатке — добрый знак —
Такую эта шваль пустила жижу,
А так как гнев не проходил никак,
Решил, что больше бога не обижу,
Стал в шапку собирать на божий храм
И тут же деньги к божьим класть ногам.

А небо было без конца, без края
И голубиной груди голубей,
И синева искрилась, и, сверкая,
Шло солнце в оперении лучей.
И эта кротость божья, все вбирая,
Смирила гневный пыл в душе моей,
Хоть я еще сопел, пускась в дорогу,
Мой дикий гнев улегся понемногу.

Итак, мы шли без отдыха вперед.
Еще бранился Кос, сопел Затрата,
Когда над синевой гремящих вод
Плеснуло солнце марево заката,
И птиц ширококрылых хоровод
Кружился над водою бесноватой,
И шумом наполнял простор морской,
Как вече перед близкою грозой.

Вдруг вижу — чудеса! В дверях трактира
Стоит Опач, на голове колпак,
На брюхе фартук, сам разбух от жира...
Узнал. Кричит и машет:— Эй, земляк!—
Но, разглядев лохмотья, наш проныра
Сообразил, что он попал впросак.
Нахмурился.— Эй, что ты, брат, не весел? —
Кричу ему.—Что слышно там, в Одессе?

Мы подошли. Бугай тряхнул мощной,
Раздался звон, и в это же мгновенье
Опач стал с нами ласков, как родной,
Трясет нам руки, тащит в заведение,
Где с вывески, прибитой над входной
Дубовой дверью, всем на удивленье
Глядит на нас танцующий медведь,
Вот-вот готовый песню зареветь.

Опач нам рассказал, что вся больница,
Куда попал он, вымерла, что он
Сам должен был ввиду того судиться
С комиссией, но был освобожден

От следствия; о том, как две девицы
Его женить тащили с двух сторон,
Что здесь, открыв трактир на бойком месте,
Живет не многим хуже, чем в Одессе.

Рассказывал, и сплевывал слюну,
Да поводил плечами по привычке.
— Вот видите? На кой мне черт жену?
Не с тем я ехал к черту на кулички.
Вернуться? Но зачем? Пошел ко дну
Весь наш военный флот. В последней стычке
Все разгромил японец, сукин сын,
Никто не спасся от японских мин.

Вдруг прослезился:— Я вас понимаю...
Мне жалко вас... Постойте-ка, дружки,
Я вам налью хоть по стакану чаю,
С бразильским ромом... Скиньте узелки...
Богатый, бедный — я не различаю,
Мне все равно. Ведь мы же земляки!
Все вместе в пуще горе горевали...
А жаль, что вы в Одессе не бывали! —

И вдруг:— Видали? Магер здесь живет,
Ко мне всегда приходит в воскресенье.
Стал писарем — и не плохой доход,—
Что просят — пишет, письма и прошенья.
Напротив Зджара. Черт их разведет,
Потом сведет! Давно бы, без сомненья,
Один из них висел — да одному
Всегда попасть случается в тюрьму,

А там уж никаким его онером
Не взять! — Тут брызнул смех, как кипяток.
Так просидели мы за разговором
Ночь напролет. Уже алел восток
И голубело утро над простором,
Когда, простясь, мы вышли за порог,
Где подал счет Опач за угощенье,
А также за ночлег — за помещенье.

Вставал рассвет весь в пятнах золотых.
Восток алел. И лодки, на которых
Спускали на ночь снасти, чтобы их
Не унесло, качались на просторах.
Вдали сияло море. Ветер стих,
И был чуть слышен волн прибрежных шорох.
Колеблясь, принимал морской массив
То золотой, то розовый отлив.

Но ветер вдруг окреп, и застонала
Внезапно потемневшая волна.
И туча, отливающая алым,
Вдруг сделалась угрюма и черна.
Зашевелились лодки у причала,
Взметнулась чайка, ветром сметена,
И, тучами внезапно перерезан,
Восток погас, став бурым, как железо.

Вот где-то загремело, раз, другой,
И море, словно вспаханное плугом,
Заволновалось, выгнулось дугой,
И волны покатались круг за кругом,
И шумный дождь пронесся над водой,
Как вешняя река дремотным лугом,
И хоть гроза прошла, но день был хмур,
Угрюм и неприветлив чересчур.

От самого трактира вслед за нами
Шел человек, одетый как поляк.
В его лице с суровыми чертами
Я возраста прочесть не мог никак.
Он молча шел тяжелыми шагами,
Но видел я — лишь мы замедлим шаг,
Он искоса на нас бросает взгляды,
И я отстал нарочно от громады.

— Хвала творцу! — сказал я. Подхожу.
— Вовеки! — отвечает он в смущенье.—
Уж я давно за вами здесь слежу...
На пристани... А после в заведенье...

Я сам издалека... И здесь брожу
Изгнанником, без цели, без стремленья...
(Тут голос незнакомца задрожал.)
Не знаю сам, зачем сюда попал...

Тут я сказал:— Мы, братец, не богаты...—
Казалось мне, что помощи он ждет.
А он:— Нет, нет... Хотя на мне заплата,
Но я не нищий... Есть и деньги — вот...
Доехать хватит до родимой хаты...
Хотел к своим... Тоска меня грызет...
— Так что ж в трактир вы не пошли
вчера же? —
А он:— Нельзя... Я б выдал все тогда же...

Зачем болтать о том, что я поляк?
Меня трактирщик знает как бродягу...
Ведь я не воин польский — я босяк...
Какую дам отечеству присягу?..
Шатаюсь так, из кабака в кабак,
Травлюсь винищем — без него ни шагу...
Зачем же гордой родине моей
Краснеть за опозоренных детей?

Поверите ль? В своем происхожденье
И сам себе я редко признаюсь...
Когда с бутылкой разлучусь на день я
Иль новою рубахой запасусь,
Чтоб чистым походить хоть в воскресенье.
Но непременно к вечеру напьюсь...
Что ж делать? Страсть! Такой уж я паскуда...
Недаром же зовут меня Забуда.

Что, в точку, брат? Иного назовут,—
Ну ни к селу ни к городу,— ей-богу!
А мне и клички лучше не найдут —
Забуда я... Забыл свою дорогу,
Да и меня уже не узнают,
Забыли все... Все гонят от порогу...
Будь трезвый я иль пьяный — все равно,
С Забудою безродным заодно.

Умолк. Хотел утешить я беднягу,
Но он опять заговорил со мной:
— Вы видите тех белых птиц ватагу
И тот далекий парус над водой?
(Тут я в глазах его увидел влагу.)
У них есть дом, у них есть угол свой,
И где б они по свету ни бродили,
Они его, поверьте, не забыли!

Придется, может, встретишь, сударь мой,
Бродягу, у которого когда-то
Была душа, а нынче, всем чужой,
Собаке позавидует пархатой,
Затем, что у собаки и у той
Есть место, ремесло свое и плата,
И миска есть, и конура своя.
Как встретишь — знай, Забуда это, я.

А если молодость пошла вся криво,
Так, что, как жердь, в ограду только вбить,
И под звездой ты вырос несчастливой,
Ее решился молотом разбить
Иль чью-то отнял жизнь, когда, порыва
Не удержав, дал сердце соблазнить
Приманке сладкой, ибо верил в чудо,
Так знайте, сударь, это он, Забуда.

Потом куда-то сгинет без следа...
Вдруг встретишь под Уралом — погляди ты!
Долги все платит! Вышел в господа!
На шее шрам, полголовы обрито,
Над ним нагайки свист, под ним руда
И олово... Вокруг земля разрыта.
А к тачке, будто к матери родной,
Прирос. Забуда, пан, не кто иной!

А если б встретить человека пану —
Нет! — зверя вновь пришлось среди тайги,
Как пробирается, забыв про рану,
Сквозь темный лес, где не видать ни зги,

Как кедра ствол с рекою к океану
Несет его... о боже, помоги!
Несет на сушу в пасть тоске... откуда
Не вырваться... так это он, Забуда.

Забыл! Запомню! — Я молчал.
Что мог сказать я? Утомлен напором
Невольной исповеди, он шагнул
За мной, уставясь в землю хмурым взором.
А так как от громады я отстал,
Я должен был спешить. Так шагом скорым
В молчанье шли мы эту часть пути,
Пока до них не удалось дойти.

Тут подошел к нам Кос, за ним Затрата,—
Стоял он с краю,— глянул на него,
Что ж? Пусть идет. Тут нету виноватых,
Никто другим не должен ничего.
Тут все равны — ни бедных, ни богатых.
Не бросишь же его здесь одного...
Ведь мир не Вулька, где чужую свитку
Завидят и сбегутся за калитку...

И также он — ни здравствуй, ни прощай
Нам не сказал. Как будто от рожденья
Он с нами был. И как бы невзначай
Заговорил:— С работой здесь мученье.
Народу пропасть. Только примечай,
Как люди мрут... Гниют без погребенья...
Но есть и голь, что кланчит на вино
И от работы бежит давно.

— Мы там не долго будем, слава богу,—
Сказал на это Бандыс,— лишь бы нам
Хоть на билеты сколотить немного...
За этот бы канат схватить — а там
На пароход, и снова в путь-дорогу.
Самим-то нам не выплыть — знаешь сам,
Устали мы... Куда нам с нашей силой? —
А бабы хором:— Господи, помилуй...

Забуда вдруг:— А то, что нынче вам
Про девушку в трактире рассказали,
Так это сплошь и рядом здесь... Я сам
Видал, как дочерей отцы меняли
На водку, как к трактирщикам-дельцам
Мужья тащили жен и продавали,
Чтоб расплатиться за стакан вина...
Такая здесь проклятая страна.

Была одна вдова тут, пожилая,
С двумя детьми (их трое — вся семья).
Бывало, грянет пушка портовая,
Корабль отчалит в дальние края,
Так что с ней было! — Выбежит босая,
Вся почернеет, словно спорынья,
И от тоски завоет, как волчица...
Никто не мог понять, что с ней творится.

Потом притихла. Говорил народ,
Глядит, бывало, на море часами,
Сама не ест и детям не дает,
Не сводит глаз, следит за кораблями,
Как будто бы она чего-то ждет...
А тут как раз корабль под парусами,
Готов отплыть... И вот решила мать,
Чтоб взять билет, детей своих продать...

Вот так и продала, в одной рубашке...
Какой-то толстый ферт на берегу
Купил их... Горько плакали бедняжки,
Без содроганья вспомнить не могу...
Она ж молчала, лишь вздыхала тяжело.
Уж трап снимать отправили слугу...—
Тут Бандыса жена, всплеснув руками:
— Святой Содом! Не мать она, а камень!

Он помолчал и продолжал опять:
— Вот так стоит, позеленев от муки,
И глаз от них не может оторвать.
А дети: «Мама! Мама!» — тянут руки,

Уже канаты начали свивать,
Загрохотала пушка... Смолкли звуки...
Вдруг крик. Глядим — она уж за бортом...
Не вынесла... Я это все о том

(Тут он вздохнул), что нет сильнее яда,
Чем сердца человеческого яд.
Пускай в груди твоей гнездятся гады,
Пускай ножи в мозгу твоём сверлят,
Все это легче... Есть одна улада,
Лекарство, от которого горят
Все внутренности... С ним родного брата
Забудешь ты... И это — хмель проклятый!

Тут общая беседа началась,
Дорогу коротая. День был серый.
Шел мелкий дождь. Везде туман и грязь.
И он, увидев дальние галеры,
Сказал:— Вот там работа бы нашлась,
Да нынче нас боятся, как холеры...
Есть слух, что затевают что-то тут,
Что красный приготовили лоскут...

И впрямь, вокруг, по площади портовой,
Все чаще стал бродить рабочий люд.
Носильщики, понуря взгляд суровый,
Взвалив тюки на шею, как хомут,
Покорно груз несли многопудовый,
Толкались угольщики там и тут...
Вдруг барабан... А в небе тучи тают,
И синие полотнища сияют.

На берегу толпятся мужики,—
Там нынче происходит распродажа.
Из шлюпки выгружаются мешки
С имуществом покойников. На каждом
Фамилия и имя — все тюки
Помечены по спискам экипажа,
Что с госпитальным судном шел сюда
Да под водой остался навсегда.

Я видел — каптенармус, встав на бочке,
Вскрывал мешки и тут же поднимал
Тряпье наверх — да не поодиночке,
А сразу кучей цену назначал.
Крик:— Раз! и два! — а так как он отсрочки
При этом ни минуты не давал,
Так тут же:— Три! — И вот взлетают тряпки,
А у него уж новые охапки.

Здесь каждому хотелось за гроши
Приобрести ботинки или платье,
И не было им дела до души,
Что прежде, чем наследство передать им,
Намучилась... Вдруг вижу, торгаши
Кладут мешок с сургучною печатью,
Что, словно капля крови запеклась,
И каптенармус, лихо подбочась,

Прочел на нем фамилию: — Ян Груда! —
Я подошел. Разрезали мешок.
И вижу — сверток вынули оттуда:
Рубашку и завязанный платок,
А в том платке листов каких-то груда,
Исписанных и вдоль и поперек...
Сказали цену. Я назначил вдвое,
И узелок с листьями был за мною.

Мы отошли, чтоб прочитатъ листы.
Исписаны дрожащею рукою,
Они пришли, как вестъ из пустоты,
Наполненные мукой роковою.
Кому хотел пожаловаться ты?
Куда писал? К кому летел душою?
Увы, могильным холодом объят,
Ты не ответишь нам, усопший брат!

Но где б ни находился ты, бедняга,
В какой бы ты земле теперь ни гнил,
Спи с миром! Знай — кровавая бумага
И свитка, что когда-то ты носил,

Досталась землякам, а не бродягам.
На первую из встреченных могил
Я свитку положу. А строки эти
Внесу в тетрадь — пускай живут на свете!

Быть может, твой отец когда-нибудь
Найдет их и прочтет привет прощальный,
Иль матери израненная грудь
Вздохнет над этой вестью погребальной,
Быть может, вихри ей укажут путь
Туда, где гроб твой светится хрустальный,
Пойдет, босая, на берег морской,
Чтоб в шуме волн услышать голос твой,
.

«Пишу я вам, родители мои,
С тревожным сердцем, с влажными глазами,
А между нами океан стоит
И не дает мне повидаться с вами.
Суровый бор высокою стеной
Встал между мной и хатою родной.

...Но только погляжу я на вершины,
Мне чудятся родимые луга,
Знакомые прохладные овины
И от зари румяные стога...
И рад бы птицей полететь по свету,
Чтоб возвратиться к вам — да крыльев нету!

...Ох, если б я хоть раз увидеть мог
Родимую соломенную крышу
И сверху покосившийся конек,—
Я как сейчас его скрипенье слышу,—
Хочу спросить о них — но у кого?
Никто не слышит горя моего.

...И всё они стоят передо мною —
Журавль, колодец, срубы у реки...
Никак я не могу привыкнуть к зною
И чуть не умираю от тоски...

Я через море слышу, как за хатой
Сад пахнет чернобыльником и мятой.

.

Болезнь меня согнула здесь в дугу
И ни на грош в себе не чую силы...
За жизнь бороться больше не могу,
Уж скоро в землю лягу... без могилы...
А может, и на дно... Уж здесь давно
Покойников велят бросать на дно...

Вот так среди больших богатств чужбины
Мы для костей иссохших не найдем
И трех локтей обыкновенной глины,
Которые мы нищему даем...
Не зашумит береза надо мною,
Не заблестит зеленая весною...

И я подробно б написал о ней,
О той тоске, что грудь мою терзает,
Да только жаль мне матушки моей,
Которая горюет и страдает
И орошает ливнем горьких слез
Письмо, что ей морской прибой донес.

Уж лучше б, мать, в твоём погиб я чреве,
Чем так терпеть, томиться, как теперь!..
От боли бога поношу я в гневе
И рыскаю за пищей, точно зверь,
Как птица без гнезда всех беспокою
И по ночам, как пес бездомный, вою...

.

Хотел бы вас просить, чтоб вы сюда
Подробно об всем мне отписали —
Там оттепель у нас иль холода?
И пашню вы давно ли распахали?
Какая нынче выдалась зима?
Да, верно, не дожидаться мне письма...

...Ой, полетел бы я, как голубь в небе,
Иль как журавль, летящий на восток...

Мне кажется, что там, на нашем хлебе,
Я ожил бы — и вновь работать смог...
Но кости, иссушенные тоскою,
Изнурены болезнью и жарою...

Поэтому напрасны все мечты
О том, что я живым вернусь отсюда...
Но, мертвый, из могильной пустоты
Я к вам приду — я верю в это чудо!
Приду и встану на родной порог...
И да поможет мне всесильный бог!

.

Теперь прощайте, кланяюсь всем низко,
А вам, отец и мать, поклон земной...
Когда у вас в печи взметнутся искры,
Иль вдруг в трубе раздастся ветра вой,
Иль среди ночи шевельнется что-то
Не бойтесь, это я вошел в ворота.

Соседям всем нижайший мой поклон.
Со всем прощаюсь — с засекой в овине,
Со скирдами, с опушкою, где клен,
С садами и скворцами на рябине,
Со всем селом — до крайнего плетня,
Всему поклон нижайший от меня.

...Теперь с восхода солнца до заката
Звоните вы по мне в колокола...
Будь ты благословенна, наша хата...
И да воздастся господу хвала!
Ты, матушка, и ты, отец мой милый,—
Вам кланяюсь со дна моей могилы».

.

8

Мы в доках копошились день-деньской.
Что ж! Человек и камни б грызть решился,
Когда б светляк надежды золотой
Хоть издали во тьме к нему явился.

Нам был привычен пот наш трудовой.
Уж он не первый раз с чела катился...
Где этот лен, узнать бы я хотел,
Который пот мужицкий не проел?

Народ силен. Он только стиснет зубы
Да спину нагруженную согнет —
И пусть работа не идет на убыль,
Лишь цель была б ясна, а уж народ,
Пропахший потом и обросший грубой
Сермяжной кожей,— он не подведет.
В нем крепок дух, он не боится крена
И лбом готов пробить любую стену.

А здесь нам душу окрыляла цель.
И, позабыв об отдыхе и сроках,
Голодные, худые, как артель
Наемных батраков, мы встали в доках
И знали: через несколько недель
Увидим мы над палубой высокой
Желанный вымпел нового пути,
И скажем мы чужой земле — «прости».

Слыхали мы, что будто с нас не станут
Брать денег за проезд, что есть приказ,
Чтоб нас в морскую записать охрану
И чтоб харчами обеспечить нас,
Что будем подчиняться капитану,
А баб с детьми посадят в третий класс,
Под палубу, чтоб прятались от зноя...
В то время пахло в воздухе войною,

А экипажи мор побил. Итак,
Мы ждали терпеливо извещения,
В порту перебиваясь кое-как.
А время шло... Мы приняли решение
Проситься на галеры. Весь барак
Ходил к начальству, потеряв терпенье.
Но вскоре и до нас молва дошла,
Что там творятся странные дела.

В то время, без особого желанья,
Узнали город мы. Он был двойной,
Хотя и был накрыт одним названьем,
Как крышей. Верх светился белизной,
Пронизанной то башнею, то зданьем,
А низ кишел вонючей нищетой,
Но было прочно тайное скрепленье —
Внизу зрел гнев, а сверху шло презренье.

Тут надо бы, пером вооружась,
Вам рассказать о сказочных красотках,
Лежащих на террасах, развальясь,
До сумерек, в бумажных папилютках,
Про попугаев, что в кусты вцепясь,
Орут одно и то же во всю глотку,
Природе и уму наперекор,
А с крыш им вторит обезьяний хор.

И лишь когда край неба станет розов
От солнца, заходящего вдали,
Все оживает. Слышен шум повозок,
Носильщики проносятся в пыли,
И, на подушках развальясь, стрекозы,
Ресницы опуская до земли,
В носилках проплывают на гулянье,
И локоны струят благоуханье.

Вот группа расфуфыренных господ.
Прислушайтесь на миг к их разговору:
Проценты, числа, биржа и доход,
Здесь ни о чем ином не будет спору.
А там, внизу, рабочий люд снует,
Плывут галеры, хлопают моторы.
Там угольщики, отирая пот,
Впряглись в шлею. Погрузка там идет.

И гул ползет, врываясь в разговоры,
Как дальний гром. Но пусть вверх орет
В испуге хор пичужек красноперых —
Никто и головы не повернет.

А вагонетки двигаются в гору,
Шлея ползет, до крови плечи трет.
Гляди — сорвался кто-то с тропки узкой...
И снова продолжается погрузка.

.

Другая мода по воскресным дням —
На площадях народ — водоворотом!
С утра толпятся негры тут и там,
К костельным собираются воротам
И, колокол слышав, рвутся в храм.
От каждого воняет козым потом
И каждый третий с тросточкой пришел
И пса привел. Глядишь — набит костел.

Вот франт такой усядется на лавку,
Трость под себя, нафабрен, хоть и бос,
И ну вертеться, наблюдать за давкой,
А за ухом огрызки папирос
Торчат из-под кудрей. Потреплет шавку
И, поплевав в кулак, концы волос
Пригладит, чтобы стать милей и краше,
А пес пока обнюхивает чаши.

Вдруг ксендз как заорет:— О сброд бродяг!
О негодяи! Подлые неряхи!
Так что ж — костел и бог для вас — пустяк?
На Польшу посмотрите, росомахи!
Она пример дает вам,— как-никак,
От Ляха приходим мы, поляки!
А это, брат, не шутка! Вот и тут,
Вы слышите, молитвы как поют?

О Польша! Польша... Знаете ль, бараны,
Что это значит? Эй вы, с палок слезть!
Да там песок — вы слышите, болваны?
Дороже, чем хрусталь и жемчуг здесь!
Да слезете вы с палок, грубияны?
О Польша... Что на свете лучше есть?
Да кабы снег не завалил дорогу,
Христос родился в Польше бы, ей-богу!

Но ничего. В коляде есть о том,
Что Польша встанет, поборов невзгоды,
В огнях, что разнесется наш псалом
Весенним песнопением свободы
По всей земле огромной и потом
Один закон получают все народы,
Не итальянский, не французский — он
Божественною силою силен.

Все на колени, дурни! Это слово
Покорно слушать ваша голь должна!
О Польша-мать! Народа полевого
Ты королева... Гордая, одна
Стоишь среди цветенья золотого,
Вся в серебре народных слез, бледна,
В рубинах крови... Ты всего дороже...
Что говорю? Зачем я плачу? Боже!..

Ксендз зарыдал, упала голова,
Он на колени встал перед дарами,
И мы за ним, как по ветру трава.
Так раз в семь дней воскресными утрами
Речь польская звучала, хоть слова
Не понимал никто здесь, в этом храме,
Но, слыша, как в слезах она звучит,
Как дети, негры плакали навзрыд.

Так вскоре проповедника Благоту
Узнал весь город. По воскресным дням,
Разряженные в шелк и позолоту,
В костел съезжались толпы знатных дам.
Ксендз знал, что лишь открыть успеет рот он,
Как женщины платки несут к глазам,
Хоть польских слов толпа не понимала,
Но это не мешало им нимало.

И ксендз им говорил о короле,
О славном Собке, даже о Костюшке,
И о литовской горестной земле,—
И речь, как мост, вела к родной опушке —

В простор мазурских сладостных полей,
К простой, далекой польской деревушке.
Увлекшись, как токующий глухарь,
Он плакал, хоть епископ звал в алтарь.

Он говорил так пламенно, так живо,
Как будто ждал пришествия Христа
Иль Троицы святой... и что за диво!
Казалось, проповедника уста
Нам изливают чудные мотивы,
И музыка повсюду разлита,
И голос труб доносится печальный,
И словно слышен пушки гром пасхальной.

Бой, битва. Как из тысячи орудий
Грохочет проповедь. Приход смущен.
Внимая грозным звукам, смолкли люди,
Рокочет воздух, и дрожит амвон.
Нагнись, не то убьют! И мысль о чуде
Является невольно... Шелк знамен,
Из пламени встает... и вот все больше
Круг рыцарей, до гроба верных Польше.

Овеянная вечной славой рать...
Ксендз говорит, протягивает руки...
Пылает взор, готовый пронизать
Весь мир, воскресший после смертной муки...
Вступает хор... И льется благодать!
О музыки торжественные звуки!
(А органист Хвалибуг — польский пан.)
И вот вступил рыдающий орган.

Итак, окончив проповедь, Благота,—
Я видел сам,— весь красный шел в притвор
Чтоб у распятия, точно у оплота
Своей тоски склониться... До сих пор
Я помню то чело и капли пота,
Рыдание и воспаленный взор...
Таких речей ни разу не слышал я,
Хоть в Краков к брату-ксендзу наезжал я.

Но к тем, кто пил в портовых кабаках,
К голодным угольщикам изможденным,
По воскресеньям приходил монах
С опущенным на брови капюшоном,
Крест на груди и руки в рукавах,
И бледный лик казался утомленным.
Блестя босыми пятками, монах
Шел молча, лишь огонь сиял в глазах.

Он посещал галеры, на которых
Сидел часами с паствою своей.
Но только дрогнет колокол собора,
Он шел к толпе, читать молитвы ей.
И портовые девки, без разбора,
Кто где стоит — средь нефти и углей,
Бросались на колени пред монахом,
Объятые раскаяньем и страхом.

А там-то, глянь, рабочий паренька
За шиворот схватил и понукает:
— Читай молитву! Я тебя, щенка...—
Тот плачет...— Отче наш...— и замолкает,
Не помнит дальше... Взмахом кулака
Грозит отец:— Да кто же так читает!
Эх, сукин сын! Я выбью эту блажь!—
И плачет сам — не помнит Отче наш...

Но вот к монаху кинулись молиться
Слепцы, калеки, разный нищий сброд,
И хоть молитву заглушали птицы,
Как туча закрывая небосвод,
Его не отвлекали ни девицы,
Ни птицы, ни толпящийся народ —
Он говорил с голодными о хлебе,
И призывал Отцу молиться в небе

Сирот. И этот грязный сброд, содом,
Голодные калеки, оборванцы,
Где брат на брата вышел бы с ножом,
Стихали вдруг, как божьи новобранцы,

На лицах, исковерканных трудом,
Сквозь грязь уже играет блеск румянца,
Их снова превращая в сыновей
Полузабытой родины своей.

Иной из них, успевший нахлебаться,
Все ж выходил, шатаясь, на порог:
— Ты кто такой? Довольно тут шататься!
Ты хлеб мне дай... а детям дай пирог!—
Но наш монах не думал обижаться,
Он все молился, глядя на восток.
И неся голос:— Бейте же тревогу!
Пора настала! Так угодно богу!

.

Да что скрывать, мы раскусили вмиг.
Хоть нас братва к себе на подпускала,
Но с мужиком столкнется мужик.
Не нынче-завтра надо ждать начала,
Не нынче-завтра разнесем тупик
И пробку выьем ту, что затыкала
Воды шипучей дремлющий каскад,—
И трудно будет вбить ее назад.

Я не за революцию — та мера
Не для меня, хоть говорят про нас,
Что мы «бродяги-революционеры»;
Но пусть меня попробуют хоть раз
Запрячь, как нас впрягали в Минас-Жéрас...
К чертям! Не зря ношу я про запас
Кулак кузнецкий... Я не забияка,
Но если так,— пусть нас рассудит драка!

Что ж, труд так труд! И если ты силен,
И если ты, по счастью, не калека,
Трудись, таков уж божеский закон,
Но чтобы человек над человеком
Был так несправедливо вознесен,
Чтоб, кто повыше, отрубал от ссека,
А кто пониже — кости ждал, как пес,—
О нет, такому не учил Христос!

А уголь там как раз держали швабы.
Отъелись, черти, как окорока!
В своих конторах квакают, как жабы,
Отрачивают жирные бока,
А чтоб спуститься в доки к нам хотя бы
На полчаса — небось кишка тонка!
Нагнали в доки стряпчих да агентов...
А чтоб вы сдохли от своих процентов!

Хоть корабли, груженные углем,
Из порта уходили регулярно,
Но знал народ, согбенный под кулем,
Что будет знак — и сгинет мрак кошмарный;
И хоть иной ходил один, молчком,
Но чуткий слух ловил сигнал пожарный:
Обида всех спаяла, видит бог,—
Тут сам бы папа римский не помог!

В ту пору в море началось волнение.
Казалось, мгла повсюду разлита
И ветер, как в кудели, в белой пене
Играл. Погасли краски и цвета,
Смешалось все, как в утро сотворенья,
Когда над всем царила темнота,
Когда создатель свет благословенный
Еще не отделил от тьмы вселенной.

И как-то раз мы видим — что за черт!—
Корабль, качаясь на морском просторе,
С попутным ветром мчится прямо в порт,
То, как мужик, хлебнувший лишку с горя,
Шатается, в движениях не тверд,
То вновь несется по раздолью моря,
То сбавит ход, чуть крылья вихрь свернет,
И как огромный лебедь к нам плывет.

Мне это вовсе не казалось странным,
Но матросня, глаза тараша, ждет —
Когда ж взметнется флаг над океаном?
И почему сигналов не дает

Тот странный бриг?.. А он опять, как пьяный:
То вдруг качнется, то летит вперед,
То как слепой склоняет мачты снова,
Как будто нет на вахте рулевого.

Играет вихрь в высоких парусах.
Корабль летит. Он кажется миражем.
И видим мы: висит на мачте флаг
Опущенный. И ни души. Куда же
Исчезли все? Тут что-нибудь не так...
И почему не видно экипажа?
Послали лодку. Ждем. И вдруг кричат:
— Imakulata! Смерть на нем! Назад!

Хватай шесты! На лодки все! За весла!
Отталкивай от берега назад!—
Уж трупный запах с ветром к нам донесся...
Но быстро лодки по морю скользят —
Навстречу кораблю плывут матросы...
Приблизились... толкаются... кричат...
О скользкую обшивку тычут жерди
И с ужасом глядят на судно смерти.

В портах давно прослышали о том,
Что мечется по морю зараженный
Корабль. И ни живой души на нем.
И где бы ни пристал он, окрыленный
Попутным ветром,— ночью или днем,
Схватив шесты, морские батальоны
Его толкают прочь, и призрак злой
Скрывается. Но нынче дул такой

Ужасный вихрь, что никакие силы
Его толкнуть обратно не могли,
Его все ближе в гавань заносило.
Вернулись лодки. На берег сошли
Матросы; их трясло, на шеях жилы
Набрякли... даже шагу не могли
Ступить, так отравил их запах трупный.
Корабль все приближался неприступный.

Вдруг прибежал Забуда. Бел как мел...
— Эй, пороху! Взорвать его, ребята!
Посторонись народ, покуда цел!
Готовьте лодку, порох и канаты!—
Сказал и на монаха поглядел...—
Послушай, ксендз... Боюсь, чтоб чертенята
Из-за души моей не подрались...
Так отпусти грехи, не поленись...

И бросился монах к нему на шею,
Руками обхватил и зарыдал...
— О брат мой! Брат! Твои грехи бледнеют
Пред подвигом твоим...— и замолчал,
От страшного напутствия немея...
И тут Забуда факел в руки взял,
Схватил весло и вдоль волны широкой
Поплыл навстречу смерти недалекой.

И, головы под ветром обнажив,
Толпа в слезах упала на колени...
Тут кое-кто из самых молодых
Хотел поплыть за ним, но разрешенья
Монах им не дал... Мы сдержали их...
И слышим крик... Тот крик, клянусь
спасеньем,

Мне не забыть до Страшного суда:
— Да славится край польский навсегда!

— Да славится!..— как эхо, во всю глотку
Завыли мы, уже давясь от слез...
Все дальше, дальше убегает лодка,
Как далеко отлив ее унес!
Вот поднялась волны перегородка
И скрыла все... И снова виден нос...
И пена волн вокруг, как белый обод,
Волна упала, словно крышка гроба...

И сердце в ребра молотом стучит
И вдруг — сверканье, грохот, гром...
Свершилось!

О крест господень! Столб огня стоит
Над гладью моря. Бездна отворилась,

Залаяла и стихла. Все молчит.
И тишина на волны опустилась...
А этот, Безымянный, так и знай,
Взлетел прямой наводкой в божий рай!

И в ужасе народ, как в землю вбитый,
Стоял, своих не покидая мест...
Тут бабы — в плач, попробуй их уйми ты!
Но наш монах, творя широкий крест,
Старался дым развеять ядовитый,
Который, все сгущаясь, плыл окрест
И, точно саван бедняка холщовый,
Вкруг гроба обвивался громового.

И лишь тогда, когда исчез туман,
Мы стерли слезы и с коленей встали.
И тихо колыхался океан,
Внимая человеческой печали.
Так спите ж в мире, вы, кому был дан
Удел страдать, пока в небесной дали
Не начали архангелы трубить...
А наш удел — еще дышать и жить...

.

И как с Голгофы, медленно ступая,
В молчанье возвращались мы назад.
Но что это колеблется, сверкая?
Тень? Нет не тень... Смотри получше, брат...
Там словно стрелка бьется золотая
И, чу!.. доспехи, кажется, гремят...
Не рыцарей ли тени?— вот так чудо!—
Явились после подвига Забуды?

Быть может, должен был пред их судом
Предстать он, шляхтич тот, что по дорогам
Влачил шляхетство, позабыв о нем,
И как свеча вдруг засиял пред богом,
И подтвердил права на герб огнем,
И вот, закрыв процесс, в порядке строгом,
Ему вручают шлем, и меч стучит
О щит стальной, не разбивая щит.

Так думал я, когда Ян Баня знаком
Меня от странных грез моих отвлек:
— А этот-то приبلудный за бараком
Опять всю ночь бродил, потом прилег
Во рву, все ждал, как змей, прикрытый
мраком,
У Косов нынче мальчик занемог,
Так жгли свечу до света.. А, проклятый,
Уж я его поберегу лопатой...

А то и топором! Нельзя зевать!
Еще недоставало! Вот бандиты!
Чтоб наши женщины шли к ним в кровать!
Чтоб не было от бога нам защиты!
Чтоб после швабов... выблядков качать...
Довольно нам терпеть! По горло сыты!
Сегодня же на страже у ворот
Мы встанем оба. Третий Рох. Идет?

— Идет!— И только стиснул я дубину,
Как шум слышался издалека,
Как под Купалу в ночь, когда, плотину
Сорвав, река спешит залить луга
И с бульканьем несет свою пучину.
Но оказалось, это не река,
А два потока напрягли усилья,
Вращая с шумом мельничные крылья.

Я о тебе, пан Магер, гордый брат,
Поляк, который шляхтичем был сроду,
А вот надел поношенный халат
Да безрукавку — вот какую моду
Завел, сел за прилавком — рад не рад,
Прошенья, жалобы строчит народу,
И так весь день за небольшую мзду
Перо скрипит, как грешники в аду.

Доверчивость и глупость обирая,
Ты первый здесь советчик и оплот.
Придет ли сирота к тебе, рыдая,
Вдова ли несчастливая придет,

Парнишка бедный, право добывая,
Или сам черт — всяк грош тебе дает,
И ты, подкинув деньги на ладони,
Их прячешь, чтоб потом спустить в притоне.

Напротив — Зджара, важный как индюк,
И оттого-то люди сторонятся,
Проходят мимо, не прося услуг.
Но гордый шляхтич не привык сгибаться,
Сидит с пером проржавленным сам-друг,
Нит с кем в квартале не желая знаться,
Осунулся от голода, зачах,
Но плащ все тот же на худых плечах.

И вот, не выдержав напора злости,
Отодвигает с шумом табурет,
Запахивает плащ, при этом кости
Ключиц вдруг обнажив, кляня весь свет,
Бежит к соседу... — А, не ждали в гости?
Все хамам пишешь жалобы, сосед!
Так мне теперь пиши и вот такую!
Я заплачу... Пиши же! Я диктую:

Клянусь перед судом, как на кресте,
Что мой надел с землею и рекою
В годину бед народных, в нищете,
Оставил я, пусть бог своей рукою
Меня в моей поддержит правоте!
Пусть заживо под гробовой доскою
Сгнию, коль уличат меня во лжи!
А Магер рядом у моей межи!

Но Магер уж вскочил, заволновался,
Руками машет, покраснел, как рак:
— Так, значит, часть я съел? — Он
задышался.—

Ручья две кварталы выпил? Или как?
Иль в землю вашей милости впахался
Волом? — Он посинел. — Ах ты мокряк!
Свидетелей давай сюда, бродяга!
И чтобы мне была бума... бумага!

От злости захлебнулся, замолчал,
На шее жилы синие набрякли.
Тут Зджара:— Ах ты змей! Ах ты шакал!
Бумагу? А не хочешь в глотку пакли?
Как ломом дам тебе... Чтоб ты пропал!
Так эти груши три твои? Не так ли?
Твой камень на меже? Чтоб ты подох!
Хотел меня упечь, да не дал бог!

Свидетелей тебе? Придут оравой,
Все те, кто жил... Теперь кресты одни...
В земле, подлец, мое хранится право...
Собаки будут выть, когда они
Проследуют процессией кровавой
И подтвердят, что вместе мы в те дни
Дрались в курпевской партии под Глинкой,
А ваша милость грелась под перинкой!

Трус подлый! Недостоин ты герба!
Из выкрестов, наверно? Жалкий кролик!—
Взбесился Магер, пот отер со лба
И заорал истошно, как от колик:
— Ах ты каналья! Ах ты голытьба!
Нет, врешь, зараза, лучше я католик,
Чем ты! Ты будешь маяться в аду,
Как тварь! А я на небо попаду!

— Что?!— Зджара заорал.— Так знай,
скотина,
 Что у меня над шкафом, на стене,
 Висит письмо монаха-бернардина,
 Которое положат в гроб ко мне
 Да прямо в руки (взял я клятву с сына...
 А гроб стоит готовый на гумне...).
 Отпущены грехи! Мне в рай дорога!
 В чистилище побуду лишь немного

За то, что с груш со злополучных тех
Монастырю я не дал десятины.
Да что там груш-то? По три меры всех!
Да в пост в борще их любят бернардины.

Так вот вписал мне настоятель грех,
Но обещал, что в день моей кончины
Отслужит мессу сам за упокой,—
Сам шепотом мне дал обет такой!

Тут Магер фыркнул:— Только непонятно,
Письмо ведь дома, здесь же океан,
Так чем поможет вам, скажите внятно?
Вы — на небо, а Петр — ключи в карман:
«Свидетельство давай!..» Тут пан — обратно.
И — на корабль. А тут, любезный пан,
Вас — цоп, и ваша песня будет спета —
Поскольку ваша милость без билета!

Захотел. Но тут, вскипев, старик
Схватил его и стал трясти, как грушу,
Да так, что тот и головой поник,
И, верно, из него бы вытряс душу,
Когда бы к ним не кинулись в тот миг,
Чтоб руки их разнять — одна к кунтушу
Как будто приросла, и, трепеща,
Как флаг, в другой висел кусок плаща.

.

Скажу ль тебе, народ любимый мой,
Что ты живешь безгрешно, беспорочно?
Нет, сам я сотни раз грешил с тобой,
С тобой терпел лишенья в час урочный.
Одно в нас было вложено судьбой —
Прямая верность, дружбы пламень прочный,
И если обижали одного,
Мы все горой стояли за него.

А с некоторых пор у нас шептались,
Что шваб-агент к девчатам пристаёт.
Идут ли в порт — чуть с ним одни остались,—
Он, словно вор, за ними вслед идет,
Украдкою. Мы вскоре догадались,
Что он не зря все слаще нам поет,
Что подлеца толкает кровь дурная
К Салюсе, дочке нашего Бугая.

А девушка — совсем еще цветок,
Как первоцвет в тени весенней ели,
Запрятанный подальше от дорог,
Еще боится снега и метели,
Еще не крепок тоненький росток,
И лепестки не все еще созрели,—
Подснежник божий, что родит земля,
Следя за каждым шорохом стебля.

В другом бы месте — игры да затей,
Да от подола мамки ни на шаг,
Но тут, где нас впрягли в ярмо злодеи,
Где каждый должен гнуться, как батрак,
И ей пришлось надеть шлею на шею
И жить в порту, где царствует кабак,
Хоть опускает, словно крылья птицы,
На полщеки смущенные ресницы.

Так с этой вестью мы вошли в барак
И тут же к Роху, прямо от порога,
Бросая шапки,— так-то, мол, и так.
А он ни слова. Только глянул строго
Да, сплюнув в руки, грозно сжал кулак.
И, как змея, свиваясь в пуще лога,
Меняет цвет, согнув кольцо в кольцо,
Побагровело вмиг его лицо.

А тут как раз девчата шли с работы
И каждая, как полевой цветок —
Там незабудка в зелени болота,
Там алый мак, там синий василек...
Они почти бежали. Вот в ворота
Вошли... А нам с Бугаем невдомек!
Кого-то ищут быстрыми глазами
И нам кричат:— Салюся, верно, с вами?

Тут дрогнул я. Я понял, где она,
И в горле что-то тяжело захрипело,
И острой злобы хлынула волна,
Мне, точно кипятком, ошпарив тело.

Эх, думаю, у бога власть одна!
А в голове, как колокол, гудело —
Звучал по немцу похоронный звон...
Мы бросились к дверям со всех сторон.

Бежим... Вот доки... Тьма... Басит Затрата:
— Окликнуть бы, да нехристь убежит...
Как кошка с мышью... Эй, живей, ребята,—
Мне ждать невмочь — вся кровь во мне
кипит...

Не выдержу! Да где же он, проклятый?—
И впереди как божий гром летит.
Но что это? Как будто крик девичий?
Такой далекий, слабый, словно птичий...

Мы в дверь — закрыта, видимо ключом.
Тут Баня, страшной силой знаменитый,
Напрягся и поддал ее плечом.
Запели петли, ржавчиной покрыты,—
Недаром слыл наш Баня силачом!
А там, как лань кричит, прося защиты,
Бедняжка... слышен слабый голосок...
Тут Баня вновь на двери приналег.

И мы с боков. И затрещало в срубе,
Заложенном в скобу. Согнулась дверь,
Прорубленная в бразильском дубе,
Столь твердом, что его берут теперь
На гвозди — и не знаю, как их рубят.
Не обошлось, конечно, без потерь:
Наш Баня получил скобой по роже,—
Упала дверь, и Баня с нею тоже.

Что ж видим? Нет в сарае подлеца,
Одна Салюся у стены рыдает,
Не отрывая руки от лица,
И этот крик, как нож меня пронзает...
— Да перестань ты! — топнул я всердцах,—
Ведь это мы... А он про нас не знает...
Ты, Баня, уведи ее пока,
Мы сами нехристю намнем бока.

Поставили мы дверь и, замирая,
У щели притаились. Черт возьми!
Кипит нутро. Ох, Троица святая!
А тут сиди и рук не подыми...
А лунный свет, дорогу освещая,
Как круглый глаз дежурит за дверьми
И охраняет тайную засаду,
А мы глядим, не отрывая взгляда.

И вдруг — шаги. Идет. Издалека
Видна его горящая сигара.
Идет сорвать цветок со стебелька...
Не скрипнет половицей, дьявол старый...
И дым пускает в балки потолка.
Так жадный волк крадется за отарой
И, перед тем как на овцу напасть,
Из-за стволов высовывает пасть.

И дернул дверь. И вместе с ней, проклятый,
Упал и стал от ужаса вопить.
Тут на него как кинется Затрата
Да как пойдет по роже молотить!
А я по пузу палкой суковатой
Как стукну шваба... И давай лупить!
— А, чертов кум! — кричу, трясясь от гнева. —
Вот будешь знать, как лапать наших девок!

Дубасили его, пока орал,
А замолчит — отпустим. К черту жалость!
Уж он у нас, проклятый, чуть дышал...
Вдруг от удара палка разломалась!
А тот как будто этого и ждал,
Полез за пазуху (как оказалось
Прикидывался подлый мироед!)
И вот навел на Роха пистолет!

Я навалился сзади. Выстрел грянул.
Влетела пуля швабу прямо в рот.
Он захрипел, потом назад отпрянул,
И вот уж кровь фонтаном кверху бьет.

Он выпрямился, сел, на двери глянул —
И вдруг упал... Аминь. Пускай гниет.
И вышли мы с Затратой из сарая.
Глядим — навстречу наши... Мать честная!

Бегут, кричат... Рассвирепел народ,
В руках дубины — подавай им шваба!
А вот и Баня — рожка как ведро,
Да ничего, до свадьбы зажила бы!
Бежит Бугай, в руках как серебро
Сверкает нож... — Ушел? — орут нам бабы,
А я в ответ: — Кончайте канитель.
Ошибся вор, да пуля знала цель.

— Эх, божья воля... — заключил Журава
Мои слова. — Теперь пошли домой.
Не дай господь, нагрянет в док облава,
Ведь все ж агент! — Вдруг видим: над стеной
Взмахнул огонь своей метлой кровавой, —
Горел сарай. Клубился дым густой;
Злодей себя спалил, — его сигара
Была причиной этого пожара.

Тут наши бабы начали креститься,
Известно, бабы — жалостный народ.
Но я вспылil: — За ирода молиться!
Скотина он! Пусть черт его берет!
Пускай над ним вонючий дым сгустится,
Пока я здесь — никто не подойдет...
Пусть труп его как головня пылает
И в ад чертям дорогу освещает.

В молчании мы двинулись домой.
Шли мужики суровые, как туча,
С дубиною в руке, с ножом в другой,
А позади тащились бабы кучей.
Вставал рассвет, и мутный мрак ночной
Уж был разбит лучом зари могучей,
Как скорлупа, откуда в мир должно
Явиться света первое зерно.

Мы шли и всё оглядывались... Боже!
Сарай пылал во мраке, как свеча.
В порту ударил колокол, встревожил,
И тут же портовая каланча
Ответила. Мороз прошел по коже...
Там этот труп, корбясь и урча,
Горит... И я с трудом, забыв о злобе,
Дошел и на постель упал в ознобе.

Не знаю, сколько времени прошло,
Пока болел я... Помню, что ночами
Я чувствовал, как жгло мое чело
Рогатое, негаснущее пламя,
Как мозг кольцо железное свело...
И кто-то плакал горькими слезами...
Проснулся я, гляжу: во тьме ночной
Салюся наклонилась надо мной.

Встряхнулся я, как конь у водооя,
Хотелось есть. Я хлеба попросил.
Измученный болезнью и тоскою,
Я был без сил. Но мне барак постыл,
Как логово медведю, где зимою
Он отсыпался... Я тотчас вскочил
И сел впотьмах на ящик у порога,
Чтоб подышать прохладой хоть немного.

Эх, жизнь, не так уж, видно, ты жестка,
Коль твоего мы жаждем возвращения!
Пусть, словно птица, под огнем стрелка
Упала ты, пускай стезей мученья
Ведет твоя суровая рука,
Пусть человек решит без сожаленья
С тобой расстаться — лишь почует он,
Что вновь ты с ним, — он бьет земной поклон.

.

На мир упала мгла. Но не такая,
Что кутает надречные луга,
Когда русалок пряжа золотая
Чуть теплится, окутав берега,

А где-то кони, гривы расплетая,
Заржут во тьме... И сонные стога
Стоят, внимая звяканью уздечек,
И барабанит в тишине кузнечик.

И по траве идет босой косарь,
И мутный отблеск на косе играет,
И, словно призрак, сквозь тумана хмарь
Проходит и внезапно исчезает.
Во тьме с ветвей срывается глухарь,
И крик нырков болотных жаб пугает,
И стая чаек падает с высот
На око пробуждающихся вод.

Вот грянул выстрел. Вторит даль сурово.
Залаял пес... И снова тишина.
И дремлет мир, он словно околдован,
И нет конца и края царству сна.
И ты идешь, смущен и очарован,
Тебя манит, тебя ведет луна
Туда, за Буг, где, отступив в пространство,
Темнеет леса пышное убранство.

Но, пробивая мутные пары,
Выходит солнце в нежном обрамленьи
Дрожащих радуг, словно ксендз дары
Святые вынес для благословенья
Народа... А в лугах кипят пиры,
И журавли, встречая пробужденье,
Играют зорю — слышишь, вдоль реки
Клекочут их воздушные полки?

Нет, здесь не так... Полотнища тумана
По грязным докам стелются сквозь мрак,
И пар из труб закрыл пол-океана,
И где-то дальний шуруется маяк.
И грудь теснит, и сердце — точно рана,
И острый шебень больно колет зрак,
И, черные мешки надев на плечи,
Мы в порт идем, и мгла ползет навстречу.

Вдруг вижу: человек передо мной
Лежит в пыли... Он пьяный иль убитый?
Остановился Кос, толкнул ногой...
Живой! Лежит, лохмотьями покрытый,
Глаза уставил в небо, весь нагой,
Прямой, холодный, всеми позабытый...
Нагнулся я, молчание храня,
Но не взглянул бедняга на меня.

И приподнял я рубище, что было
Проедено землей и нищетой,
Как решето. Моя душа заныла,
А он лежал уже едва живой...
Спросил я: — Кто ты, брат? — Несчастный
с силой

Вздохнул и молча показал рукой
На ладанку, открыл глаза пустые
И прохрипел: — Мазур... Слуга Марии...

И ладанку на шее развязал.
Там был дукат. Каким печальным светом
Он над сермягой нищей засверкал!
Мазур шептал:— Возьмите, братцы... Это
Я получил за то, что воевал,
Везде с собой таскал его по свету...
Отдайте в божий храм... за упокой...—
И смолк. Одни глаза глядят с тоской.

И видим — веки сами опустились,
И ветер пробежал по волосам,
И две слезы холодные скатились
По помертвелым, высохшим щекам.
Мы подняли его и удивились —
Как легок он. Тогда Секура сам
Решил нести несчастного мазура,
И мы пошли вослед за ним понуро.

Так молча, как с Голгофы, сквозь туман
Несли мы тело мертвое к Благоте.
Вдали метался черный океан,
Казалось, чайки замерли в полете,

И слушали его живой орган,
А он то пел, то замолкал в дремоте,
То снова волны гнал со всех сторон,
Всю скорбь и боль вложив в свой горький
стон.

Уж сумрак прояснялся понемногу,
А мы всё шли и думали о том,
Как человек страдал во имя бога
И умер здесь, один в краю чужом,
И вот теперь лежит и смотрит строго
На этот мир, бушующий кругом,
На нас, на небо и на землю эту,
На весь свой путь, что он прошел по свету.

Что ищешь ты? Зачем глядишь туда,
На темную прошедшую дорогу?
На свете нет ни знака, ни следа,
Что ты здесь жил, дышал, молился богу
И ждал, когда убьет тебя нужда...
Скорее в вихре, воющем над логом,
Увидишь птичьих крыльев быстрый след,
Чем тень твоих желаний, мук и бед.

Эх, эти мысли на меня наводят
Такую безысходную печаль,
Что на душе как в поле ветер бродит
И даже жизни, кажется, не жаль.
Так где ж наш якорь? Нас по непогоде
Относит ветер в грозовую даль,
Кругом стенанья, холод и тревога...
Так где ж спасенье наше? Где дорога?

И словно камень, что, идя ко дну,
Спокойствие воды мутит кругами,
Надолго взбаламутив быстрину,
Так этот труп, лежащий перед нами,
Смутил в груди моей ту глубину,
Где, как на дне, покоилось годами
Сомнение первородное — и вот,
Как желтый ил, со дна оно встает...

Восток светлел. Но с севера украдкой
Уже влачил полотнища туман.
Уж солнце, как кровавая облатка,
Глядело на потухший океан.
И вот во мгле все скрылось без остатка.
Казалось, начинался ураган.
На ошупь волны берег свой искали
И нарастал их рокот в темной дали.

Изменчив океан. Всегда иной,
То в берег бьет своей волною сонной,
То плещется, то стонет, как больной,
То в бешенстве над пропастью бездонной
Летит его рокочущий прибой,
Как колокол рыдая похоронный,
И как стена летит громада вод
И о скалистый берег с шумом бьет.

Всю эту ночь, как будто в смертной муке,
Летели волны к темным берегам,
И до утра стенаний диких звуки
Мешали спать живым и мертвецам.
Казалось, положи на волны руки,
Бог, как арфист, проводит по струнам.
И даже буря в страхе замолчала,
Заслыша звуки грозного хора.

Вдруг колокол над доками запел...
Послышался какой-то странный шорох...
В подвалах пар внезапно засвистел,
Донесся шум шагов и разговоров,
Невидимый подъемник заскрипел,
И замолчали грозные моторы...
Галеры опустели, и толпа
Вбежала в порт, от ярости слепа.

И как гроза, как ураган суровый,
Летающий, точно столб, издалика,
Земные потрясающий основы,
Как в наводнение буйная река,

Что все преграды разнести готова,
Кипит, вздымая пены облака,
Как гулкое движение обвала,
Звучало бунта грозное начало.

Остановились мы. Не разобрать
Сквозь этот дым и пар, что там творится...
Но понял я — готова к бою рать,
Народ встает, чтоб ныне насмерть биться.
Ну что же — погибать так погибать!
Нам нечего терять, как говорится!
Переросли свое ярмо рабы
И требуют ответа у судьбы.

Нет, никогда не видел я таких
Горящих глаз и лиц таких прекрасных
И каменных. Таких огней святых,
Божественных и вместе с тем ужасных...
А эти взоры — сколько гнева в них,
И гордости, и дерзости опасной,
Смертельного отчаянья, тоски...
Так вышли в бой рабочие полки.

Запели... Я не знаю, что там пели,
Но сердце так и замерло во мне...
Мне чудились январские метели
И бормотанье ветра в тишине.
Все громче, громче звуки — вот взлетели
И, словно гром, повисли в вышине.
И вместе с песней над толпой сплоченной
Заколыхались красные знамена.

И видел я, как древко поднял ввысь
Мужик сухой как палка... как дрожала
Его рука, как дыбом поднялись
Прямые волоса... и как внимала
Его душа тем звукам, что неслись
По воздуху... Казалось, зазвучала
Архангелов могучая труба,
Сзывая господина и раба.

А возле знаменосца, что в тумане
Темнел, как ель среди молодняка,
Шли женщины, рабочие, крестьяне,
И песня разливалась, широка,
Как в половодье речка на поляне.
Но тут, завидев труп издалика,
Толпа остановилась. Смолкло пенье,
И сжались кулаки в ожесточенье.

И вот под сенью сомкнутых знамен
Мы понесли его над океаном,
Где столько лет в изгнание прожил он...
Гудел прибор торжественным органом,
Внимая скорби грозных похорон,
И горевал над трупом безымянным.
А мертвый, без рубашки, без креста,
Как вождь нас вел в раскрытые врата.

За ним старушка наша пробиралась,
Ей не мешали. Думали, что мать.
Ее одежда ветром развевалась,
И даже руки начали дрожать.
Она такую вызывала жалость,
Что каждому хотелось ей сказать
Слова участия... Но она молчала.
Никто не слышал слез ее и жалоб.

И лишь когда сверкнули впереди
Зубцы ворот и башен золоченых,
Она сложила руки на груди
И вдруг запела:— Пусть же грянут звоны
Колоколов! Иисус, гряди! Гряди!
Встречай его! Он — Лазарь, изможденный
Страданиями... Играйте, трубы, гимн!
И вы, дома, склонитесь перед ним!

... Идет Христос, несет злаченый крест,
Встань, бедный Лазарь!.. Встань, ты умер
свято!

— Нет, не могу... Еще грозит окрест
Косматый волк, еще ревут ягнята

И беззащитен в птичнике насест.
Еще земля обидою чревата,
Еще летит за жертвою орел,
Еще царит над миром произвол!

... И ангелы поют над трупом сирым:
— Встань, Лазарь! Сядь на золотой престол!
Вот скипетр твой — вздымай его над миром,
Довольно ты ходил и бос и гол,
Одень же кости пурпурной порфирой,
Сияй венцом, который ты обрел!
— Нет, не покину гробового входа,
Пока я не услышу глас народа!

... И вот идут в сиянии лучей
Народы — Лазари:— О, брат любимый!
Христос изгнал из храма торгашей,
Над миром встал венец огня и дыма.
Идем с Голгофы. Больше нет цепей!
Дрожат владыки, господом судимы,
И всадники в пыли лежат окрест!
Тогда из мертвых Лазарь вновь воскрес!

.
Еще та песня в воздухе дрожала,
Еще упасть ей не давал туман,
Когда проснулись сонные кварталы
И затрещал военный барабан.
Послышались тревожные сигналы,
И сбор пожарных городских команд
Играл вдали... И трубы отвечали.
И лишь войска, не двигаясь, стояли.

А толпы шли и шли, как на войну,
Почти по-королевски величаво.
И этот стяг, взлетевший в вышину,
Над головами реющий кроваво,
Все силы, в силу слитые одну,
Чтоб вырвать человеческое право,
И эти руки, славные трудом,
Что могут взять весь мир, и песнь, как гром...

Кто б мог стрелять в таких?.. А уж народ
Взглянуть на демонстрантов торопился.
А шествие все двигалось вперед,
Уж мрамор белой Биржи залоснился...
Вдруг шум раздался — словно треснул лед,
И лес ладоней над толпою взвился,—
Бросая в воздух шапки и платки,
Народ встречал рабочие полки.

Мы впереди. И так нас окружили,
Что ни шагнуть. Хотели мы отстать,
Но так они нас за душу схватили
Своей бедой, сумели так пронять
Сердца, так песней воодушевили,
Что мы решили путь свой продолжать.
Так вслед за ними шли мы, а Секура
Всех впереди нес мертвого мазура.

И рядом с ним старушка с Буга шла,
И как на поле молодые всходы,
Толпа вокруг шумела и росла
Массивом песни, воли и свободы.
Никто — отдельно, вся она жила
Как новый, чудный организм природы —
Сто тысяч глаз, сто тысяч рук встает,
Сто тысяч воль... И это есть народ!

Обиженный, годами гнуший шею,
Он ищет прав. А Биржа заперта.
Склонилось трижды знамя, багровея,
И трижды постучало в ворота.
И вдруг открылась с треском галерея,
И вот выходит комиссар порта,
Обмотанный великолепной лентой,
А на груди сверкают позументы.

Вот поднял руку. Хочет речь держать.
Но тут купцы, свою спасая шкуру,
Вошли за ним... Толпа рванулась вспять,
Потом вперед — оттиснули Секуру,

Схватили труп и стали наступать.
И комендант взглянул на стражу хмуро
И сделал знак... Но поздно — уж народ
Загородил от них парадный вход.

Сверкнули шпаги. Звякнули штыки.
Звучит приказ. Гремя, идут солдаты.
И вот сомкнулись, словно две реки,
Две мрачные громады — брат на брата,
Мелькают руки, плечи, кулаки...
Но стража отступает... Двери взяты!
И угольщики, оцепив проход,
Как буйволы, бросаются вперед,

Вперед, за шагом шаг... И вот взорвалось:
Ур-ра!.. Горят глаза... А бой идет...
И вот уже все шествие смешалось
В один грохочущий водоворот,
И как бы стража ни сопротивлялась,
Толпа идет, теснит и жмет — вперед!
И с двух сторон ворвавшись на ступени,
Охрану оттесняет в иступленье.

Бьют в здание. И в штурме грандиозном
Мазур им помогает, точно щит,
Над всеми поднятый потоком грозным.
И погляди — он как живой лежит!
Какой огонь, суровый и бесслезный,
И гнев какой в лице его сокрыт!
Под рубищем сверкает грудь нагая...
И никнет стража, руки опуская.

— Вперед! — и отступает караул,
И офицеры опускают шпаги,
И замирает боя грозный гул.
Уже в солдатах нет былой отваги,
Сам комендант на бледный труп взглянул
И отступил... И вот уж наши стяги,
Склоненные, свисают с потолка
Над безымянным трупом бедняка.

Раздался крик победы, и в волнение
Все сняли шапки... И народ запел.
Как гром органа в час богослуженья,
Тот стройный гимн на площади гремел.
Не знаю, что там пели, только в пенье
Такая мощь была и душу грел
Такой огонь, что в жилах кровь кипела
И пламенем охватывала тело.

И я взглянул на распростертый шелк,
Опущенный над мертвым конвоиром,
И трепет по груди моей прошел,
Как будто был мне братом странник сирий...
... Встань, Лазарь! Сядь на золотой престол!
Вот скипетр твой, вздымай его над миром:
Поверженные всадники — в пыли...
И молнии проносятся вдали.

.

VI ИДЕМ

1

Земля ты наша! Только ты осталась
У нас одна... Тебя бы я назвал
Отцом родным — но это слишком мало,
Иль матерью — и то не все б сказал!
Ты — все для нас! Ты всех начал начало,
Душа, и плоть, и верный наш причал...
Все именем твоим благословляя,
Я не ищу, поверь, иного рая!

Лишь ты была б — другого не хочу.
С тобою я навек душою спаян,
Я, как скворец, в скворечник мой лечу
И, как король, хожу в пыли окраин,
Одетый солнцем в жемчуг и парчу.
Там, в кузнице и в поле, я хозяин!
Но здесь, вдали, — изгнанник жалкий я...
И всяк смеется: — Где земля твоя?

И задирает нос. Он горд сознанием,
Что этот край — его родимый край.

А ты держись, не обращай вниманья,
Обидю души не растрavляй,
Смахни слезу и глубже скрой страданье
Да голову повыше подымай.
И гордо отвечай, чтоб знал задира:
— Моя земля?— Да в самом центре мира!

Желаешь, меряй,— тут мораль проста,—
А не желаешь — вольная дорога!
Да где ж ей быть? Какие ей места?
У черта на куличках? У порога?
Мы не из-под вороньего хвоста,
Мы Польша, брат, и первые у бога,
А вы — за нами все, любой народ,
Как «Жизнь Христа» понять о том дает.

Вы представление о волхвах смотрели?
Не встретится там немец, ни француз,
А Мацей, Куба, Стах у колыбели
Иль Бальцер в пурпуре до пят, как туз!
А кто играл младенцу на свирели,
Чтоб улыбнулся маленький Иисус?
Там наши пастухи о божьем чаде
Пеклись, о чем и сказано в коляде.

Быть может, с небом свой у вас расчет,
Но все-таки Христос, хоть мимоходом,
Нам улыбается, когда идет
Лесной тропинкой, полем или бродом,—
А потому, что все вокруг цветет,
Живицей пахнет, свежим хлебом, медом,
И все-то радуется господний взгляд —
Народ, поля и крыши старых хат.

Хоть здесь он бросил золото горстями
И море вам разлил на целый свет,
Но все же он не ходит здесь ночами
И здесь его улыбки тихой нет.
Как слугам пан, вам платит он деньгами,
Нам делит, как отец, простой обед,

Хоть скудный, да с любовью; знает всякий,
Что вам не позавидуют поляки.

Как шахта ваша пышная земля,—
Пока из недр ее блестит порода,
Вы делите блага, а поделя,
Чужого нагоняете народа...
С молитвой мы выходим на поля
И крестим пашню — так уж в род из рода
Идет... И вот из-под мужицких рук
Она встает, как чаша божьих мук.

И тишина ложится над полями,
Куда посеял человек зерно
И дух и где взойдут они ростками
Надежды нашей раннею весной.
Земля — она везде и всюду с нами,
В цветах, под пашней, в дождь и в летний
зной,
Когда в слезах, припав к земле родимой,
Ты чуешь дух в себе непобедимый.

Уж мы б сюда, подлясские, не шли,
Не падали б как птицы, не летели
В пожарах зорь среди чужой земли,
Мы б лучше хлеб заплесневелый ели
На диком поле, если бы могли
В то время сохранить мы душу в теле,
Сберечь наш дух свободный и живой
На той земле убогой полевой.

В нас нету этой жадности в помине,
Нам не нужна нажива и доход,
В нас умиление есть, любовь к святыне,
Что даже в грубом черепе живет.
Есть ангельские перья в темной глине
Подлясской хаты, что-то в ней поет,
Играет, отливает горним светом,
Хоть сгорбилась, как нищенка, при этом.

Уж скоро год, как умер Городей,
 Отпетый ясногурским перезвоном,
 Что через море, из родных полей
 Донесся к нам напевом похоронным.
 Что ж нас вело в глуши чужих степей,
 Нам помогало, зноем изможденным?
 Не родины ли дальней голоса,
 Дошедшие сквозь эти небеса?

Да, да, они парили там над нами,
 Как кровля отчая над сиротой.
 Мы прятались под нею со слезами,
 Скрывали жар души. Свой гимн святой
 Они с восхода первыми лучами,
 Как купол возносили золотой
 Над нашими бездомными сердцами,
 И откликались мы колоколами.

Так шли две силы — сила грубых рук
 И сила духа; мы крепились чудом,
 Терпя недели голода и мук,
 И в сердце, где-то глубоко под спудом,
 Жила надежда, что пришла не вдруг,
 А выросла в борьбе, хоть с нашим людом
 Судьба была сурова, как злодей,
 И замертво валила с ног людей.

Был крепок Бандыс, крепок был Секура,
 Затрата Рох, силач Журава Ян,
 И крепкая была у Бани шкура,
 Хоть и на ней был не один изъян —
 Следы невзгод, — все ж головы понуро
 Не опустили, всяк ходил, как пан,
 У баб и то была большая твердость
 И сильная, как у шляхтянок, гордость.

Дивились люди, видя, как живем,
 Забыв про наши раны и нарывы,

И думали, что силы мы кладем
И мучаемся так из-за наживы.
А мы лишь гнали время, день за днем,
Одной надеждою полны и живы.
И что нам были деньги? Лишь весло,
Чтоб нас домой скорее принесло.

А португальцу в этом что? Ему бы
Кушак да нож, поярче рукоять,
Сидеть бы да поплевывать сквозь зубы,
Да на гитаре иногда бренчать,
С сигарою, пуская дыма клубы,
Глазеть — такому разве нас понять?
Он весел, он и речи не заводит —
Откуда солнце встало, где заходит?

Как пахарь, в землю погрузив свой плуг,
Вдруг остановится на повороте
И эти комья черные вокруг
Увидит в зелени и в позолоте
Ржаных колосьев, — так, забыв досуг,
В поту, в тяжелой сгорбившись работе,
Мы видели, как Польша ждет вдали,
Как нас зовет, чтоб к ней скорее шли.

Хотели мы дойти любым путем
До берегов, где вновь почуем волю.
Тоска была нам пищею и сном,
На высохшем ломте — щепоткой соли.
Тяжелым, изнурительным трудом
Мы добывали право лучшей доли.
Но год истек. Давно прошел наш срок...
Уж птицы улетают на восток.

Вот почему глаза горят во мраке
И, устремясь за тридевять земель,
Какие-то высматривают знаки,
Заветную воображая цель.
Ужель нам жить и умирать в бараке?
Ужель так крепко сели мы на мель?

Глядим на море, точно все ждем чуда:
Отпустит — не отпустит нас отсюда?

Но я, кто всю громаду за собою
Привел, но от беды еще не спас,
Глядел подчас с тревогой и тоскою
На их огонь, что постепенно гас.
И вот решили мы совет устроить,
Чтоб деньги, что накоплены у нас,
Из кассы взять. Задумалась громада.
Но Баня первый закричал: — Не надо!

Недолго взять! Да с чем придем домой?
Опять батрачить? Клянчить? Нет уж, дома
Я не желаю по дворам с сумой
Мытариться... Мне это здесь знакомо! —
И тут поднялся шум и крик такой,
Как будто две телеги у паромы
Оглоблями сцепились и стоят, —
Попробуй сдвинь вперед или назад.

Я не мешал — пускай себе бранятся.
Довольно зажимали нам уста.
Мужик, известно, должен накричаться,
Не то задушит ночью хрипота.
И лишь когда от криков задыхаться
Начнет и шея кровью налита —
Здоров! А что тихони? Ну их к богу...
И для горластых в Польше места много.

И лишь когда разросся шумный спор,
Как тесто вылезшее над квашнею,
Как двину я скамейкой о забор, —
Так только рты раскрыли — что такое?
Тут я взглянул на спорщиков в упор:
— Довольно заниматься болтовнею!
Покуда зубы целы — по местам!
Кто не желает — пусть решает сам.

Тут замолчали все. Соображают.
Вот так с горы придержишь лошадей,

Они упрутся вдруг и напрягают
Так удила, что даже из ноздрей
Пар валит. Бижу, способ помогает,
Кричу им: — Здесь над нами нет царей!
И нет нагайки! Хочешь — ради бога!
Иди. Не хочешь — скатертью дорога.

Вздохнул. Молчит громада, как копна.
А я, поняв, откуда ветер дует,
Опять свое: — Так знайте — грош цена
Тому уму, что истины не чует
И не исчислит выгоды сполна.
Не бойтесь, вас никто не обмахлует —
Что сгоряча спешить как на пожар?
Ведь тут не с поросенком на базар!

Тут — море! Тут не сядешь у дороги,
Сапог не скинешь, коли пятку трет,
И снова не переобуешь ноги!
Смертельный тут гремит водоворот,
Тут ты не раз подумаешь о боге,
Как ветер все нутро перевернет!
Чуть зазевался — и к доске привяжут
Да тотчас и морское дно покажут.

Не фунт изюму! Кто из вас читал
Писание? Так там дела такие
Решающими сам господь назвал:
Смерть, небо, суд господень, ад, стихия!
Не человеческий, — божий трибунал!
И все они к твоим мольбам глухие —
Тебя хватают, друг у друга рвут,
А ты, как падаль — брошен, и капут.

Так вот, чтоб не обжечься, надо силу
Рассчитывать — а после уж решать.
Что для тебя так дорого, так мило,
Что даже жизнь за то не жаль отдать?
Чтоб шел к нему ты хоть через могилу,
Чтоб даже в смерти сердцем просиять,

Как та звезда, что падает, сияя,
И все-таки сияет, погибая.

И наделен ли ты живой душой,
Не тряпкой, что чужую пыль стирает,
И часто ль снится край тебе родной,
Где пахота весной благоухает?
А если так — кошель пощупай свой,
И коли денег у тебя хватает —
Спеш! Не трать мгновений дорогих,
Пока землей ты числишься в живых!

Вздыхают. Кос почесывает щеку.
Мигает Жук, седой башкой трясет.
А Бандыс свой кошель приладил с боку
(Как казначей, решил идти вперед),
Я сам слезу смахнул. Неподалеку
Рыдают бабы в фартуки... Народ
Бросается друг к другу, плачет, стонет,
Как будто бы кого-то он хоронит.

Мы не были соседями отнюдь,
И нас не кумовство соединяло.
Из разных мест пошли мы в этот путь,
И память это крепко сохраняла.
Но мы страдали вместе — в этом суть,
Обида нас единая связала,
Как будто цепь суровая одна
Здесь на чужбине нам была дана.

И как по ветру клонятся березы,
Так мы клонились вместе с этих пор.
Тем, кто слабее, вытирали слезы
И снова заводили разговор
О родине. И я глядел на звезды
И ждал момента, чтобы ветер с гор
Слетел на море и увел течение
Туда, где шла дорога возвращения.

Но ветер что-то медлил. Тишина
Околдовала дремлющее море.

Чуть набегала на волну волна,
Как нива колыхаясь на просторе,
И рассыпала серебро луна,
А золото разбрасывали зори,
И падало и падало оно
В сокровищницу тайную, на дно.

Хоть говорят, что снова из пучины
Всплывут однажды золота мешки
И будут шапкой, прямо из стремнины,
Его носить в деревни бедняки,
Пока не переносят половины
И не разбогатеют батраки,
Но тот секрет должны беречь народы,
Чтоб короли не вычерпали воды.

А то сейчас все золото пойдет
На войско, на парады да на латы,
И снова будет бедствовать народ,
И не перепадет полушки в хаты.
Затем-то бог и создал лоно вод,
Чтоб этот клад упрятать от богатых.
Так он лежит и ждет за веком век,
Пока придет свободный человек.

Что говорить — вся жизнь проходит мимо
И со своей дороги не свернет.
К кому сама судьба неумолима,
Того и клад грядущий не спасет.
О человече! Видишь, в клочьях дыма
Встает рассвет? Да путь туда ведет
Сквозь ночь и мрак! Но тем уже полгоря,
Кто различил мерцающие зори.

— Слышал я,— Жук сказал,— что под водой
Лежит земля, зовется Атлантида.
Там свой закон и весь порядок свой,
Банкиров нет — такая уж планида,
А до чего умны! Там никакой
Не причиняют слабому обиды,

Не знают там ни пушек, ни солдат
И никому войною не грозят.

По сто и девять лет живут в том царстве,
На сто десятом каждый человек
Глаза закроет, скажет: благодарствуй,
И радостно закончит долгий век.
И нет там ни врачей и ни лекарства,
Ни ломоты в костях — живут средь нег...—
Тут закричал он и схватился было
За ногу, что когда-то раздробило

Свалившейся на Мышинце сосной.
И продолжал:— Там деньги в грош не ставят.
Живут свободной, дружную семьей,
По праздникам себе обновы правят,
И, словно пчел трудолюбивый рой,
Что наживут — то в улей свой доставят.
Но слышал я, что вверх они всплывут
Не раньше, чем настанет Страшный суд...

Так постепенно шла у нас беседа.
Был праздник, и шлея упала с плеч.
Мы вспомнили былые наши беды:
И солнце, раскаленное, как печь,
И степь, и мор, и мрак, и напоследок
О том, кому пришлось под камнем лечь,
Кто щедро мудрость раздавал народу,
Как липа мед в хорошую погоду.

И Кос сказал: — Эх, взять бы этот камень,
Которым мы закрыли старика,
Да выдолбить на камне том на память,
Какая нас вела сюда тоска...
Да голову с седыми волосами
Пририсовать, а рядом, чтоб рука
Крестила воздух... Так чтоб и осталось,
Чтоб ни дождем, ни ветром не стиралось.

— М-да... — поморгал Бугай, — легко сказать!
Да разве память по камням читает?

А ты с детьми в тени у хаты сядь,
Когда в саду на груше распевает
Соловушка, и вспомни все опять,
И Расскажи — пусть дети наши знают,
Какая доля выпала отцам,
А вырастут — расскажут сыновьям.

Вот так ведь и старинные рассказы
О дедовских далеких временах
Дошли до нас... — но он не кончил фразы.
Какой-то шум раздался в двух шагах
От нашей хижины. Журава сразу
Вскочил — он волновался о деньгах,
Рох с Бандысом пошли за ними в кассу
И не пришли к условленному часу.

Но это оказались не они.
Летели там бурняцкие повозки,
Крик, говор, хохот, музыка — взгляни,
Пестреют лент атласные полоски,
Платки на бабах ярче, чем огни.
Несутся флейт и скрипок подголоски...
Так это свадьба! Что же, в добрый час!
Эй, не забудьте выпить там за нас!

Бурняки-Грады дочку выдавали.
А шла она за Бурняка-Бобра.
Остановили воз, бутылъ достали
И, пожелав компании добра,
Все выпили. Тут зазывать нас стали
Да обнимать под ребра шафера:
— Поедемте! Не плохо погулять бы
Да выпить в честь такой веселой свадьбы!

Мы отвечали: — Да воздаст вам бог!
Для нас, конечно, это честь большая,
Да вот беда — мешок с углем присох
К спине... Свободы служба нас лишает.
Вот и сидим, зарывшись носом в мох...
Спасибо вам! Да наша жизнь такая,

Что никуда не отойти отсель...
Уж вы без нас на свадьбе пойте «Хмель»!

Повойник на невесту надевайте,
Как матери учили надевать,
А вы скорее, дружки, поезжайте,
Чтоб с караваем молодых встречать.
Ну что ж... пора и ехать вам, прощайте! —
Уселись свахи, сватья, и опять
Зовут нас дружки: — Экая досада!
Хоть до утра! Попляшем до упада!

Тут распустила слюнки молодежь,
Как кошка на пасхальную свинину.
Уж Ясеку и Сальке невтерпеж,
Уж Стах глядит смущенно на Марину...
Вот грянул «Штаер»... Что, не узнаешь?
Забыли музыканты половину!
— Обэрек! — им кричат... Но что за вой!
Фальшивят все... Забыли танец свой!

Смутились. Но сыграли марш Ракочи,
С которым он в историю вошел,
Когда через Дунай что было мочи,
Как вихрь, верхом помчался на престол.
Но шелкнул кнут, и свадьба вновь грохочет...
Так, оглашая криком лес и дол,
Под треск ветвей, под свист и гомон птичий
Охотники несутся за добычей.

Вдруг Жук: — Уж вы, пан Бальцер, тоже:
«Хмель»!..

Квашня... Цветочки... Блестки... Расписали!
А молодые-то, поди, досель
Молитвы польской толком не слышали!
А музыка? Да разве это трель?
А где басы? И что они пищали?
Тьфу! Я б за это не дал ни гроша...
Уж, видно, эта свадьба хороша!

Я тут давно за ними наблюдаю.
Конечно, много шуму, есть размах.
Но что? Жених весь в бантах... мать честная!
Какая-то труба на волосах...
И, словно в крестном ходе, молодая
Идет и перед ксендзом в двух шагах
Фату спускает и, задрав макушку,
Волочит юбки, словно хвост индюшка

Да где бы это раньше? Ведь к венцу
Невеста шла, как стрекоза — в корсете,
Венок из руты к белому лицу,
А в косах лент, что васильков в букете!
Костел сверкал. И органист, к концу,
Тянул «Веникреатор»... В ярком свете
За ксендзом шли невеста и жених...
А стоило — три сотни золотых!

Вдохнул.— Теперь совсем иная мода,
Как португальцы, дети будут жить,
И старые обычаи народа
Со временем не станут вовсе чтить...—
Он говорил, а там неслась подвода,
И молодежь старалась уловить
Смех, стук колес, и шум, и топот дальний,
Пока не опустился мрак печальный

На мир. И молча сел я на крыльцо.
Моя душа от боли разрывалась,
Как будто бы заветное кольцо,
Которое от братьев мне досталось,
Я потерял... И я закрыл лицо
Руками... И тоскливо сердце сжалось...
Вдруг вижу — Кос и Бандыс-казначей
И двое неизвестных мне людей

Идут, а руки машут, словно весла,
По воздуху... Не приложу ума...
Да кто ж они? Одеты оба просто,
У одного через плечо сума,

Другой без шапки, с палкой, как апостол
(Мне разглядеть не помешала тьма),
Худой, в простом кафтане полотняном
Привлек мой взор. Он мне казался странным.

Над темным, словно каменным, лицом
Копна волос светлела, как солома
Над черным, догорающим столбом
Пожаром развороченного дома.
Так шли они поспешно вчетвером,
Вдруг слышу крик несется из потемок:
— Хвала творцу! — Вовеки! — крикнул я
И встал: — Добро пожаловать, друзья!

Рох крикнул нам: — Большие перемены! —
А Бандыс: — Мы вам новости несем! —
Как аисты, что в пятнах снежной пены
Летят под облаками косяком,
От снега убегая, как из плена,
Шумят, кричат и тучи бьют крылом,
Так мужики о чем-то раскричались,
И тщетно мы понять их спор старались.

И лишь когда ступили на порог,
Утихли. Тут мы руки им пожали,
Они ж отерли тряпкой пыль с сапог
И господу опять хвалу воздали.
Тут старший сдернул со спины мешок
И сел. И мрачно очи засверкали.
Он исподлобья поглядел на нас:
— А кто тут из подлясских есть у вас?

Народ столпился: — Мы из Соколова!
Из Междуречья мы! А мы из Кжна! —
А гость глядит да хмурится — ни слова,
И вот вздохнул, и сразу — тишина.
— Ох, люди! Там возшла звезда Христова,
И осветила заново она
Леса и земли, целину и реки,
Не дайте же угаснуть ей вовеки!

Тут он замолк. Понурился народ,
Склонился, словно шло богослуженье.
Никто не знал, о чем он речь ведет,
Но всем передалось его волнение,
И вот уже со дна сердец встает
Отечества прекрасное виденье...
Здесь их тела, но души — там, вдали,
В полях родной, покинутой земли.

Все сбились в кучу. Сзади, слева, справа
От путников стоит стена голов.
И вот пошел на цыпочках Журава,
И тотчас запер двери на засов,
И постоял — такого был он нрава, —
Прислушиваясь к звукам голосов.
(Хоть к вере здесь никто не придирался,
Но он властей по-прежнему боялся.)

А тот опять: — Теперь такой закон,
Чтоб там, где поселились униаты,
Религия, — тут снизил голос он, —
Была такой же, как была когда-то...
Слышать, что департамент тем смущен...
Хотя, конечно, власти виноваты,
Что стали мы обряды забывать,
Что нам без веры жить и умирать!

И словно вихрь пронесся в исступленье,
Раздался стон: — Без веры умирать?
Как стадо, без молитвы, без крещенья? —
И гаркнул Рох: — Такому не бывать! —
И, кулаки сжимая, в возбужденье
Шумел народ... Журава же опять
Стал шикать и руками делать знаки,
И водворилась тишина в бараке.

Так он: — Мы с ним полгода ходим тут,
И в Айрес заходили и в Парану,
Всё с этой новостью — куда свернут
Возы и корабли. А там, где встану,

О наших спрашиваю местный люд,
А как найду, и спрашивать не стану,
Чуть ветры с Буга, с Ливца долетят,
Идти готовы к матери назад.

Тут он осип, должно быть волновался.
Тогда другой: — Послы мы от креста,
Что в Вирове недавно показался,
На небе... эти знаете места?
От наших мертвецов, чей прах остался
В лесах, кого пожрала темнота...
От тех колоколов, что там, в стихии,
Гремят молитву пресвятой Марии...

Тут снова первый: — Нынче получил
Депешу из прихода ксендз Благота,
Так зарыдал и жизнь благословил...
«Мы шли, кричал, в железные ворота,
Но вот Христос как птиц нас окрылил
И силы дал для трудного полета...»
Так полетим же все в обратный путь!
Да помощи нам бог! — Тут оба в грудь

Ударили, аж стены загремели.
И сразу стало тихо. Мрак исчез.
Уже кончалась ночь и звезды тлели,
Штыками протыкая синь небес.
Как христиане первые мы сели
Громадой у огня... Но встали с мест
Послы, и тот, что в свитке был холщовой,
Откашлялся, вздохнул и начал снова:

— Слышать, уж возвращаются в лесах
Скрывавшиеся от властей костелы.
Уж ангелы решили в небесах
Над Бугом, в Граннем, где пока все голо,
Поставить нашу церковку, чей прах
Покрыл на берегу песок тяжелый...
Лежат ее остатки, днем черны,
А ночью все блестят в лучах луны.

К святой должно готово быть, не позже,
И так, что крышу зори осветят...—
Тут бабы как заохают: — Ах, боже! —
Как закачают головами в лад:
— Работнички-голубчики! А что же?
Управятся! Как бог на небе свят!
Управятся, ведь божия работа! —
И тихим голосом добавил кто-то:

— Слышать, где соберутся, сразу тут
Начнут тебе играть органы сами,
Сейчас со стен святые все сойдут
И сядут перед алтарем на скамьи,
И все колокола греметь пойдут.
А Ян святой, похищенный орлами,
Сам будет мессу ту служить — она
Пророческою мессой быть должна.

Махнул рукою старший: — Эти вести —
Пустая болтовня. А вот когда
На сотню тех нас станет целых двести,
Зацепимся за Польшу навсегда.
Количеством голов возьмем! А если
Не доберем — пропало все! Беда!
Тогда погибнут и душа и тело...—
Но тут громада наша зашумела:

— Неправда! Не дадим мы души в ад!
Тут не о пустяке, господь помилуй,
Тут о спасенье! Скалы сокрушат,
А нас не сокрушат! Любою силой!.. —
Тут Рох Затрата кинул грозный взгляд,
Надулся, аж на лбу набухли жилы,
Как будто здесь за всех он отвечал,
Грудь выпятил вперед и закричал:

— Пишите дальше! Так: Бугай с женою
Барбарой в Кракове венчались, в том
Костеле, что на улицу стеною,
А на стене угодники. Потом

Кос Марцин. У него осталось трое
Во рву, лежат хотя и под крестом,
Однако всех крестили в чистом поле
Или в лесу дремучем, не в костеле.

Вот Бандыс Петр с Владавой. Всей земли
Пять моргов бросил, убежал от горя,
Спасая душу. Всей семьею шли
До Бремена и там уже — за море.
Все дети умерли. Здесь погребли,—
Бросали в известь, как всегда при море.
А вот Ягнешка, мужняя жена,
В лесу по-волчьи венчана она.

Вот Марцин Лис, сапожник. Как решился?
За двух ребят он внес, чтоб не вписать
Их в православье, а когда родился
Еще один, не мог он денег дать...
А стражник, пьяный, выпить торопился...
Так тут ребенка головою мать
Об стену треснула... Вот это горе.
Скрывались в топах. А потом — за море.

Вот Енджей Дрозд, вдовец. Вот Магда Мних,
Замужняя. Живут вдвоем. А что же?
Под Оренбургом муж живет в чужих
Углах... Тут и епископ не поможет.
Наш Городей!..— И тут народ притих.
А Кос: — Живые мертвых не тревожат! —
А Рох: — И мертвых! Из гробов пойдут
Свидетельствовать на господний суд.

Уж вы не думайте! Дойдет до поля...
А что, при жизни бог на языке,
А после смерти я не верю, что ли?
Зачем мне это дело? В мужике
Одна есть правда и одна есть воля,
Хоть жив, хоть мертв! А бог кота в мешке
Не купит тоже! — Кто ты? — спросит строго.
— Я униат,— отвечу,— волей бога!

Великий господи, я униат,
Крещен в приходской церкви деревянной..
Скорее Буг наш повернет назад,
Чем откажусь от веры, богом данной!
— Так! — грянул крик. — Как бог на небе
свят!

— И пусть меня ни хамы и ни паны
Не трогают, не кличут пусть беду!
А то как гром на них я упаду!..

И распустили глотки на свободе.
Журава крикнул: — Кончите кагал! —
Напрасно. Разошлась душа в народе, —
Как видно, слишком долго он молчал,
И вот его терпенье на исходе,
И все покровы гнев с себя сорвал,
Раскрыв сердца сплошной кровавой раной,
Которую не спрятать под сукманой.

Тут гость в кафтане выступил вперед:
— Вы спутали, совсем не это нужно..
Тут нужно, чтоб подлясский весь народ
Объединился накрепко и дружно
И вспомнил, что его отчизна ждет.
Пускай простится он с землею чуждой,
Пускай он вспомнит снова землю-мать
И поспешит скорей ее спасать!

Из Айроса бегут, и из Параны..
Подлясье прямо толпами валит..
Уж мы тут так и этак строим планы,
Нашли корабль, хоть, правда, он разбит,
Но мы не побоимся океана —
Даст бог, корабль его перехитрит,
Суденышко хотя и небольшое,
Зато билет на нем дешевле вдвое.

И крикнул я: — Тут вы попали в точку!
В поденщиках мы маемся давно
И потому лишь терпим проволочку,
Что денег нет — мы здесь живем бедно,

Как ни крути — пришлось нам взять отсрочку.
Вы видите, нас держит лишь одно,
Но если за билеты меньше вдвое,—
Идем! — Тут Бандыс помахал мошною,

Но головы сначала взялся Жук
Считать. А как считал он — всякий знает.
Не раз такой выкидывал он трюк:
Возьмет и на корню пересчитает
Всю буковую рощу, каждый бук
Заметит, ни ствола не прозевает,
Всё взглядом по порядку обведет,
И счет готов — ищи в нем недочет!

Стоим. И каждый, затаив дыханье,
Следит за суковатою рукой.
А Жук, по-рысьи оглядев собрание,
Губами шевелит, лишь ус седой
Топорщится. И от его вниманья
Никто не ускользнет. Как будто строй
Деревьев он на вырубке считает,
И острый глаз сквозь чащу проникает.

— Не сотня, правда, но и этой доле
Удастся нашу мессу поддержать
В приходском позаброшенном костеле! —
Вдруг Груда говорит: — Меня считать
Не надо... стар я... Для чего мне воля?
Недолго мне осталось горевать...
Мне все равно доехать не удастся...—
И в этот миг от кашля весь затрясся.

Прокашлялся, вздохнул:—Куда мне, братцы,
В такую даль, да по воде такой?
Вычеркивайте, я решил остаться...
Тут буду умирать — барак пустой...
Вы только, перед тем как отправляться,
Отсыпьте табачку, чтоб я порой
Мог закурить... Глядишь — и легче станет...
Поверьте, Груда долго не протянет...

А часть мою отдайте молодым...—
Тут прядь волос отбросил он устало
И пот отер... Казалось, смерть над ним
Уже витала... А толпа молчала.
Вдруг кто-то крикнул:—Как же так — живым
В могилу лечь? Закрыться одеялом
И умирать? Без пищи, без огня?.. —
А он опять: — Оставьте здесь меня...

Глядим, наш Бандыс занялся казною.
Все выше, выше столбики растут,
И серебро сверкает под рукою.
И я воскликнул: — Вот он, тяжкий труд!
Вот наша жатва! Жито золотое! —
А мужики мои как заорут:
— Вам третья часть! Берите, сударь, право,
Вам третья часть принадлежит по праву!

Тут мы захохотали. А Бугай:
— Нет, кроме шуток! Без такого друга
Застряли б мы в горах, и поминай
Как звали... Нам без вас пришлось бы туго,
И не видать бы нам родимый край,
Ни Вислы, ни Подлясья и ни Буга.
Хоть в городе и лучше б жил кузнец,—
Вы в лес пошли за нами, как отец...

И тут мы обнялись, и от рыданий
Затрясся весь барак... А за окном
Уже блестел восток зарею ранней,
И затканый тумана серебром
Небесный полог уступил сиянью...
Все шире, шире в небе голубом
Блестит рассвета розовая пряжа
И разлетается ночная сажка.

Но мог бы живописец лишь один
Запечатлеть то утро зоревое,
И пламень тот, что из морских глубин
Выходит, поднимаясь над водою,

И в небесах зари пурпурный клин,
Пока светило птицей золотою
Не поднялось, чтоб яркий отблеск крыл
Сиянием полнеба заслонил.

Мы вышли в мир. И птицы нам запели,
И свежий ветер лица нам обдул,
Как будто искупались мы в купели,
В источнике, что силы нам вернул.
Народ воспрял. Он приближался к цели.
И океана отдаленный гул
Послышался... И, чуя нашу силу,
К ногам волна покорно лечь спешила.

Мы шли смотреть корабль. Он до сих пор
Стоял, захвачен мощными тисками,
В одном из доков. Видно, в этот порт
Пришел он, искалеченный волнами
И штормами... Должно быть, вихрь в упор
Хлестал его и днями и ночами,
Но нам он показался в этот час
Ковчегом, что господь послал для нас.

И верите ли, не прошло недели,
Как порт был, на глазах, набит битком.
Народ, спеша к своей заветной цели,
Тянулся на телегах и пешком.
Не так ватага птиц летит в апреле,
Весенним возвращенная теплом,
Как эти люди чрез поля и воды
Тянулись к дуновению свободы.

Неразговорчив, мрачен был народ,
Пожалуй, равнодушен даже с виду.
Но видел я — в груди его живет
Глухая, незажившая обида,
И, отерев с лица кровавый пот,
Ни словом, ни движеньем он не выдал
Того, что на чужбине перенес...
Он молча шел, без жалоб и без слез.

Глаза как глыбы льда. И сколько силы
В чертах — их словно выковал кузнец!
Пульсируют натруженные жилы,
И правит гнев биением сердец.
Вот он, народ, что на краю могилы
Прошел сквозь смерть... Вот он,
народ-мудрец!
Я вижу в нем сквозь лед ожесточенья
Великую покорность и смирение.

Вот подошли и скинули мшки
И, как седое стадо, тихо сели
На берегу... Мужчины, старики
И женщины, как шишки чахлой ели
Увядавшие... Достали узелки
И сухарей в молчании поели.
И если нас порыв сюда привел,
То в их глазах — терпенье я прочел.

.
Но описать я даже не пытаюсь
И выразить словами не смогу
Того, как, возвращенья дожидаясь,
Народ вповалку спал на берегу.
Те дни и ночи, в памяти мешаясь,
Меня томят... Но я их сберегу
До самого последнего мгновенья,
Как душный сон, как грозные виденья.

То были годы Страшного суда,
Как иначе те муки назову я?
Когда народ из милого гнезда
Понесся вдаль и там, в тоске кочуя,
Покрылся мхом, коростою труда.
Раскрылось в мир окно, и дух, тоскуя,
Уже готов покинуть был тела...
Но жизнь в свое движение нас впрягла.

Когда-то так же странники скитались,
Узнав тоски неутолимый глад,

Хоть по другой причине расставались
С отечеством и редко шли назад.
Но вот часы господни прозвучали
(А райские часы всегда спешат),
Мы ничего уже не ждали больше...
И вышла в море половина Польши...

Как о скалу, ударился народ
Об эту землю... И поранил темя.
Но в борозду той крови, в свой черед,
Уже упало новой жизни семя.
Оно взошло. Гляди — оно растет!
И новое, воспрянувшее племя,
Чей дух окреп от гнева и обид,
Ударило крылами — и летит!

.
Вставал рассвет, и бедные скитальцы
Залюбовались новою зарей.
Надежды позолоченные пальцы
Сверкали разноцветною парчой.
И вот, земли печальной постояльцы,
Мы встали в строй и словно вышли в бой,
В последнее жестокое сражение,
Чтоб вырвать у судьбы освобождение.

То был поход за солнце, против мглы,
Подобие крестового похода,
Когда, расправив крылья, как орлы,
Сплотились возмущенные народы,
Чтоб вырвать из турецкой кабалы
Святую веру. Так в былые годы
За гроб господень биться люди шли,
И крест святой им виделся вдали.

И стоило взглянуть лишь на громаду,
Чтоб эту силу духа в ней узнать,
Ту силу, что дает сердцам отраду
И что кладет суровую печать
На глину душ... И нет такой преграды,
Которая могла б нас испугать.

Народ окреп в лишениях; и странно! —
Здесь вырос он из старого кафтана.

Какое-то величие и свет,
Какая-то задумчивость и зрелость
Была в глазах. Как будто тяжесть бед
В нем вызвала терпение и смелость.
Как будто в первый раз за много лет
Он понял, что заря его зарделась
И что, пройдя свой крестный путь в пыли,
Остался он наследником земли.

Так шел народ, несокрушимый, смелый,
Казалось, он впервые ощущал
Величие души своей и тела,
И влажный ветер волны колыхал,
И море успокоенное пело
О том, что нас не тронет грозный вал,
Что наш корабль пройдет любые бури
Под высшим покровительством лазури.

.
Прощай, земля, последней муки грани!
Прощайте вы, леса, поля и горы!
Смертельную мы отдали вам дань
За то, что вторглись в чуждые просторы.
Прощай, земля, и мстить нам перестаны!
Прощайте, братья! Пусть мечта, с которой
Погибли вы, согреет нам сердца —
Он близок, час желанного конца!

Прощай и ты, и ты, цветок мой милый,
Чью белизну засыпал я землею!
Куда б меня судьба ни заносила,
Моя душа останется с тобой...
Зачем же влага взор мой замутила?
Кузнец не должен гнуться пред судьбой...
И грянул выстрел. Люди! Слава богу!
Сам океан сзывает нас в дорогу!

.
...Идем к тебе, земля, ты наша мать,
Слепившая из первородной глины
Своих детей... Летим к тебе опять,
Как стая птиц над синевой пучины.
Пусть нас судьба грозитя раскидать,
Ты кликни нас — и все твои дружины
Сплотятся и от дальних берегов
Вновь поспешат на твой знакомый зов.

Идем к тебе, у твоего порога
Хотим колени снова преклонить,
Ведь мы не только плуг — мы волей бога
Та молния, что может бор свалить,
Та молния, что покарает строго
Стволы деревьев, посмевшие прогнить...
Не только прах — мы кровь, что бьется
в жилах!
Полмира мы взвалить на плечи в силах!

Мы будем плугом разрезать поля,
Ковать булат и жать серпами жито,
Пока не упадет с тебя петля,
Пока не вспыхнет вновь твой пламень
скрытый,

И не посмеет уж никто, земля,
Сказать, что нет у матери защиты!
Лишь ты для нас мила и хороша,
Навек с тобою польская душа!

Мы бросим сердце под ноги — вели!
О Польша-мать! В сиянье небосвода
Ты выйдешь вновь в серебряной пыли,
Омытая в купели слез народа,
И лик Зари мелькнет тебе вдали —
То Солнца луч, то заблестит Свобода,
То Новый Свет в твоей святой судьбе...
...О мать-отчизна! Мы идем к тебе!

ПРИМЕЧАНИЯ

В 80-х и 90-х годах XIX века, вследствие невероятного обнищания польской деревни, началась массовая эмиграция польского крестьянства в Америку. По данным официальной статистики, за последние 20 лет XIX века из Польши переселилось в Бразилию, Аргентину и США более двух миллионов человек.

По польским деревням сновали агенты, рассказывавшие чудеса о Бразилии и сулившие эмигрантам земли и богатство. Крестьяне покидали свои хозяйства и отправлялись за океан в поисках лучшей доли.

Однако девственные леса Бразилии оказались вовсе не тем раем, какой они ожидали здесь найти. Тяжелый климат, лихорадка, изнурительная работа при корчевке леса были не под силу большинству эмигрантов. Многие погибли, большинство жило в нищете, некоторые, самые энергичные, возвращались.

Вопросом эмиграции заинтересовалась вся общественность. Виднейшие писатели и публицисты на страницах печати решительно осуждали эмиграцию.

Конопницкая, «печальница горя народного», не могла остаться равнодушной к эмиграционной лихорадке. Она считала ее гибельной для польского крестьянина.

Вскоре поэтессе пришлось самой столкнуться с жертвами эмиграции. В конце лета 1891 года, находясь в Швейцарии, в Цюрихе, она встретила польских крестьян, возвращавшихся из Бразилии на родину, и слышала их рассказы об ужасах, которые им пришлось пережить. 20 сентября 1891 года Конопницкая пишет из Цюриха своему другу Станиславу Кшеминскому:

«Уже несколько недель этим путем (через Швейцарию) возвращаются горсточка бедняков из Бразилии. Надо их видеть, чтобы представить себе, как они измучены, худы и оборваны. Те, у кого было немного денег, возвращаются через Гамбург и Гер-

манию... Но некоторые несчастные не могли раздобыть себе денег на путешествие; эти доплыли до Марселя, а оттуда шли пешком в Женеву — женщины и мужчины; дети все вымерли в пути. Каких картин я насмотрелась, каких драм, каких наслушалась рассказов — описать это невозможно!

Приходят они полуголые, голодные, босые, больные — так что здешнее население сбегается смотреть на них. Путь через Францию был ужасен. Никто не хотел впустить их в дом, и они шли двадцать один день, голодая, ворую овощи на полях, ночуя в канавах, в грязи, потому что была дождливая погода...

Идут женщины, которые каждую минуту могут в пути стать матерями, если не ускорить их переезд. Видела я одну восьмидесятилетнюю старуху, которая «потащилась вслед за внуками» — в Аргентину. А внуки — их было четверо — умерли в течение одной недели... Теперь она возвращается в пустой дом с родителями этих детей, полуослепшая от слез. Какая горькая насмешка над всеми человеческими чувствами».

Именно тогда, в сентябре 1891 года, во время этого трагического шествия польских эмигрантов через Цюрих, в результате бесед с ними, и особенно с одним из них, возник у Конопницкой замысел создания эпической поэмы о судьбах эмигрантов.

18 ноября 1891 года она пишет из Милана:

«Я теперь принимаюсь за такую работу:

Был в Бразилии Юзеф Бальцежак, интереснейший тип мастерового, угрюмый, черный, рябой, бойкий, такой, что сам черт ему не страшен. Возвращался со своими товарищами, с которыми, кстати сказать, сбежал от плантатора в Марсель, а затем шел пешком через Швейцарию. Я познакомилась с ним и восхищена им, его энергией, презрением ко всякому малодушию. Наслышалась я от него всякой всячины — и из этого получится такой рабочий Беневский»¹.

В письме Конопницкой от 25 ноября 1891 года мы читаем:

«Пять дней назад я начала писать не имеющую еще названия поэму о судьбе наших эмигрантов в Бразилии. Рассказывает о своих похождениях Бальцер, а может быть Петр, — не знаю еще, как его будут звать. Начинается на корабле. Пишу октавой».

¹ Беневский — мелкий польский шляхтич, искатель приключений. На материале его биографии Ю. Словацкий создал поэму «Беневский». Приключения мыкающегося по свету шляхтича послужили поводом для воссоздания поэтом ряда картин из жизни Польши.

А в письме, написанном месяцем позже, поэтесса дает более развернутую характеристику главного героя поэмы:

«Рассказ ведется не от автора, рассказывает герой, Бальцер, мастеровой, строптивая душа, твердая голова. Он не жалуется, сколько может, терпит невзгоды, бодро встречает различные злоключения и наконец встает во главе группы возвращающихся и приводит их на родину. Это тип польского мастерового, энергичный, развитой, близкий к сельскому люду, но одновременно чувствующий свое отличие от него, любознательный, живо интересующийся всем».

В январе 1892 года Конопницкая сообщает, что кончила первую часть «Пана Бальцера в Бразилии».

«Это крупная эпическая поэма, имеющая своим содержанием судьбу группы эмигрантов, которые плывут в Бразилию, испытывают там жестокие разочарования и возвращаются домой. Большинство фактов сообщил мне Юзеф Бальцежак из Кола. Поэма делится на три части: 1) На море; 2) В пуще; 3) Домой. Первая часть готова. В ней около 250 октав».

В процессе работы Конопницкая расширила свой первоначальный замысел. Поэма «Пан Бальцер в Бразилии» состоит из шести частей: 1) На море; 2) В эмигрантском доме; 3) В пуще; 4) На обратном пути; 5) В порту; 6) Идем...

За несколько лет до начала работы над поэмой Конопницкая в своей статье, напечатанной на страницах газеты «Глос» («Голос»), писала о том, что в мировой литературе недостает народной эпopeи, и выражала сожаление по поводу того, что не нашелся поэт, который бы после шляхетской, рыцарской или приключенческой эпopeи создал эпopeю народную. И вот теперь поэтесса приступила сама к осуществлению этого замысла.

Вот что пишет об этом Иван Франко (венская газета «Zeit», 1902 г.):

«Сильное, стихийное движение за эмиграцию из конгрессовой Польши в Бразилию заставило зашевелиться даже самых законсервированных консерваторов. На Конопницкую этот факт подействовал угнетающе. Наивная надежда, местами еще пробивавшаяся в ее первых стихах, надежда на то, что пропасть между страдающими и привилегированными можно заравнять любовью, взаимным пониманием и братством — потерпела серьезный удар. Насколько глубоко было это потрясение и насколько сильно оно подействовало на душу поэтессы, видно из того, что под впечатлением этой эмиграционной драмы она начала писать большое

эпическое произведение «Пан Бальцер в Бразилии». Это должно было стать польской крестьянской эпопеей, в противоположность великой шляхетской эпопее Мицкевича «Пан Тадеуш». Все мучения, гнетущие польского крестьянина на родине, гонящие его с родной земли на далекую чужбину, а оттуда обратно в родные края, все надежды и разочарования далекого, полного всяких испытаний путешествия, все хорошие и плохие черты польского крестьянина задумала она собрать в этом произведении, как в выпуклом зеркале, и показать в золотой оправе поэзии». (И. Франко, Избр. сочинения, т. V, Гослитиздат, 1951, стр. 390).

Мария Конопницкая работала над поэмой почти двадцать лет. Орывки из нее печатались в издании «Библиотека варшавская» с 1892 по 1906 год. Полностью же поэма вышла в свет в книжном издании в 1910 году.

Вскоре после выхода поэмы на польском языке с ней познакомились и русские читатели. В московском издательстве «Современные проблемы» вышло в 1911—1913 годах собрание сочинений Марии Конопницкой (в 4-х томах), в котором, кроме прозы и драматических произведений, читатель нашел также прозаический перевод поэмы «Пан Бальцер» (переводчик Владимир Высоцкий).

Полный поэтический перевод поэмы печатается на русском языке впервые.

Настоящий перевод сделан по польскому изданию: М. Конопницкая, «Пан Бальцер в Бразилии», Варшава, 1955. Maria Konopnicka, «Pan Balcer w Brazylii», Warszawa, 1955.

Стр. 8. *Сукмана* — верхняя одежда польских крестьян, сермяга.

Стр. 12. «*Крейц*» — «*Kreuz*» (нем.) — крест.

Стр. 15. *Ломжинцы* — жители Ломжинского уезда. Ломжа — город на северо-востоке Польши, на реке Нарев. *Мазуры* — крупная этнографическая группа поляков, населяющая северо-восточную часть Польши (часть Мазовии, Подлясье). В свою очередь распадается на ряд более мелких групп. Мазуры являются потомками мазовиан — одного из основных племен, участвовавших в формировании польской народности. *Плоцчане* — жители Плоцчанского уезда. Центр — город Плоцк, порт на реке Висле, к северу от Варшавы.

Стр. 20. *Униаты* — духовенство и верующие униатской (греко-католической) церкви. Создателем унии православной церкви с католической под властью римского папы (уния была оформлена в Бресте в 1596 г.) был фанатический ревнитель католицизма

Петр Скарга, стремившийся этим актом укрепить власть польских феодалов на украинских и белорусских землях.

Царское правительство преследовало униатов, а после польского восстания 1863 г. в числе других репрессий по отношению к польскому населению был издан указ о присоединении униатов к православной церкви. Старшее духовенство подчинилось указу, но простой народ упорно сопротивлялся ему.

Я также родом из подлясской хаты... — Подлясье — историческая область Польши, восточная часть мазовецко-подлясской низменности. В раннем средневековье Подлясье было заселено восточнославянскими и литовскими племенами и входило в состав Киевской Руси. В XIV в. Подлясье стало частью Великого Княжества Литовского, а при заключении Люблинской Унии 1569 г. (когда Великое Княжество Литовское объединилось с Польшей в одно государство) было присоединено к Польше.

Стр. 35 *Кампинос* — Кампиносская пуша, заповедный лесной массив в Польше, к северо-западу от Варшавы. *Беловежская пуца* — заповедный лесной массив в западной части Белоруссии, неподалеку от г. Бреста. *Пружаны* — город в Белоруссии.

Стр. 39 *Шляхетское Залесье* — там, где *Зджары*. — Залесье, Зджары — так называемые «застянки», то есть деревни, населенные мелкопоместной шляхтой; земельные участки этих шляхтичей были так малы, что их образ жизни почти не отличался от жизни простых крестьян. *Лахишинские* — жители городка Лахишин, Пинского уезда, близ Канала Огинского. *Озиаты* — Лахишинские пастбища за Каналом Огинского. *От короля бумага нам дана.* — Короли Зыгмунт III и Владислав IV специальным указом наделили землей лахишинских мешан.

Стр. 42. *Канарский остров*. — слышу говорят. — а иначе *Викентия святого*. — В действительности остров Святого Викентия относится не к Канарским островам, а к островам Зеленого мыса.

...Он звался, брат, Святой Еленой. — Это не мог быть остров Святой Елены, находящийся к югу от экватора, так как в то время эмигранты еще не пересекли экватор.

Стр 45 *Громница* — восковая свеча, зажигаемая у изголовья умирающего или у гроба.

Стр. 46. *...Корабль за нами прислала королева.* — Речь идет об английской королеве Викторин, которая, по лживым заверениям бразильских агентов, якобы принимала живое участие в судьбе польских эмигрантов.

Стр. 53. *Тора* — находящийся в синагоге свиток, на котором написана часть библии — «Пятикнижие»; авторство ее приписывается мифическому пророку Моисею. *Из книг кагалных*. — Кагал — еврейское общинное самоуправление и сама община в Польше в XVI—XIX вв. Кагалыные книги — книги для регистрации в кагале актов гражданского состояния.

Сервитуты — при крепостном строе право пользования общинными землями, предоставлявшееся как помещикам, так и крестьянам. В XIX в. при отмене крепостничества в Польше, помещики хлопотали о ликвидации сервитутов, на основании которых крестьяне пользовались лесами и лугами, принадлежавшими помещью. Лишение крестьян топлива и пастбищ сохранило их зависимость от помещика и после отмены крепостного права. Сервитуты были постоянным источником конфликтов между помещьем и деревней.

Стр. 57. *Курпяне* — жители Курпий, лесного района в Польше, над рекой Нарев.

Стр. 58. *Плебан* — приходской священник в Польше.

Стр. 65. *Тонзура* — выбритое место на макушке у католических духовных лиц.

Стр. 69. *Бальцер* (Балтасар) — имя одного из трех волхвов, которые, по евангельскому преданию, пришли в Вифлеем, где родился Христос, поклониться новорожденному мессии.

Стр. 70. *Сантос* — портовый город на юге Бразилии в штате Сан-Паулу.

Стр. 75. *Его передают, как встарь, в Карнатах, горящую лозу из дома в дом*. — В старину в Польше передавали из дома в дом горящую лозу, как сигнал о военной опасности и призыв к народному ополчению.

Стр. 78. *Квартироны* — потомство от смешанных браков белых с терцеронами (терцероны — потомство от смешанных браков белых с мулатами).

Стр. 80. *Минас-Жерас* (Минас-Жераис) — штат на востоке Бразилии.

Стр. 82. *Пинхэро* — бывший летний дворец императора Педру II в горах, над рекой Паранбой. Ко времени действия поэмы был превращен в эмигрантский дом.

Стр. 85. *Ченстохова* — древний город в Польше, на реке Варте. В XIV в. в связи с перенесением в местный монастырь «чудотворной» иконы богородицы Ченстохова стала крупным ре-

лигиозным центром. Туда совершались паломничества со всех концов страны.

Стр. 86. *Картину видел я...* — Имеется в виду картон для фрески Микеланджело «Пизанская война».

Стр. 87. *Дон Педро* — Педру II (1825—1891) — император Бразилии (1831—1889); в 1889 году был свергнут представителями помещичьей знати, использовавшими для захвата власти рост демократического движения.

Стр. 91. *Войт* — старшина сельской общины в Польше.

Стр. 92. *Оберек* — польский народный танец.

Стр. 108. *Иов* — библейский герой, которому, по преданию, бог посылал тягчайшие испытания.

Стр. 112. «*Salve Regina*» (лат.) — «Здравствуй, царица» — начало католического церковного гимна.

Стр. 115. *Хергот!* (Herr Gott — нем.) — господи!

Стр. 119. *Рио* — Рио де Жанейро.

Стр. 120. *Сан-Паулу* (Сан-Пауло) — штат на юго-востоке Бразилии. *Парахыба* (Параиба) — штат на востоке Бразилии. *Святая Катерина* (Санта-Катарина) — штат на юго-востоке Бразилии.

...*Кампинас! А Кос:* — *Да, под Варшавой...* — Кампинас — город в Бразилии в штате Сан-Паулу (под Варшавой Кампинос, или Кампиноская пуша).

Стр. 121. *Пинские болота* — болотистые пространства Полеской низменности.

Стр. 124. *Блюменау* — группа немецких поселений в Бразилии, в штате Санта-Катарина.

Стр. 126—127. *Иглашево* (искаженное Игуасу) — река в Бразилии, левый приток реки Параны. *Парана* — река в Южной Америке, вторая по величине после Амазонки; штат на юго-востоке Бразилии.

Матагросо (Матту Гроссу) — штат в Бразилии. *Туда, где соль* — Рио Гранде де Суль — штат на юге Бразилии. *Павел* — Сан-Паулу. *Ко Всем Святым* — залив Всех Святых в штате Бая. *Дестеро* — город в Бразилии, столица штата Санта-Катарина.

Стр. 133. «*Requiescant in pace*» (лат.) — «Да покоятся в мире» — последние слова католической молитвы об усопших.

Стр. 137. *Локеток спит, и с ним дружины спят.* — Согласно преданию, в пещерах в Ойцове, близ Кракова, скрывался польский король Владислав I Локеток (1260—1333), вынужденный бежать из Кракова во время борьбы, которую он вел за престол с силезскими князьями. Предание гласило, что Локеток со своими

рыцарями спит в Ойцовских пещерах и встанет, когда начнется борьба за свободу.

Стр. 140. *Валигора, Вырвидуб* — силачи-великаны, герои польского фольклора.

Стр. 141. *Так в Буковине срубленные буки...* — Польский король Ян Ольбрахт потерпел поражение в походе на Буковину (1497), так как неприятель устроил засаду: когда тяжелая польская конница въехала в лес, на нее свалились, давя и убивая, подпиленные незаметно деревья.

Стр. 205. *Ясна Гура* — холм в Ченстохове; на нем стоит монастырь с «чудотворной» иконой, которую князь Владислав Опольский взял в качестве трофея в битве с князем Воыньским в 1377 г.

Стр. 228. *«Kyrie elejson»* (греч.) — «Господи, помилуй».

Стр. 231 *И как калека, различив вдали святыни остробрамской галерею.* — В городе Вильно имеется часовня XVII в. с известной «чудотворной» иконой остробрамской богородицы.

Стр. 242. *Стал Бартек паном...* — Бартек — распространенное крестьянское имя, ставшее нарицательным и обозначающее мужика, простолюдина

...Ксендз и епископ — оба здесь из кабоклов... — Кабоклы — коренные жители Бразилии, потомки смешанных браков белых с индейцами и неграми.

Миле (милрейс) — бразильская монета в тысячу рейсов.

Стр. 243. *Шпаркассы* (нем.) — сберегательные кассы.

Стр. 245. *Ландрат* (нем.) — начальник уезда в Пруссии.

Ландплюдер (плюдер — презрительно) — немец. Ландплюдер — шутовское словообразование по образцу слова ландрат.

Стр. 246. *Бом диа, пае* (португальск.) — добрый день, папа *Мае* — мама (португальск.).

Стр. 277. *Лях* — легендарный предок польского народа.

Стр. 278. *Собек* — Ян III Собеский (1624—1696), польский король (1674—1696), талантливый полководец. В союзе с Австрией одержал крупнейшую победу над турками в битве под Веной 12 сентября 1683 г.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — выдающийся деятель польского национально-освободительного движения.

Стр. 283. *Imaculata!* — Пречистая дева! (искаж. португальск.).

Стр. 284. *Вдруг прибежал Забуда.* — Забуда — шляхтич, участник польского национально-освободительного восстания 1863 г. После подавления восстания был сослан, из ссылки бежал в Бра-

знию. Тяжелые жизненные обстоятельства сломили его. Только после встречи на чужбине с представителями своего народа в нем просыпается снова чувство собственного достоинства, национальная гордость, которая находит выражение в его героическом подвиге.

Стр. 313. *Атлантида* — легендарный материк в Атлантическом океане, по преданию, затонувший в одну ночь.

Стр. 316. *Хмель* — обрядовые песни, музыка и танец на деревенских свадьбах в Польше. *Штиер* — медленный немецкий танец.

Стр. 317. «*Веникреатор*» («*Veni Creator*») (лат.) — «Приди, творец...» — начало католического церковного гимна.

Стр. 319. *...Теперь такой закон...* — Речь идет об указе от 17 апреля 1905 г., дающем возможность более 200 тысячам униатов перейти в католичество.

Стр. 322. *Под Оренбургом муж живет в чужих углах...* — Царское правительство ссылало униатов в Оренбургские степи.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАН БАЛЬЦЕР В БРАЗИЛИИ

I. На море	5
II. В эмигрантском доме	68
III. В пуще	134
IV. На обратном пути	173
V. В порту	231
VI. Идем	305
Примечания	333

Мария Конопницкая

СОЧИНЕНИЯ, Т. 2

Редактор *Ю. Живова*

Технический редактор *С. Розова*

Художественный редактор *Ю. Клодт*

Корректоры *Л. Борец* и *Т. Тихомирова*

Сдано в набор 23/1 1959 г. Подписано
к печати 23/IV 1959 г. Бумага 84×108^{1/2} мм.
10,75 печ. л. — 17,63 усл. печ. л. 17,01 уч.-
изд. л. Тираж 25 000. Заказ 34.
Цена 8 р.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа,
Минск, Красная, 23.

8/27/61

8/27/61